

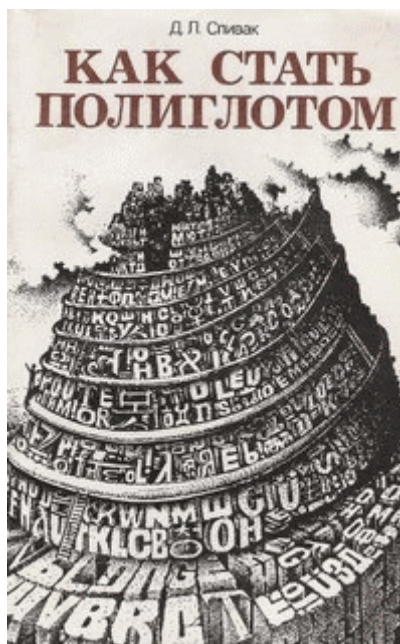
Д. Л. Сливак

КАК СТАТЬ ПОЛИГЛОТОМ

Дмитрий Леонидович Спивак

Как стать полиглотом

«Спивак Д.Л. Как стать полиглотом»: Лениздат; Л.; 1989
ISBN 5-289-00539-0

Аннотация

Каждый ли человек способен овладеть иностранным языком? Какой язык целесообразнее изучать? Существуют ли научно обоснованные методики, облегчающие овладение языками? С какого возраста следует обучать языку своего ребенка?

Эти и многие другие вопросы интересуют каждого культурного человека. В поисках ответа на них читателю доведется углубиться в запыленные фолианты, рассказывающие о захватывающей истории полиглотов, заглянуть в лаборатории психолингвистов, раскрывающих тайны многоязычия, побеседовать с людьми самых разных профессий и возрастов, отдающих свободное время изучению языков. В заключение даются практические рекомендации для желающих самостоятельно и в сжатые сроки овладеть языком.

Книга основана на многолетних работах автора-полиглота, члена Педагогического общества РСФСР, и предназначена широкому кругу читателей.

Дмитрий Леонидович Спивак **Как стать полиглотом**

Предисловие

Книг, подобных той, которую вам предстоит прочесть, у нас раньше не выходило, хотя потребность в них неоспорима. Иногда какой-нибудь полиглот поделится в газете некоторыми приемами из своего опыта, но четких практических рекомендаций, а тем более рассказа о месте полиглотов в истории и культуре у нас до сих пор не было.

В книге ясно показано, что знание одного или нескольких языков – совершенно естественное явление. Оно распространено шире, чем принято считать, – особенно в нашей многонациональной стране. Следует полностью согласиться с автором, что людей, неспособных к усвоению языков, нет и не может быть, ведь резервы человеческого мозга неисчерпаемы и каждый из нас использует пока только скромную их часть.

Издание, несомненно, окажется полезным для самого широкого круга читателей. В нем рассматривается целый спектр вопросов, связанных с тем, какой язык выбрать для изучения, даются рекомендации, обращенные к родителям, преподавателям кружков и курсов, где люди овладевают неродным языком. Кроме того, оно поможет ориентироваться во множестве языковых проблем, возникающих в нашей повседневной жизни буквально на каждом шагу.

Одним словом, на страницах книги приводятся советы, нужные каждому. Для этого автор привлек весьма представительный круг литературы и лично обобщил богатый опыт наших полиглотов.

Вероятно, читателю останется неясным лишь один вопрос – сколько же языков знает сам Дмитрий Спивак? Для отдыха он может увлеченно вчитываться, скажем, в китайскую грамматику, а переход, допустим, от шведской книги к греческой газете совершается им без всяких затруднений. Но сам он говорит, что знает языков столько, сколько необходимо для дела, например хотя бы для того, чтобы перед читателем легла эта книга. Свободно, скромно утверждает автор, он владеет семью языками, а при необходимости с помощью методов, раскрытых на страницах книги, за короткое время в состоянии «справиться» с любым понадобившимся языком – европейским или азиатским, древним или молодым. Специалист по теории и истории педагогики, он много работал и практически – как переводчик международных форумов и конференций молодежи.

Рекомендации автора могут быть без оговорок приняты любым юношей или девушкой – даже считающими себя неспособными к языку. Очень скоро, сделав первые успехи, читатель добром помянет полученные советы. Иначе и быть не может, ведь в книге по крупицам собран и обобщен опыт самых разных людей. Должен признаться, что и я, в общем давно работая над различными языками, нашел полезными для себя кое-какие из этих советов.

Книга адресована массовому читателю, но в первую очередь, конечно, сверстникам автора – молодым людям. И это очень важно, поскольку молодежь, идущая нам на смену, должна решать свои проблемы сама. Впрочем, уверен, что человек любого возраста найдет здесь тему себе по душе. Книга написана увлекательно, ясно, она нужна людям, а значит, ей суждена долгая жизнь.

*А. Д. Дридзе, доктор исторических наук
Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР*

Глава первая ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР ПОЛИГЛОТОВ

Кто такие полиглоты?

Над морем уже темнело, когда к нашему дому приковылял старый пират. На его плече сидел попугай, бивший крыльями и кричавший: «пиастры! пиастры!». С этого вечера начались приключения, приведшие меня на остров сокровищ...

Да, начинать книгу таким образом просто и весело – внимание читателя приковывается сразу и до конца. Можно даже рассчитывать на чтение ночами напролет. А наша тема? Может ли она вызвать интерес широкой аудитории, радовать и волновать?

Начнем с самого слова. По-гречески полиглот значит многоязычный, то есть человек, владеющий многими языками. И особой тайны здесь нет – пресса периодически пишет о людях, способности которых почему-то превосходят средние.

Так, житель Франкфурта-на-Майне Л. Шютц свободно поддерживал беседу на 270 языках. Заметим, что, вероятно, проблему составляла доставка к нему собеседников, поскольку даже в очень большом городе найти более сотни носителей разных языков в общем-то трудно. А отсюда следуют две очевидные вещи. Во-первых, его способности использовались в обычной, каждодневной жизни хорошо, если на десятую часть. Во-вторых,

это были явно аномальные способности – как у спортсмена, который прыгает за два метра: сколько ни смотри соревнования по телевизору, так высоко не прыгнешь.

В газетах постоянно мелькают подобные заметки о полиглотах. И вероятно, роман о внутренней жизни такого человека – своего рода донжуана языков, пленяющегося все новыми наречиями и покоряющего их в мгновение ока, – был бы занимателен. Но, кроме простого развлечения, какой вывод мог бы сделать отсюда обычный читатель? Что хорошо иметь большие способности и уметь их развивать? Или что возможности любого человека безграничны? Не случайно в интервью и записках знаменитых полиглотов обычен тот аргумент, что их достижения важны как доказательство реализации необозримых способностей человека. Конечно, любой из нас использует свой мозг едва на десятую долю, и, так же как знаменитый марафонец открывает чудеса резервов тела, полиглот делает то же самое в сфере разума. Но тогда самое место их описанию в научном труде. Спору нет – наука много сделала для понимания данного явления. Но это ли главное?

...Оставим на минуту современность и перенесемся на тысячелетие назад: в Киеве тогда шел 6476 год. Кочевники-печенеги осадили город, и некому было выбраться из него за подмогой. Положение у наших предков критическое. И тут из толпы выступает мальчик: он знает язык печенегов, попробует выдать себя за кочевника и пробраться сквозь стан. Что было дальше – прощание с родителями, напутствие соседей, – мы не знаем, но самое важное пробилось к нам сквозь толщу веков в виде живого рассказа. Обратимся к «Повести временных лет» и послушаем летописца без переводчиков.

«Отрок изиде из града с уздою, и ристаше сквозь печенеги, глаголя: „Не виде ли коня никтоже?“ Бе бо умея печенежски, и мняхуть и своего. И яко приближися к реце, сверг порты, сунуся в Днепр, и побреде». Конец этой истории хороший – подмога пришла вовремя.

Ну а еще за тысячелетие до этого похожий случай произошел в Древнем Риме. Отважный юноша, зная этрусскую речь, прокрался в стан неприятеля – только его схватили. Во время допроса он держал руку на огне. Подвиг Муция Сцеволы поразил древних и тоже дошел до нас в истории.

Схожесть эпизодов такого рода дала некоторым исследователям основание предполагать, что здесь мы имеем дело все-таки не с голым фактом, а с художественно переосмысленной реальностью. Но даже если это и так, то народ обобщил то, что нередко случалось в жизни и что соответствовало его идеалам. Следует сразу оговориться: в этих первых случаях из длинного ряда, о которых мы расскажем, звучание языков смешивается со звоном мечей. Так и должно быть – священный долг защиты Отечества завещан нам дедами и прадедами.

Но не будем забывать и о другой стороне медали: в мирное время эти же языки несли взаимопонимание и уважение, обогащали обе культуры. Всем известно, как много – от алфавита до самых основ государственности – дали этруски Риму. Что же касается соседей-кочевников, то на Руси не стыдились при случае ни родниться с ними, ни учиться у них.

...250 лет назад сложные взаимоотношения казахских кочевников с русским государством завершились добровольным присоединением их к России. С тех пор судьбы обоих народов связаны в радости и испытаниях. И вот, перелистывая посвященный этому юбилею сборник казахской поэзии, я обратил внимание на имя Надежды Лушниковой. Как своеобразно слились в ее стихе восточный сказ и европейская строгость:

Аул родной! Ты воспитал меня,
мою любовь до времени храня.
Язык казахский мне навеки дал –
сравнятся ль с ним и жемчуг, и коралл?

В строках, вышедших из-под пера Надежды Лушниковой, гармонично сочетаются русская частушка и народный праздник поэзии айтыс, где состязаются акыны. А началась ее история в годы войны. После гибели отца девочку воспитывали в казахском ауле. Она

ходила в местную школу, слушала мудрых аксакалов – и музыка чужой речи проникала в душу.

А затем полились и стихи. Постепенно они нашли своих слушателей – и русская девушка стала членом Союза писателей Казахстана, признанным знатоком казахского языка и культуры. Живет Надежда Андреевна в маленьком городке Узунагаче, преподает ребятам из местного ПТУ казахский, а маленькой Гульжан, которую она удочерила после потери девочкой родителей, открывает сокровищницу русского слова. В этом примере, конечно, отразились тысячи схожих судеб, присущих нашей многонациональной стране. Чему учит детей Лушников? Думается, что не только языку, но и жизненной мудрости, уважению к достоинству чужого народа...

Теперь мы ступили на более твердую почву для разговора о полиглотах. Да, знать много по количеству – важно. Но знать много по качеству, по сумме принесенного людям добра – неизмеримо важнее. В самом деле, ведь все упомянутые нами люди знали по одному языку, а разве малого они добились? По-видимому, важно не то, сколько языков было изучено, и даже не то, до какой степени совершенства. Существенно, что достигнуто то главное, ради чего язык понадобился. В иных условиях и несколько слов чужого языка могут стать золотым ключиком.

Наверное, и это еще не всё. Даже если не говорить о других языках, разве не нужно владеть историей родной речи? Действительно, ведь уже у Пушкина мы понимаем отнюдь не все. В самых простых оборотах есть смысл, который иногда совсем не очевиден. Знать прошлое своего языка – значит говорить с предками без переводчика. Разве это не то же многоязычие?

Согласитесь, здесь есть что-то от отношений между... физкультурой и спортом – пусть кто-то ставит рекорды, но это не заменяет того, что каждый должен быть здоровым и сильным. Точно так же, пусть редкие феномены достигают пределов возможностей, среднему человеку достаточно обладать основами языковой культуры. Может быть, это выразится в знании какого-то языка, но прежде всего в доброжелательной готовности к контакту с носителем другого языка, в умении выйти из него внутренне богаче. Поэтому, когда мы вместе с вами, дорогой читатель, будем искать ответ на вопрос: «Как стать полиглотом?», речь пойдет в первую голову об ориентации на многоязычие как части гармонично развитой, духовно наполненной личности.

Конечно, если читатель ищет на этих страницах приемы, позволяющие быстрее изучить нужный ему язык, то они есть и все будут даны. Но скажем сразу, что пропуск к успеху в этом деле – не навыки, а твердая внутренняя установка на доброжелательное любопытство к любой незнакомой речи.

В связи с этим мне приходит на память забавная игра, популярная у петербургских гимназистов прошлого века. Она состояла в том, что ребята собирали... слова из самых редких или малодоступных языков. Все здесь было как у настоящих коллекционеров: и использование любой возможности для пополнения своей коллекции, и ревнивое соревнование, и обмен. Мы, вероятно, не знали бы об этом поветрии, если бы не дневник маленького Алеши Шахматова. Откроем первую попавшуюся страницу. Вот и учет: за 50 санскритских и 3 готских слова выменял 60 исландских, за 40 персидских и 8 арабских – 50 финских и литовских. Впрочем, успех сменялся неудачей: «У меня критическое положение. Желая купить армянскую азбуку и несколько мифологических песен, но за них требуют 1200 слов санскритских. Такого у меня нет капитала».

Смешные и далекие от нас проблемы, но учтем, что из этого маленького чудака вырос большой знаток культуры своего народа. Современные биографы прямо пишут, что для истории русского летописания академик Шахматов сделал не меньше, чем Пушкин для нашей литературы. Впрочем, итоги деятельности Алексея Александровича каждый из нас ощущает весьма явственно – ведь если мы не мучимся сегодня с правописанием ятя, фиты и твердого знака, то этим мы обязаны реформе русской орфографии, во многом разработанной Шахматовым.

Конечно, читателю вовсе не требуется приниматься за коллекционирование иностранных или древнерусских слов. В нашем распоряжении вполне достаточно словарей и пособий. Но почему бы не заинтересоваться значением термина, услышанного на работе, не попробовать разобраться в технической характеристике станка, пришедшего из-за рубежа? Почему бы не узнать, как будет «яблоки» на языке симпатичного южанина, у которого вы их покупаете на рынке, и не удивить заезжих туристов приветствием на их языке? Знания, которые мы получаем по ходу дела и совершенно даром, могут помочь и в работе, и в налаживании добрых человеческих отношений.

Но уж если для такой учебы на лету нужны время и раскованность, которых вам не хватает, то расположить к ней своего ребенка – первый шаг к тому, чтобы сделать его и способным к иностранным языкам и умело пользующимся родным. И если начинать учение языкам, то не с найма репетиторов и не с зубрежки правил, а с воспитания того, что мы назвали доброжелательным любопытством. Тогда можно будет быстро и очень легко... Впрочем, постойте!

Природа или воспитание?

На первый взгляд общие контуры темы очерчены, и в принципе нам ничто не мешает взяться за ее практическое рассмотрение. Но тут, как писали в старину, перед мысленным взором сочинителя встает ситуация, не раз возникавшая на его выступлениях. Как только заходила речь с детей, с места поднимался серьезный слушатель и проникновенно говорил о том, сколько сотен часов было потеряно им на немецкий – и все без толку. (Аудитория при этом сочувственно вспоминает пресловутые «тысячи» – те самые тексты для домашнего чтения, без которых у нас в техникумах и институтах зачета не получить.) «Ну я – ладно, – заканчивал страдалец, – но у детей те же неудачи в школе. Видимо, неспособность к языкам передается по наследству. Какой прок в советах, если природа отказала?»

Вопрос правильный, и без внятного ответа на него двигаться дальше нельзя. Более того, есть за рубежом целое научное направление, которое исходит из того положения, что 4/5 интеллекта человека наследуются совершенно пассивно. Теоретиками этой школы усовершенствован, кстати, тип анкет – так называемые «ай-кью». Если вы плохо заполните их, доступа в целый ряд фирм или учебных заведений вам не получить. Есть и специальные тесты, определяющие ваши шансы выучить хоть один язык, а по их итогам они очень часто могут оказаться нулевыми.

По большому, как говорится, счету этот подход нельзя так просто забраковать. Скажем, английский полиглот прошлого века Дж. Боуринг мог говорить на ста языках и читал еще на ста отнюдь не потому, что его кто-то хорошо научил. Скорее всего, игра генов. Но всегда ли колоссальные природные способности приводят к овладению языками? Возьмем такой феномен, как неограниченная память.

Помните, как длинен роман В. Гюго «Собор Парижской богоматери»? Так вот, французский политический деятель Гамбетта свободно читал наизусть в прямом и обратном порядке не только его текст, но и все собрание сочинений писателя. Или наш современник А. Чиквашвили. Однажды друзья в шутку попросили его сказать, сколько слов произнесет комментатор матча тбилисского «Динамо» с московским «Спартаком», а сами для контроля включили магнитофон. Тбилисец устроился у телевизора, от души поболел за родную команду, а в конце сказал: 18 350 слов, 174 270 букв. Пять часов потратили друзья, чтобы убедиться в его правоте.

Примеры такого рода легко умножить. Автор особенно интересовался подобными случаями, беседовал с людьми, обладающими феноменальной памятью. И выяснилось, что многие из них знают не более 1–2 языков, но самое интересное – что и на родном иногда не вполне схватывают смысл того же репортажа, какие-то намеки, каждому из нас понятные с ходу.

Дело в том, что у них развита какая-либо одна способность – в данном случае

механическая память и автоматический счет, – а другие вполне обычны. Язык же требует не только этих, но еще многих других способностей. Потому-то среди знаменитых полиглотов так мало людей, прославившихся еще на каком-то поприще, пусть даже на таком близком, как лингвистика. Вот другой пример. Десять лет назад скромный врач из Филадельфии А. Линген взял в руки пластинку. Как-то по-особому вглядевшись в нее, он обнаружил... что явственно слышит записанную на ней музыку. С тех пор у доктора открылась способность читать по бороздкам на диске, как по нотам, различая самые тонкие пиццикато и другие нюансы.

Удивительная острота зрения, его связь со слухом. В языках талант Лингена обнаружился бы, вероятно, в быстром освоении китайских иероглифов, на которое у обычных людей уходят годы, но, чтобы овладеть языком в целом, ему пришлось бы потрудиться не меньше, чем любому из читателей.

Мы вовсе не отрицаем огульно мнение зарубежных коллег. Но лучшие из разработанных ими тестов все же измеряют не более 3–4 из целой массы способностей. И, как это всегда бывает в жизни, в конечном счете успеха добивается не вундеркинд, развивший какую-либо одну способность, но средний человек, продуманно распределивший свои скромные силы. Есть ли какой-то способ, по которому можно измерить не части, а целое? Да, и это не выполнение придуманных задачек, а достижение реальной жизненной цели. И каждый из нас уже прошел этот тест при освоении родного языка.

Ошибочно было бы думать, что все мы делали это играючи или примерно одинаково. По-видимому, у одних этот путь напоминал ровную дорогу, а у других – кочки и овраги. Хотя результат вышел примерно тождественным, каждый пришел к нему своим путем. Одним словом, те 20 тысяч часов, которые нужны в среднем, чтобы из звуков новорожденного получилась осмысленная речь, были заполнены чередой открытий себя. Конечно, мы все начинали с природных задатков, но вот развивал их каждый по-своему.

Но, впрочем, читателю явно больше десяти лет, и он обратился к этой книге вовсе не за помощью в овладении родным языком. Какие выводы можно сделать из этого, уже пройденного, пути?

Во-первых, каждый человек способен к овладению любым языком. На этом положении основываются все серьезные специалисты по обучению языкам и, кстати, языковые программы наших школ и техникумов. Вот как высказывается на эту тему в проведенной «Литературной газетой» дискуссии о языковой одаренности заведующая кафедрой психологии Московского пединститута иностранных языков И. Зимняя: «„Феномена лингвистической безнадёжности“ для нормального человека не существует». Смеем заверить читателя, что ни один здоровый человек, полностью не способный к языкам, наукой пока не наблюдался.

Во-вторых, когда нам нужно взять крепость чужого языка, мы можем сделать это, лишь применяя опыт по штурму родной речи. Вся наша деятельность вообще устроена так, что мы учимся на ошибках и используем снова и снова приемы, освоенные при решении прежних задач. Казалось бы, вот и хорошо: вспомним, как учились с колыбели, и проблема решена.

Но вот беда! Если бы мы вели дневник при освоении родного языка, хотя бы помечали основные трудности... Однако, кроме смутных воспоминаний и старых игрушек, не сохранилось ничего. Впрочем, даже если бы родители вели день за днем записи, и это вряд ли помогло бы. Ведь мы учились, не водя пальцем по учебнику и не выписывая слова на карточки. Мы учились всеми, так сказать, фибрами души с восхода до заката. А раз так – нашим сознательным усилиям помогал могучий поток бессознательного, переработавший за те же 20 тысяч часов в 10 миллионов раз информации больше, чем разум. Вероятно, даже конспективная запись проделанной этим потоком работы превысила бы объем любой библиотеки в мире.

А впрочем, зачем нам эти промежуточные этапы? Главное, что мы поймали механизм того, как звуки связываются в речь, и успешно отлаживаем его на практике. Каждый из нас – опытный специалист в этом деле, важно только понять секреты собственного мастерства. А

вот как далеко от нас ушла детская легкость – вопрос непростой. По мнению некоторых ученых, после языкового взрыва, приходящегося на возраст от 2 до 5 лет, что-то внутри закрывается. Как будто внутренние способности, которые в эти годы лепились, как пластилин, позже затвердевают, как мрамор. Отсюда следует то, что до 5–6 лет ребенок должен освоить начала какого-то языка. Потому американские ученые, вообще, как мы знаем, придающие большое значение раннему развитию врожденных задатков, ко второй половине 80-х годов и разработали около 1200 программ, по которым дети этого возраста овладевают 2–3 иностранными языками. У нас тоже есть богатый опыт – хотя бы накопленный в детских садах союзных республик, где есть много ребят, говорящих и на национальном, и на русском языках.

Другие, не менее серьезные ученые полагают, что явственно ощущаемый порог около 5–6 лет означает, скорее, не захлопывающуюся навсегда дверь, но временное отвлечение на какие-то более важные задачи. (Скажем, в старину крестьянские дети примерно этого возраста переходили к посильной трудовой деятельности.) А потом языковой расцвет может возвращаться, и не раз. Так показало обстоятельное обследование того, как изучают иностранные языки более 1/4 миллиона школьников разных стран, проведенное ЮНЕСКО. Выяснилось, что пик приходится на 12–15-летний возраст: подросток, впервые взявшийся за язык в эти годы, имеет шансы обогнать даже того, кто начал учебу на 8 лет раньше его.

По-видимому, есть и другие пики. Согласно специальным исследованиям, весьма перспективен возраст 27–30 лет, далее – 45–48. Впрочем, если это и так, речь идет только о периодах наибольшего благоприятствования, а ведь мы говорим на языке всю жизнь. Поэтому для начала занятий подходит любое время, главное – пустить в ход те способности, которые у каждого сформированы родной речью.

Составить какую-то инструкцию на этот счет нельзя. Ведь речь идет об очень личном, неповторимом даре. Вместе с тем наметить путь в принципе, показать уже проторенные тропинки и предостеречь от явно тупиковых направлений вполне возможно. Вот в этом смысле опыт больших полиглотов и драгоценен – он как бы лаборатория, в которой разрабатываются маршруты самой разной сложности. Мы в нее войдем и узнаем секреты полиглотов, чтобы срок изучения – 20 тысяч часов – для второго языка можно было сократить раз в 50.

Трудно ли учить языки?

Так вот, воспитать ребенка человеком, которому быстро и легко даются языки, вполне возможно. Да и для вас, уважаемый взрослый читатель, главная задача состоит, как ни странно, совсем не в том, сколько там слов выучивать пополам с головной болью, а в том, чтобы познать самого себя. И толстые словари с запутанными грамматиками скорее не препятствия, а инструменты на этом пути.

Мне вспоминается забавное высказывание одного политического деятеля. Разговорившись однажды с представителями прессы, он заметил, что французский язык качественно отличается от всех других: по-французски слова подбираются точно так, как складывается в голове мысль, ясно и пристойно, а в других языках все как-то с выкрутасами, неловко и искусственно. Веселые журналисты поспешили информировать читателей о редкой проницательности деятеля, не забыли и добавить, что он, конечно, был французом (в случае если бы похвалы удостоился арабский язык, говорящий наверняка был бы арабом). При редкостной наивности этот политик выразил то общее для всех и вполне верное убеждение, что родной язык имеет для каждого главное значение.

Отсюда и знакомое любому противоречие: с одной стороны, освоить иностранный язык можно, только идя от родного, а с другой – всякий выход за его границы болезнен, создает неизбежную неуверенность, часто превращающуюся в высокий барьер. Со всей ответственностью заявляю от имени полиглотов: каждый этот барьер ощущал, но при умелом подходе его можно практически сровнять с землей. Вот как формулирует эту

закономерность один из авторитетных полиглотов нашей страны Е. Чернявский, освоивший около 40 языков: «Говоря упрощенно, каждый новый язык гораздо легче предыдущего. Если принять сумму усилий при изучении первого языка за условную единицу, то на второй потребуется уже половина усилий, на третий – 1/4, на четвертый – 1/8 и так далее. Если к этому „закону“ не предъявлять чрезмерных требований в отношении точности, то он вполне справедлив».

И вот что интересно: в самых общих чертах этот закон распространяется на любой язык, даже самый сложный, непривычный. С одной поправкой, конечно: мы здесь не говорим о письменности. Например, персидская вязь создает дополнительные трудности. Да что там персы! Иногда удивляешься, что за орфографию придумали себе те же англичане или французы. По этому поводу над соотечественниками подтрунивал английский писатель. Он произносил слово «фиш» (рыба) и просил собеседников написать его. Когда они писали fish, он важно утверждал, что на самом деле гораздо правильнее писать так: ghoti. И объяснял: в слове enough буквенное сочетание gh выражает звук «ф». Далее, в слове women буква «о» выражает звук «и». Наконец, в слове emotion «ti» выражают звук «ш». Следовательно, мы имеем полное право записать *ф + и + ш* как gh+o+ti!

Это, конечно, шутка, но в общем близкая к жизни. Школьники на уроках правописания изрядно мучатся. В говорящих по-английски странах для них даже создан особый словарь, в котором по тому, как слово произносится в жизни, можно найти – иногда с трудом, – как же его следует писать. В государствах, где такого словаря нет, результаты получаются иной раз из ряда вон выходящие. Так, на одной диктовке 430 французских школьников написали слово «хризантема» (chrysanthème) 156 разными способами. Вспомним добром академика Шахматова, благодаря которому мы не мучимся с ижицей и ятем, хотя и теперешнее русское написание пока оставляет желать лучшего, и вернемся к нашему «закону».

Так вот, если не говорить о, в конце концов, не принадлежащих языку внешних факторах вроде письменности, после того как мы первый раз преодолеем барьер собственной робости и неумелости, особенных сложностей дальше не будет. Каких-либо трудных или, наоборот, особо легких языков, пожалуй, и нет. Но при первом преодолении барьера поработать придется всем, вне зависимости от способностей или условий, созданных семьей. И сделать это желательно скорее и раньше на первом попавшемся языке.

Здесь следует всячески поддержать тех мам и пап, которые, не мудрствуя лукаво, отдают своего ребенка в ближайшую группу или школу, не особенно заботясь, какой именно язык там изучается. В самом деле, важно скорее выработать навык, пробить широкую брешь в барьере боязни языка. Ну а если ребенок выучил итальянский, а потом захотел перейти на столь модный сейчас английский – большой беды нет, это нетрудно будет сделать самостоятельно. Вот что имеет колоссальную важность, так это увлеченный учитель, работоспособные товарищи, свежая атмосфера в школе.

В особо благоприятном положении в этом смысле у нас находятся жители многих городов и сел в национальных республиках и областях. Ведь для них доступны не только радио и телевидение, газеты и журналы на еще одном, кроме родного, языке. Им доступно живое повседневное общение с самым широким кругом носителей второго языка. Этой возможности упускать нельзя. И если, скажем, строителю, железнодорожнику или военному служащему, приехавшему из Ярославля в Пярну либо в Самарканд, может просто не хватить и времени, и сил на знакомство с местным языком, то лишать ребенка такой возможности не следует. Даже если он и расстанется скоро с этими краями, барьер уже будет расшатан, и ребенок увезет с собой раскрывшуюся способность к языкам.

Ну а для русского, постоянно живущего в Баку или Ташкенте, знакомство с местным языком – просто дело чести, уважения к чужому национальному достоинству. Нежелание запомнить слова приветствия, благодарности на языке соседа справедливо расценивается как неуважение, особенно в тех районах нашей страны, где многоязычие принято издавна. Так, в Средней Азии никого не удивляло то, что замечательные писатели С. Айни и Х. Ниязи уверенно писали и по-таджикски, и по-узбекски. Отечественный языковед В. Костомаров

подчеркивает, что это вообще не феномены для тех мест – там знание принадлежащих, кстати, к неродственным семьям узбекского и таджикского языков совершенно обычно.

Ну а о Кавказе и говорить нечего – помимо Дагестана, где на небольшой площади живут носители более 25 языков, во многих застольях человек, который не может сказать тоста по-грузински, армянски, а то и азербайджански, будет чувствовать себя не в своей тарелке. В Поволжье весьма распространено владение татарским языком, а к этому еще башкирским или, скажем, чувашским. И когда автор задавал местным жителям вопрос о том, не трудно ли это, ему часто отвечали с удивлением: дескать, а можно ли жить иначе?

Вероятно, так же ответили бы и читатели одной из популярных в Нигерии газет, где помещаются вперемежку статьи на 13 (!) языках. Я даже думаю, что если собрать за одним столом этих «стихийных полиглотов», то они быстро нашли бы общий язык. Вот кто изрядно удивил бы их, так это маститый исследователь многоязычия Г. Кливленд. Из составленной им таблички явствует, что, скажем, для носителя английского языка выучить русский примерно так же трудно, как финский, в два раза легче, чем японский, но на 1/3 сложнее, чем французский... Мы не будем спорить ни с маститым ученым, ни с почтенными горцами: главное – преодолеть первый языковой барьер, а какой язык поможет (именно поможет) это сделать – дело второстепенное.

Это следует из того, что, несмотря на самый непривычный звуковой строй и кажущуюся путаницу склонений и спряжений, все языки основываются в конце концов на едином фундаменте, на ряде общих глубинных законов. Поэтому замки всех языков открываются по существу одним и тем же ключом... А сколько их, этих замков?

Экология языков

По опыту любой из нас знает, что языков на свете очень много. Вот что парадоксально, так это то, что ни один самый толстый справочник или ведущий специалист не может дать точной оценки этого числа. По самому современному подсчету, предоставленному в распоряжение полиглотов Французской академией, население земного шара говорит сейчас на 2796 языках. Немного более высокой цифры – 3 тысячи языков – придерживаются отечественные лингвисты. Правда, в деталях ученые мужи расходятся: так, если французы говорят о 8 тысячах диалектов этих языков, то у нас выделяют до 12 тысяч диалектов.

Согласитесь, что это уже очень много. Каково же было удивление автора, когда в выпущенном по последнему слову науки в ГДР лингвистическом справочнике он обнаружил цифру 5651 язык! Правда, ученые сразу поясняют: дело в том, что не менее 1400 языков либо находятся на грани исчезновения, либо готовы выступить в роли самостоятельного языка, но пока еще не добились всеобщего признания. И нужно с сожалением констатировать, что языков-«старцев» больше, чем языков-«младенцев».

Так, на грани вымирания находятся 250 языков, на которых говорят около 40 тысяч аборигенов Австралии. А ведь каждый из них навсегда уносит с собой древнюю мудрость и уникальные особенности. То же относится и к 170 языкам индейцев США, и к ряду языков самого, пожалуй, многоязычного государства современности – Папуа – Новая Гвинея, где говорят на 1010 языках.

Попробуйте себе представить этот океан наречий и говоров, но только скорее, а то нас торопят поправить еще один исследователь. Согласно его мнению, общее число безусловно перевалило отметку 6 тысяч – только полноправных языков, не считая диалектов! Впрочем, при некоторой начитанности и доброй воле в игру может войти любой читатель, вспомнив хотя бы некоторые древние языки, которые при благоприятных условиях могут ожить, или какие-нибудь редкие говоры. А мы не будем поднимать планку за рекордную цифру 6 тысяч, лучше отдохнем немного в обществе полабского языка.

Что это за язык? Думается, не каждый славист-профессионал сможет ответить на этот вопрос. Тем более были удивлены делегаты одного из недавних международных конгрессов славистов, когда их немецкий коллега Р. Олеш объявил, что прочтет свой доклад по-

полабски. После некоторого размышления ученые припомнили, что да, было такое славянское племя, жившее на южном берегу Балтики в седой древности. Холодные волны моря бились о камни острова Руяна (теперь остров Рюген в составе ГДР), где стояла гордая столица Аркона, а князь Готшалк уже в XI веке заботился о просвещении подданных... К несчастью, полабские славяне (венды) были крайними на западе, а значит, ближайшими к германским феодалам.

Истлевшие страницы хроник воскрешают для нас крестовый поход 1147 года, когда на Аркону навалилось 200-тысячное войско. Славяне храбро отбивались, но, когда их недавние союзники – датчане – перешли на сторону врага, железный поток затопил их. Началось длительное и жестокое онемечивание, которое, впрочем, немного сдерживалось тем, что часть земли Полабян была болотистой и нездоровой для колонистов. На этих-то клочках земли среди топей, в чем-то схожих с Полесьем, и сохранились остатки древней культуры до нового времени.

И вот, когда от пламени самобытной культуры остались лишь тлеющие искры, потомок ушедшего в небытие народа взялся за перо. Сердце щемит при чтении записей крестьянина-самоучки Яна Шульце, который торопился нацарапать в тетрадке слова древнего языка, ушедшего вместе с ним. Послушаем его голос: «Я решил в этом, 1725 году записать вендский язык для потомства, потому что на этом языке трудно говорить, а также трудно писать... У нас вот нынче такая бабушка. Мне 47 лет. Когда я и еще три человека в нашем селе умрут, вероятно, уже никто не будет знать, как по-вендски называлась собака» (оригинал по-немецки).

К счастью, такие мысли приходили в голову не только ему. К чести немецкой культуры нужно сказать, что горячее участие в этом деле принял великий философ Г. Лейбниц, а знаменитый языковед А. Шлейхер даже начал одно из писем по-полабски. Хотя и со значительными потерями, полабская языковая культура и основы мировосприятия были сохранены для потомков.

Поэтому нам не хотелось бы воспринимать доклад Р. Олеша лишь как шутку или ученое упражнение. В том, что немецкий ученый с коллегами взялись за воссоздание звучания вытоптанного языка, есть нечто символичное. Этим отдан духовный долг, сделан шаг доброй воли, так важной в отношениях между народами и в наши дни.

Выражая благодарность ученому, стоит вспомнить о языке народа со схожей судьбой – серболужицком. После тяжелых испытаний, последним из которых было его полное запрещение в годы нацизма, язык возрожден и пользуется всеми правами в ГДР. Сейчас на нем говорят около 100 тысяч человек, и, если читателю доведется побывать под Лейпцигом, он сможет побеседовать с представителями местного славянского населения без помощи переводчика, благо наши языки еще не успели далеко разойтись.

Рассказать о непростой судьбе двух западнославянских языков нам помогла обстоятельная книга белорусских славистов А. Супруна и А. Калюты. Но невеселые истории об утрате старых языков нам рассказал бы специалист по любой другой языковой семье. А ведь каждое наречие – сокровищница, столетиями концентрировавшая духовный потенциал народа. Поэтому часто повторяемое сегодня слово «экология», означающее охрану и растительности, и животного мира, и традиционного образа жизни – говорит же Д.С. Лихачев об экологии культуры, – мы имеем право отнести и к языкам.

Языки надо беречь, и это не только общее пожелание относительно культурной политики. Это дело каждого из нас. У одного в памяти сохранились украинские или татарские слова языка, на котором говорила бабушка, у другого – какой-то освоенный в отпуске или дальней командировке диалект... Все это – богатство, которое нужно если не умножать, то уважать. И уж во всяком случае не позволять сыну бездумно проскочить мимо напевной речи «Слова о полку Игореве» в спешке школьной программы.

Такая вот экология языков. Ну а кроме этого общего вывода мы имеем основание вывести и один частный. Он состоит в том, что полного успеха здесь быть не может: ведь выучи 2–3 языка или 10–15 – все равно это в принципе равнозначно по отношению к

тысячам существующих языков. Большая ли разница – освоить 1/1000 или 1/200 от их числа? Впрочем, о тысячах говорить серьезно не стоит – прежде всего потому, что 2/3 из них не имеют письменности. Учтем даже то, что из оставшейся трети лишь 500 языков удовлетворительно описаны. Выучил ли хоть один, самый гениальный, полиглот по крайней мере большую их часть? Если опираться только на строго документированные данные последних двух веков, то мы можем вспомнить прежде всего Л. Шютца, дошедшего до 270 языков. Немногим уступили ему датчанин Р. Раск – 230 и англичанин Дж. Боуринг – 200. Далее идут полиглот из ГДР Г. Гестерман – 123, итальянцы Дж. Меццофанти и К. Тальявини – от 100 до 120 языков, а замыкает список наш современник Ж. Шмидт, освоивший 66 языков.

Как видите, при самой большой форе, данной полиглотам, лишь самые феноменальные из них приблизились к отметке 1/2 тех языков, которые реально можно освоить по книгам. А это означает, что любой из них все равно делал то же, что и обычный человек, – выбирал самый нужный для себя язык. По возможности сократить число языков, которые хотелось бы изучить, – это умение, к которому мы и перейдем.

Как выбирать язык?

До сих пор мы говорили о возможностях, которые лежат на поверхности. Для того чтобы достичь качественного перелома в своих отношениях с языками, подойдет любая возможность, предоставленная жизнью. Но дальше, чтобы овладеть речью по-настоящему, нужно приложить время и труд, купить словари или поступить на курсы. И дабы не тратить сил зря, надо сразу и точно выбрать объект их приложения. Размышляли на эту тему многие. То есть справлялись при случае с многоязычной ситуацией, были полиглотами в самом широком смысле почти все.

Но систематически приступали к изучению чужого языка не так много людей – не более чем каждый восьмой житель нашей планеты свободно владеет иностранным языком. И что самое неприятное: будь ты даже асом в одном языке – взяв в руки простейшую газету на другом, вряд ли что-нибудь поймешь. Поэтому нужно выбрать для изучения такой язык, который пригодился бы в жизни больше всего. Но многие ли могут точно рассчитать хотя бы собственную жизнь лет на 20 вперед, не говоря о детях, которые только поступают в школу? Что и говорить, задача трудная, но разрешимая.

По подсчетам одних полиглов, 11 языков по числу говорящих на них охватывают 2/3 населения земного шара. Другие полиглоты поправляют их, утверждая, что таких общераспространенных языков немного больше – 14. Но даже эта цифра очень невелика. Вдумайтесь: в любой точке земного шара не менее 6 человек из 10 говорят на одном из этого небольшого количества языков! Причем на деле внутри этого скромного числа есть родственные группы, так что, зная один язык из такой группы, при незначительном усилии можно понять и несколько близких к нему. Познакомимся с ними.

Первая семья – индоевропейские языки, названные так потому, что они распространились на огромной территории прежде всего Индии и Европы. Сюда относится *русский язык*, дающий ключ ко всем славянским, но тесно связанный и с другими своими родственниками – *немецким* и *английским*, а также *французским*, *испанским*, *португальским*. Английский мы поставили посредине, поскольку его строй очень близок к немецкому, но по разным историческим причинам до 45 процентов самого обычного английского текста заполнено французскими по происхождению словами. Ну а понимание между испанцем и португальцем ничуть не хуже, чем между русским и болгаринем, если каждый будет говорить на своем языке.

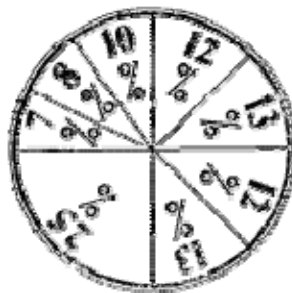
В эту же семью входят и близкородственные индийские языки. К ним относятся лишь недавно разделившиеся *хинди* и *урду*, а также *бенгальский*.

Языком, широко распространенным от африканского побережья Атлантики до Индии, является могучий представитель семитской семьи – *арабский*. А несколько севернее, на

огромной территории от Босфора до Якутии, расположились народы, говорящие на очень близких друг другу тюркских языках, так что понять соседа всегда нетрудно. Сюда относятся такие языки, как *турецкий* или *узбекский*. А Дальний Восток представлен двумя совершенно непохожими языками, которые сближены иероглифической письменностью, – *японским* и *китайским*.

Чтобы достигнуть таких позиций, каждый из языков прошел сложный путь с захватывающей историей. В общем, это отразилось на их распространении. К примеру, языки Азии обычно занимают компактную целостную территорию, а европейские, такие, как английский или французский, разбросаны по всем материкам за счет колониационной политики. В современном мире, где политически зависимых стран остается все меньше, названные языки на равных правах повышают свое значение. Служа во многих случаях языками-посредниками, они принимают на себя качественно новые функции и становятся мировыми языками. Так называемый клуб мировых языков, объединяющий языки, официально принятые ООН в качестве рабочих, постоянно расширяется, и это положительная тенденция.

Итак, один подход к тому, как выбрать полезный для себя язык, мы нашли. Существенным его недостатком является только то, что мы опирались лишь на число говорящих, но ведь есть и масса других мотивов, по которым человек усаживается за словари. Всего, конечно, не угадаешь, но какие-то 5–6 запросов у людей, наверное, будут все-таки общими. И здесь нам на помощь приходит опыт бывалых полиглотов, обобщенный известным знатоком языков М. Пеи. Внутри диаграммы, которую вы видите перед собой, отражены те факторы, которые делают язык ценным для изучения. В каждом секторе проставлены примерные оценки их сравнительной важности, полученные в результате бесед с людьми, взявшимися за освоение языков. Начнем знакомство с нижнего левого сектора нашей диаграммы. Мы только что занимались именно этим: оценивали языки по тому показателю, как много людей на них говорит. Этот фактор один составляет не менее четверти значения каждого языка (или еще можно так сказать, что из каждых 100 человек 25 взяли за данный язык потому, что на нем говорит много народу).

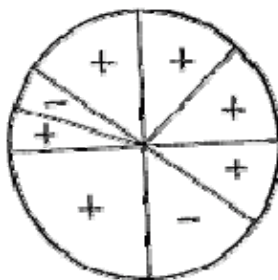

В верхнем правом углу стоят примерно равнозначные: торговый статус (12%) и промышленный вес (13%). К примеру, японский уступает китайскому по числу говорящих, но он обслуживает так высоко развитые промышленность и торговлю, что это уравнивает оба языка, а для специалиста по электронике или химии делает японский неизмеримо более важным.

В верхнем левом углу отражено культурное значение языка (10%), несколько ниже – значимый уровень грамотности (остающийся пока проблемой для многих стран «третьего мира»). Сюда же относится и сравнительная трудность языка и письменности (8%). Наконец, военно-политический статус (7%). Здесь мы считаем нужным поправить М. Пеи: сегодня следует ориентироваться только на мирное сосуществование. Поэтому тут будем говорить лишь о политическом весе. Вот, к примеру, финский язык. Страна, где на нем говорят, уступает скандинавским соседям и по числу говорящих, и по хозяйственному развитию. Однако постоянные усилия Финляндии в налаживании мира и коллективной безопасности – вспомним хотя бы Хельсинкское совещание – существенно повысили ее престиж.

В нижнем правом углу диаграммы обозначен научно-технический статус языка (12%), а

также распространение в мире (13%). Последнее не нуждается в пояснениях. Например, итальянский язык при всей его неоценимой культурно-исторической значимости сейчас замкнут рамками одной страны. А его сосед и родственник – испанский – чувствует себя как дома не только в Европе, но и в Латинской Америке, Африке, кое-где в Азии.

Ну вот, а дальше надо выбирать. Делается это так: берете в руки энциклопедию или какой-нибудь достаточно подробный справочник типа популярного у нас «Страны мира» и внимательно ищете там сведения об интересующем вас языке. Затем напротив каждого сектора нашей диаграммы ставите знак +, если данный признак есть, и знак –, если им можно пренебречь, и потом складываете те проценты, против которых стоит плюс. Представим себе для большей наглядности какой-нибудь реальный случай. Вот, к примеру, мой знакомый, учащийся строительного техникума. Съездив на экскурсию в Таллинн, он заинтересовался эстонским языком и вернулся в Ленинград с самоучителем. Перед тем как сесть за занятия, он спросил меня, насколько значим этот язык в современном мире. Вместо ответа я предложил ему построить диаграмму. Вот как мы рассуждали.

Если начинать с левого нижнего угла, то Эстония – самая маленькая из союзных республик. Однако в рамках так называемой уральской семьи языков у эстонского есть много родственников, с которыми – например, финским и карельским – взаимопонимание не встречает сложностей. С учетом этого ставим здесь плюс.

Что касается торгово-промышленного статуса, то при близости Эстонии к Ленинграду у нас наладились деловые связи. Обычны поездки специалистов, обмен опытом. Другими словами, знание эстонского языка тут тоже нелишнее. В общем, смело ставим два плюса.

Переходим к культуре. Она в Эстонии достаточно высока. Вспомним хотя бы о театре «Ванемуйне» в Тарту или о таллиннском старом городе. И все это в пределах 6–8 часов езды на автобусе. Так что и здесь плюс.

Что же касается трудности языка, то при всем добром отношении к эстонскому нужно поставить минус. Дело в том, что если для русского языка большинство языков прибалтийских народов – родственники: скажем, польский – близкий, латышский и литовский – подальше, а шведский – дальний родственник, то эстонский представляет совершенно другую структуру, и, к сожалению, изучение его требует от носителя русского языка большого труда... Ну а политический вес определен тем, что эстонский – язык союзной республики, со всеми вытекающими отсюда последствиями (ставим плюс).

Остается нижний правый угол. Научный статус языка в целом ряде отраслей весьма высок, и строительство традиционно в них входит – снова плюс. Что же касается распространения, то родственники эстонского языка – коми, удмуртский, марийский и другие – занимают очень компактную, небольшую территорию: они не так разбросаны, как, скажем, тюркские языки. Ставим минус.

Теперь можно сделать вывод. На плюсы у нас пришлось 79% – то есть в пользу того, что за язык стоит приняться, говорят 4/5 учтенных нами мотивов.

Мой знакомый поблагодарил меня и ушел, а я задумался, в какой мере такая «точность» отражает истинное положение дел. Конечно, у каждого свой вкус. Однако, думая о том, не взялся ли за какой-нибудь язык, полиглоты в самых общих чертах рассуждают примерно так же. Может быть, что-то из их опыта в этом направлении вам пригодится – подумайте. Во всяком случае необходимо избегать односторонности, будете вы пользоваться

диаграммами или нет. Когда вы слышите: «Меня интересует немецкий, но только для работы», или «По вечерам я собираюсь учить французский, но исключительно для собственного удовольствия», или еще что-нибудь в этом роде, можете не сомневаться – у говорящего очень мало шансов овладеть языком. Надежда на то, что язык станет легче от того, что вы отбросите все его роли, кроме одной, – иллюзия.

Точно так же, как нельзя выучить язык, используя какой-то один прием, одну способность, так и не забыть его, не растратить вложенных в его освоение усилий в нашей хлопотливой жизни можно, лишь прибегая к его помощи в самых разных ситуациях. Как известно, с очень ограниченными способностями можно добиться блестящего результата, если точно рассчитать силы. Так же и с языком. Нужно продуманно выбрать его, так, чтобы он возникал на вашем жизненном пути постоянно. Вот и вся премудрость.

Если же вам что-то осталось неясным, советую перечитать подробную биографию А.С. Пушкина. Мало кто владел так, как он, умением учить языки легко, с вдохновением, одним словом – по-пушкински! Не будем повторять, сколько книг на многих языках было в библиотеке поэта – вы наверняка не раз читали об этом. Как и о том, что французский был для Александра Сергеевича практически родным языком. А сколько прекрасных строк навеяно Пушкину певучей речью его кишиневских знакомых? Трудно сказать, зато о его методах учебы они охотно поведают: «Подал... гостю стул, Пушкин принимался забрасывать его разного рода вопросами на молдавском языке... Некоторые фразы, которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду». А вот английский в начале прошлого века был распространен в общем меньше французского. И кстати, по этой причине считался вдвое труднее. Зато теперь, когда французский в целом ряде сфер сдал свои позиции, сложнее стал уже он. Ничего удивительного: тот язык, который постоянно «лезет в уши», обычно и расценивается как более простой. Впрочем, мы отвлеклись. Так вот, английский был реже слышен, и Пушкин взялся за него сравнительно поздно.

Современник вспоминает: «Я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого, на другой день, я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык как свой родной, и, предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах... расхохотался: „Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?“ Расхохотался в свою очередь и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую». Прервем цитату и, не тратя слов на сожаления о том, как это у гения были друзья, которые могли над ним подтрунивать, зададимся вопросом: кто же из них лучше знал английский язык?

В школярском смысле слова ответ ясен, и он не в пользу поэта. Но в более глубоком, общечеловеческом смысле?

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Помимо того что это прекрасная русская поэзия, это еще очень тонкая переключка с известным вопросом шекспировского Ромео. А вот написанное в том же 1830 году: «Суровый Дант не презирал сонета...», где отправной точкой для полета фантазии Пушкина стала строка английского поэта Вордсворта. А помните это:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы...

Ну конечно, это строки из «Пира во время чумы», а в подзаголовке там стоит: «Из вильсоновой трагедии» – и следует ее название по-английски. А сколько нитей, восходящих к байроническим стихам, вплетено в ткань «Евгения Онегина»!

Как естественно и мощно были подхвачены слова и чувства английских бардов потоком вдохновения русского поэта, какое новое развитие получили заложенные в них ассоциации в мире нашей культуры... Так знал ли Пушкин английский? Да, и не хуже, чем любой собеседник. Поэтому нас не удивит подтверждающее нашу мысль завершение рассказа мемуариста: «Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным». Вот это верно. Кстати, заметим, недостаток в чтении Пушкина не был существенным с чисто лингвистической точки зрения. Дело в том, что английское написание изобилует трудностями не просто так, а потому что оно воспроизводит старинное произношение. То есть если в наши дни слово *time* читается «тайм», а слово *cause* – «кооз», то было время, когда они читались как «тима» и «каузе». Следовательно, читая по буквам, поэт как бы придерживался старинного произношения, еще не вполне забывшегося во времена Шекспира...

Прервавшись ради поучительной истории, трудно удержаться и дальше. Тем более что сюда так и просится похожее происшествие, случившееся с одним одесским маляром в начале века. Было ему под 20 лет, когда он явственно ощутил интерес к языку. Случайно нашему герою попало в руки пособие по английскому. Но вот беда – начало, в котором излагались запутанные правила чтения – как мы уже знаем, камень преткновения, – как раз и было оторвано. Нисколько не смутившись, молодой человек бодро взялся за язык, также руководствуясь мудрым правилом: читать как бог на душу положит. Кстати, и здесь нашелся очевидец, сохранивший для истории методику полиглота: «Делал он это без отрыва от малярного производства – весь пол был исписан английскими словами!»

А потом было много всего – и работа в газете «Одесские новости», и любимые детворой стихи про Крокодила и Муху-Цокотуху, и мантия почетного доктора одного из старинных английских университетов. Конечно, вы уже догадались, что речь идет о Корнее Чуковском. Помешали ему трудности в начале учебы или, может быть, он не уловил духа языка? Но вернемся к Пушкину.

Все-таки и в нашей области есть чему у него поучиться – прежде всего этой постоянной готовности искать и находить в родной речи оттенки и обороты, точно совпадающие со строем самого далекого на первый взгляд языка. Впрочем, здесь помимо простой талантливости, вероятно, отразилось и присущее русскому национальному характеру умение найти общий язык с самым непохожим народом. Оно выработалось после нелегкого исторического пути, а русский язык бережно сохранил в себе все краски, которыми он обогатился от этих контактов, – они и сейчас готовы заиграть под рукой мастера слова.

Примерно об этом мы говорили в Пушкинском заповеднике с Семеном Степановичем Гейченко. День уже клонился к концу, было жарко, а мимо нас все шли паломники, приехавшие из разных краев. Слышалась узбекская и эстонская, французская и чешская речь. Отвечая на приветствия гостей, Семен Степанович вспоминал то об украинце, привезшем барвинок с могилы Т. Шевченко, то о литовце, принесшем земли с кургана Мицкевича, то о композиторе Б. Бриттене, который написал романсы на стихи Пушкина. На обложке издания – оставшийся перед глазами английского гостя вид озера Маленец, а в саму партитуру введен звук била, ударами которого отмечались часы в заповеднике. Здесь, в этих местах, столько давших творчеству поэта, особенно чувствуется какое-то теплое доверие, с которым к нему относятся представители разных народов: многим из них Пушкин, в свою очередь, открыл врата в мир русской культуры.

Может быть, поэтому культура перевода у нас так высока. Крупнейшие поэты всегда поддерживали эту пушкинскую традицию (наверное, лишь Есенин был одним из немногих, кто не ощущал глубокой тяги к иностранным языкам; тем не менее его стихи из так называемого персидского цикла – вспомним хотя бы «Шаганэ ты моя, Шаганэ» – сравнивают

с пушкинскими подражаниями арабскому).

Есть чем гордиться и другим народам. Вот, например, Латвия. До недавнего времени латыши знакомились с литературами разных народов прежде всего по переводам на мировые языки. «Но вот, – пишет местный литератор, – молодые латышские поэты решили установить прямые связи, без посредства подстрочников, с поэзией наших республик». И закипела работа: Л. Бриедис поехал учиться в Молдавию, У. Берзинь составил антологию переводов с азербайджанского языка и успешно работает с родственным ему турецким, Н. Кална не пожалела времени на туркменский, а К. Скуниек уверенно переводит с болгарского и польского... «Учите латышский, учите грузинский, учите молдавский! Язык – душа народа, язык – такой взгляд на мир, какого у вас нет и быть не может, – продолжает автор, – язык – это будущие друзья и единомышленники. Язык – путешествия, открытия, встречи, которых без него никогда не будет».

Признавая общечеловеческое значение Пушкина, латыши с гордостью называют имя своего соотечественника Я. Райниса, автора прекрасных переводов Лермонтова, Шекспира, Гете, Шиллера, Гейне... Ну а соседи латышей – литовцы – с гордостью укажут на основателя своей письменности К. Донелайтиса. По тяжелейшим условиям, в которых развивался поэт, его можно сравнить разве что с Т. Шевченко. Литовский просветитель вышел из самой гущи крестьян, боролся с нуждой, с трудом попал в школу для бедных. Зато, добравшись до знаний, он стал подлинным чудом. Как рассказывают современники, Донелайтису не составило бы труда в стихах перейти на греческий, продолжить по-немецки, ввести латинскую строфу и закончить на литовском. Вот это полиглот! Степень влияния таких людей на родную культуру трудно преувеличить.

Лучше всего о переменах, происшедших на литовской земле, мог бы поведать нам наш современник, полиглот Э. Пундзявичюс. Родился Эдуардас тоже на селе (кстати, недалеко от родных мест Донелайтиса), и какую-нибудь сотню-полторы лет назад ожидала бы его такая же трудная судьба, как и старого просветителя, но строй жизни переменялся радикально. Работая сельским учителем, наш герой взял себе за правило запоминать в день по 10 слов какого-либо языка. Шли годы – и в его активе мало-помалу набралось 16 языков народов нашей страны и мира. Читая вышедшие на них книги, полиглот нашел много интересного и решил сделать несколько переводов. Настоящий перевод – дело сложное, требующее помимо знания языков еще и особых профессиональных качеств. Но в издательствах республики Пундзявичюса приняли доброжелательно, что-то поправили, в чем-то помогли – и стали выходить в его переводах книги писателей Румынии и Франции, США и Сальвадора. Сейчас Эдуардас взялся за турецкий язык, так что если вас интересует методика работы или вы знаете какой-нибудь родственный язык – скажем, татарский или киргизский, – заезжайте летом в Гарляву Каунасского района, и вы познакомитесь с очень интересным собеседником.

Но почему мы говорим только о гуманитарных занятиях? Навыки полиглота могут быть полезны в любом без исключения деле. Передо мной вырезка из «Ленинградской правды». На фотографии девушка с короткой стрижкой, в больших модных очках. Вокруг – водоворот людей, приезжающие и отъезжающие группы туристов, а у нее разложены на прилавке киоска газеты и журналы, марки и открытки, как обычно в почтовом отделении.

После окончания ПТУ-87 Татьяна Ковалева пришла работать в киоск гостиницы «Прибалтийская». Одно из необходимых тут умений – помочь гостю нашего города купить нужный набор открыток или конверт. Одним словом, довольно специфическое общение. А русским языком многие не владеют. Все началось с немецкого – пришлось освежить в памяти оставшиеся со школы знания. Когда язык «пошел», Татьяна записалась на курсы французского. Трудностей в работе убавилось. Английский, близкий к обоим этим языкам, освоила уже самостоятельно – по разговорникам и пластинкам. А дальше на успех работали те два фактора, о которых мы с вами подробно говорили. Во-первых, барьер, после того как 1–2 языка пробили в нем брешь, стал много ниже. Во-вторых, после естественного освоения 2–3 мировых языков следующие нужно было выбрать очень продуманно.

В самом деле, представим себя на месте Татьяны. Помните нашу диаграмму? Прежде

всего она взялась за широко распространенные языки с большим числом говорящих на них. А дальше все определялось составом тех групп туристов, с которыми приходится работать чаще всего. Для Ленинграда это, конечно, скандинавские соседи: с одной стороны, близкие друг другу шведский, датский, норвежский языки, с другой – финский. Далее – языки ближайших братских стран: чешский, польский, понятные русскому без особых усилий, и требующий их венгерский. Вот Татьяна и выучила прежде всего языки-ключи – шведский, финский, венгерский. Разве для этого нужны какие-то особые таланты? Покупателей много, тут особо не разговоришься, главное – основные слова вежливости, гостеприимства, сотня-другая профессиональных терминов, больше в общем-то и не надо.

Кстати, это – очень важное понятие, не хотелось бы, чтобы оно проскользнуло мимо вашего внимания. Речь идет о частотности слов. В каждой ситуации есть слова, которые встретятся почти наверняка, а есть и такие, которых точно не будет. Вероятно, самые частые – «здравствуйте», «спасибо», «да». Вспомните хотя бы, на скольких языках вы можете попрощаться: «Гуд бай, ауфвидерзеен, чао...» – в том-то и дело. Именно на этом в немалой степени основываются легенды о полиглотах. Ведь если точно знать наиболее часто употребляемые слова – а их всего 2–3 сотни, – то объясниться можно всегда. Кстати, и диаграмма М. Пеи построена на перечислении тех ситуаций, в которых язык понадобится в первую очередь, а это та же самая частотность. «Работает виртуозно», – говорят о Т. Ковалевой на почте, и мы тоже кое-чему от нее научились.

Крепкая традиция изучения языков сформировалась и в наших науке и технике. Крепкая и очень давняя, поскольку у истоков стоял человек, сделавший для научно-технического развития России не меньше, чем Пушкин для словесности. Речь идет о М.В. Ломоносове. С каким опозданием пробился он к знаниям, какие препятствия преодолел, помнят все. Но вот что бы хотелось здесь отметить – в его родной среде поморов знание литературных иностранных языков отнюдь не было предметом гордости и с детства не прививалось. А как Михайло Васильевич учил языки?

Латынь открылась ему за несколько месяцев. Через полтора года после начала учебы он владел ею как разговорным языком. Дальше последовали немецкий и итальянский, английский и французский, польский и греческий... А что касается каких-то особых секретов, то их было немного. В основном трудился один: оставался, так сказать, принципиальным самоучкой. Твердо стоял на том, что язык нужно постоянно оттачивать на самых разных занятиях. Такое переключение дает и отдых голове, и расширяет кругозор. «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики», – любил говаривать Ломоносов. Отдых для него – ни в коем случае не бездействие, но только смена труда. И тут нам, пожалуй, не удержаться от соблазна дать слово самому Михайле Васильевичу, отвечавшему изящному вельможе И. Шувалову на вопрос, когда же он отдыхает: «Всяк человек требует себе от трудов успокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями, или с домашними препровождения времени, картами, шашками и другими забавами, а иногда и табачным дымом, от чего я давно отказался, затем что не нашел в них ничего, кроме скуки».

Однажды, когда в молодежной аудитории автору довелось привести в пример Ломоносова как образец отношения к языкам, слушатели возразили: мол, раньше все было другое, языковая культура была выше. Достаточно вспомнить людей, окончивших старую гимназию. Нет, с этим согласиться трудно. Возьмем хотя бы близкую ученому по времени и духу Е.Р. Дашкову. Екатерина Романовна, первая в мире женщина – президент Академии наук, по таланту ровня Ломоносову, но в отличие от него получила раннее образование. Однако вот что она пишет: «Мое воспитание, в свое время признанное за самое лучшее, ограничивалось немецким, французским и итальянским языками, историей, географией, арифметикой, катехизисом, рисованием и танцами». Да, Екатерина Романовна скромна, но при всей скромности писать стихи на латыни для нее было затруднительно. А разве только стихи писал Ломоносов? Химики, астрономы, геологи лишь в наши дни проникают в глубину его мыслей и прозрений. Выходит, колоссальная занятость не мешала занятиям

языками. А может быть, они-то и давали отдых?

Проверим эту догадку на примере замечательного астронома Н. Коперника. По масштабам переворот в наших представлениях о Вселенной, совершенный им, требовал сил не одного человека, а целого института! И он тратит свое – буквально золотое – время, чтобы переводить с греческого на латинский сочинение Феофилакта Симокатты под названием... Нет, вы только вчитайтесь в него: «Нравственные, сельские и любовные письма». Что это, чудачество? Но если бы один Коперник...

Вы видели когда-нибудь толстые тома сочинений Гегеля, так мощно продвинувшего учение о диалектике? Тоже был довольно занятой человек. Знакомый с Гегелем романтический поэт К. Брентано однажды застал его за весьма своеобразным занятием – «он читал героический эпос и Нибелунгов и, чтобы насладиться ими, переводил их себе на греческий!»

Приведя эти и другие похожие примеры, автор уже думал, что убедил аудиторию. Но не тут-то было. С места поднялся вдумчивый слушатель и заметил, что все сказанное доказывает только одно. А именно, что люди, живущие в постоянной горячке творчества, в колоссальном поисковом напряжении, для компенсации нуждаются в какой-либо вялой, монотонной, бесцветной механической работе. Просто в данном случае им подвернулись языки, а в принципе подошло бы и вязание.

Не могу не согласиться с таким мнением. Кстати, ученые упорно твердят, что ресурсы мозга неисчерпаемы и для их полного использования необходимо все время менять виды деятельности. И все-таки дело обстоит не так просто. Помнится, сразу каких-то весомых возражений автору в голову не пришло. Но уже по дороге домой в памяти всплыли, на мой взгляд, доказательные примеры. Речь пойдет о шахматистах, только не экстра-класса, а просто неплохих. Нагрузка на память у них очень большая, все время в голове идет механический перебор вариантов, просчет ходов. Но особые взлеты здесь нечасты.

Вот, к примеру, Н. Шорт, английский международный мастер с 1980 года. Он рано начал играть в шахматы, много занимается теорией, и тем не менее в родной болтонской школе ему пришлось даже повоевать за право учить греческий. (Такой факультатив вообще-то возможен, но других охотников на него не нашлось.) Немногом старше Шорта – 1948 года рождения – немецкий шахматист Р. Хюбнер. Четырежды сражался Роберт за шахматную корону, что не помешало ему освоить греческий и латынь. Причем так капитально, что для углубления языковых знаний ему была выделена стипендия на поездку по ряду стран. Дело происходило в 1980 году, пора было снова претендовать на титул чемпиона – и Роберт... отказался. Вы думаете, он отдался шахматам? Представьте себе удивление его секунданта, гроссмейстера Х. Хехта, когда Хюбнер подошел к нему с тетрадкой и попросил проверить, хорошо ли он выучил финские и венгерские слова.

Таких примеров из нашей сегодняшней жизни можно назвать вполне достаточно, но мы обратимся к шахматисту прошлого века И. Цукерторту – просто потому, что он интересен как личность. С пороком сердца ушел на фронт австро-прусской войны, много раз был ранен, получил 9 орденов и медалей за храбрость – и был уволен за призывы к миру. Увлечен шахматными сеансами вслепую и подорвал на этом здоровье – потерпел поражение в матче за звание чемпиона мира 1886 года с гениальным Стейницем. Но как потерпел! Соперник назвал одну из разыгранных Цукертортом комбинаций, «может быть, даже самой красивой из всех, когда-либо созданных на шахматной доске». И в этой насыщенной жизни он нашел время, чтобы овладеть 13 языками – русским, немецким, арабским, турецким, испанским, английским... Ну уж нет, механической работы у каждого из названных шахматистов было с избытком, и никому это не помешало любить и знать хотя бы 1–2 языка.

А значит, прав не только пытливый слушатель или автор. Правы все. Получается так, что для тех, кому не хватает спокойной, монотонной работы головы, изучение языка дает ее с избытком. А если ее слишком много? В языке вы найдете возможности увлекательных взлетов, маленьких открытий. Выходит, это помогает вовремя отыскать противовес одностороннему развитию личности, снимает перегруженность одних способностей и

простаивание других. И все прошедшие перед нами люди были талантливы в первую очередь в том, что сумели нащупать свою слабость и превратить ее с помощью языков в силу. Вот видите, мы опять пришли не к приемам быстрого запоминания или природным талантам, а к доступному каждому человеку умению познать себя. А здесь дело только в упорстве, в стремлении к поставленной цели.

В этой работе не может помешать ничто. Вероятно, о крайнем случае рассказывает автобиография Г. Шлимана, раскопавшего древнюю Трою, в существование которой в его годы никто не верил. А с чего он начинал? Талантов особых не было, на окончание школы не хватило денег – однажды Шлиману пришлось просто просить милостыню на обочине амстердамской дороги. На всю жизнь он остался упорным самоучкой, но и в своей очень трудной жизни нашел силы на несколько дюжин языков. Причем русским он овладел без чьей-либо помощи за шесть недель. Конечно, говорил по-русски небезупречно и с изрядным акцентом, но что значили неизбежные сбои по сравнению с богатством личности этого человека, знакомого с арабским и французским, голландским и греческим... Кстати, не замечаете ли одной особенности: уже в который раз третьим-четвертым из освоенных языков оказывается греческий? Со странным упорством этот не самый легкий и распространенный язык привлекает силы самых разных людей. Нет ли тут какого-либо секрета полиглотов? Есть, и мы сейчас им займемся.

Прежде всего, классические языки – латинский и греческий – носители мировоззрения, лежащего у самых истоков нашей культуры. На этих языках были заданы важные вопросы, на многие из которых человечество до сих пор ищет ответы. А если добавить к ним язык предков каждого читателя – для многих это, вероятно, будет древнерусский, – то получится как бы пуповина, соединяющая современность с теми ее началами, от которых пока преждевременно отрываться. В этом смысле и любовь Пушкина или Гегеля к древним языкам, и то, как быстро расходятся пластинки с чтением «Слова о полку Игореве» в оригинале, – явления одного порядка.

Позвольте, вправе спросить читатель, а как же Дарвин с Эйнштейном? Ключевой роли этих людей в современной культуре отрицать не приходится, а к языкам они были на редкость неспособны. Действительно, на первый взгляд тут все наоборот. Скажем, Эйнштейн просто страдал в старой, ориентированной на классическую ученость гимназии. Отвращение к подобному воспитанию было таким сильным, что молодой гений на вступительных экзаменах в институт хорошо сдал математику, но с треском провалился на иностранных языках... И что верно, то верно: Дарвин понял бы «неудачника». Читая автобиографию великого естествоиспытателя, мы встречаем пассаж, удивляющий страстностью и теперь, – что же говорить о чопорном прошлом веке в Англии?

«Ничто не могло быть вреднее для развития моего ума, как школа доктора Батлера. Преподавание в ней было строго классическое, и кроме древних языков преподавалось только немного древней географии и истории, – прочувствованно пишет автор и далее честно признается: – В течение всей моей жизни я не мог одолеть ни одного языка». Конечно, молодым людям, которым портили языками настроение, можно посочувствовать. Но есть тут и мораль, более важная для нас.

Дело в том, что в средневековой европейской культуре господствовала установка на старину. О чем бы ни шла речь, древние авторитеты – будь то Аристотель, Эвклид или Гиппократ – это уже знали. Надо было лишь хорошо вчитаться и вынести нужные сведения. Соответственно и язык культуры был древним и общим для всех. Потом в культуре и общественной жизни произошли глубокие перемены – на глазах возникали молодые профессии, науки, ремесла. Беспрецедентность этой ломки обеспечивалась новыми (национальными) языками. Не случайно Ломоносов был не только знатоком латыни, но – что для нас важнее – стал основоположником русского литературного языка.

Конечно, в условиях этого этапа старинная система воспитания уже сдерживала умы, ставила прогрессу палки в колеса. Отсюда-то и скверные отношения Ч. Дарвина и А. Эйнштейна с древними языками. Ну а то, что оба отнюдь не были тупицами в языковом

отношении, не подлежит сомнению. Тот же Эйнштейн пленил Р. Роллана мягким и точным французским. Все это подтверждает ту мысль, что выбор языка – дело очень серьезное.

Кстати, хорошим примером тому может служить... периодическая система элементов Менделеева. Нет, мы не собираемся говорить здесь о химических формулах, хотя это – незаменимый и понятный любому специалисту язык. Мы займемся историей ее открытия. Помните, Дмитрий Иванович пытается найти закономерность... отчаивается... засыпает... видит во сне то, что никак не давалось... просыпается и, подбежав к столу, уверенно записывает таблицу? Работа сделана, нужно только озаглавить ее – и рука быстро выводит: «Опыт системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве». Стоп! На каком языке это было написано? Речь идет о 1869 году. За 200 лет до этого мыслима была только латынь, за 100 – латынь с не очень пока привычным русским, ну а теперь он пишет по-русски и ниже... по-французски. Дело опять не в личных симпатиях, а в законах развития общества!

Перейдем от химии к физике. Вот вам почти наш современник, большой ученый А. Иоффе. Способным к языкам он себя не считал, для образования избрал реальное училище, где ими тоже не досаждали. Но вот молодого человека посылают в командировку к самому Рентгену. Приехав, он убеждается, что переводчиков нет и не предвидится, время идет, а маститый физик понимает только имя своего нового ассистента. Тогда Иоффе просит месяц, берет на него тяжелую даже для рентгеновских сотрудников норму – 100 лабораторных работ – и не только блестяще их выполняет, но и овладевает всеми оттенками немецкого! Согласитесь, что и тут дело совсем не в даре, полученном от родителей.

К такому выводу подводят и другие случаи, которые можно взять из какой угодно области. Вот хотя бы биология – мы пока совсем о ней не говорили, а предмет интересный, просто потому что здесь приходится много работать и головой и руками. И тем не менее И.И. Мечников, поднявший авторитет отечественной науки работами по микробиологии, свободно пишет труды на всех основных для этой темы языках – русском, французском, немецком. Не менее сделавший в ботанике А.Н. Бекетов свободно владел этими тремя языками плюс итальянским. Кстати, заметьте: классические языки для той эпохи так же редки, как они часты для других времен. Исключение составляет знаменитый физиолог прошлого века И.Е. Грузинов. Но он пришел в экспериментальную науку своеобразным путем: до медико-хирургической окончил духовную академию... И тем не менее, решив на досуге поделиться своими знаниями в языках, ученый издает грамматику и готовит словарь английского.

Казалось бы, прогресс ушел вперед, классические языки отстали? Ничего подобного, и парадокса в этом нет. Ведь по ходу быстрого развития люди не только многого достигли, но многое и утратили. К примеру, развивая науку и технику, мы порой забывали о природе – и теперь о восстановлении нарушенного единства печется экология. Леча разные болезни, мы упускали человека как целое – и сейчас частные дисциплины снова собираются в единую «науку о человеке». Давая ему образование в юности, мы недооценивали огромный, если его умело использовать, потенциал зрелости и старости – и сегодня нашей задачей становится полностью слить учебу и труд в так называемом непрерывном образовании. Конечно, готовых решений нет, но если кто и думал над этими проблемами, то только древние. И в XX веке классические языки как бы набрали новые силы, они снова привлекают самых молодых и пылких!

Разумеется, автор не агитирует читателя засесть за древнегреческую грамматику. Но почувствовать все происшедшие перемены хотя бы на примере родного языка необходимо. Ведь вся эта история в языке есть, она заложена в самых обычных словах и для любознательного всегда готова выдать свои тайны. Вот вам греческие слова, попавшие к русским очень давно, в дни седой византийской древности, когда, как говорится, щиты прибивались к воротам Цареграда. Это – кровать и кукла, оладья и укус, тетрадь и школа. В основном обиходные слова.

Более поздние заимствования главным образом обязаны усилиям книжников и ученых

и несут с собой большую или меньшую часть классической культуры. Когда слово попало к нам давно или оно как-то удачно отвечает своим звуковым обликом и оттенками смысла духу русского языка, оно сохраняет иноязычный привкус, но приживается хорошо: грамматика и геометрия, автомат и атом, термос и стадион. А если слово явно не приживается, как, например, с трудом произносимое «оториноларингология», значит, это заимствование, скорее всего, новое и неудачное (кстати, этому искусственному термину, обозначающему нужную и серьезную науку, не повезло дважды, поскольку его русский перевод «ухо-горло-нос», к сожалению, идет вразрез с традициями отечественной терминологии).

Ну и наконец, современность, когда мы возвращаемся на совсем ином, высоком уровне к идеям, выдержавшим проверку временем. Вот слово «ноосфера», которое у нас ввел В.И. Вернадский. Его греческие основы – слова «нус» (ум) и «сфера», ясное без перевода, а передает оно полностью понятие всей Земли с ее недрами и лесами, воздухом и людьми как единого целого, на которое мощно влияет преобразовательная воля человечества.

Вот очень важное слово «экология» – буквально «наука о доме», призванная не допустить бездумного уничтожения природных богатств и живности.

А слово «космос», любовно отобранное древними мудрецами, потому что оно означает не просто пустое пространство, но разумное, идеальное сцепление многих деталей в стройное целое. В этом смысле в старину вполне могли назвать космосом продуманный убор женщины, важно лишь чтобы он был красив целиком, без малейшего изъяна.

Вот какую сложную и интересную историю таят в себе самые обычные слова. Впрочем, ставить здесь точку было бы рано – ведь наше время особенно многоязычное в том смысле, что границы всех культур стремительно расширяются и народы, едва знавшие о существовании друг друга, вступают в плодотворные связи. Нет никакого сомнения, что наш язык, как это было не раз, гостеприимно откроет двери для слов, несущих важные для образа жизни других народов понятия.

Мне вспоминается прекрасная история, происшедшая с туркменским энтузиастом Б. Смирновым. Началась она в Киеве 1917 года. Дело было на вокзале: расписания движения поездов практически не существовало, толпы народа бурлили на перронах и штурмовали составы, идущие в любых направлениях. Наш герой тоже попытался попасть в них, но ему даже близко подойти не удалось. Осталось достать подобранную на перроне книжечку, занять одно из немногих спокойных мест на вокзале – им оказалось пространство под багажным столом – и ждать. Сидеть пришлось три дня, а книжка, потерянная кем-то, оказалась санскритско-русским словарем. Поскольку делать было нечего, молодой врач погрузился в чтение столбцов слов и выражений на певучем и исключительно богатом языке Древней Индии. Время текло незаметно, и с вокзала уехал уже всамделишный полиглот. А через несколько лет ему в руки попала сокровищница индийской культуры – «Махабхарата», книга, очаровавшая до этого Толстого и Гегеля, Вернадского и Эйнштейна, правда читавших ее в переводах, а ведь в отличие от них русский врач понимал подлинный текст!

Решение сделать хороший перевод древнего эпоса было ответственным. Во-первых, потому, что речь шла о главном для большинства индусов памятнике. Во-вторых, потому, что нагрузок с него никто не снимал: шел прием больных, операционные дни, надо было готовить пособия по нейрохирургии. Оставались вечера и ночи – не так много, но через 20 лет работа все-таки была окончена, и перевод первого тома «Махабхараты» увидел свет в Ашхабаде.

Чего только не произошло за эти годы! Вспомнить хотя бы страшное землетрясение в 1948-м. Дом Бориса Леонидовича рухнул, его завалило обломками – только дверь, упавшая сверху, спасла врачу жизнь. Но первое, что сделал извлеченный из-под руин энтузиаст, – вернулся обратно и с риском для жизни вытащил почти готовый перевод. Само опубликование его заняло доброе десятилетие, последние строки писались Смирновым уже незадолго до смерти. Эта работа была высоко оценена специалистами и безусловно стала крупным явлением отечественной культуры. Не случайно Дж. Неру назвал ее памятником

дружбы на границе Индии и России.

Вчитываясь в переведенные со знанием дела строки, мы теперь можем понять какие-то более глубокие черты духовной жизни индийского народа, по-новому оценить и содержание, вкладываемое страной в новые понятия, – скажем, политики неприсоединения, с последовательностью проводимой Индией. Примеры такого плодотворного заимствования легко умножить. В этой связи необходимо вспомнить о так называемом принципе дополнительности, который был введен Н. Бором как основа квантовой физики. Смысл данного термина стоит иметь в виду вовсе не одним физикам, поскольку он занимает свое место в представлениях широкой общественности на Западе и постоянно всплывает в дискуссиях о проблемах мира.

Дело в том, что датский ученый распространил принцип дополнительности и на сосуществование двух общественных систем, основанных на противоположных принципах. В общем, здесь прослеживается известная близость нашему понятию мирного сосуществования. Вместе с тем, конечно, есть и отличия. Одно из них состоит в том, что при разработке своих воззрений Н. Бор опирался на идеи традиционной китайской мысли. Такая ориентация характерна для многих его западных коллег, и, несомненно, важную роль тут опять-таки сыграли увлеченные своим хобби полиглоты-любители.

Хотя бы одного из них хочется представить читателю. Дж. Нидэм – вообще-то кабинетный исследователь, профессиональный биохимик. Увлечшись китайским, он нашел в этой древней культуре так много интересного для своих соотечественников, что стал выпускать том за томом серию «Наука и цивилизация в Китае», ставшую настоящим бестселлером и давшую массу свежих идей в самых неожиданных областях...

Наконец, третья крупнейшая культура Востока – арабская. Сколько поучительных и интересных историй можно рассказать о ней! Собственно говоря, сама культура арабского мира в известном смысле слова начинается с многоязычия. Ведь когда Европу окутало средневековье и достижения античности стали быстро забываться, арабы приложили много сил, чтобы перевести все, что можно, на свой язык, и, кстати, когда интерес к знаниям у европейцев возродился, передали обратно все, что сохранили. Не так уж сильно преувеличивал Э. Ренан, когда писал, что сочинения Аверроэса, так много давшие европейской философии, – это «латинский перевод с еврейского перевода комментария к арабскому переводу сирийского перевода, сделанного с греческого текста». Вот так! Что-то вроде цепочки полиглотов, бережно донесших знания до нас...

Авторитет арабской науки еще в XVIII веке был настолько значителен, что английский астроном Галлей (помните комету, названную его именем?) специально изучил арабский, чтобы читать на нем литературу по специальности.

Такой же труд предпринял М. Бертелло, кстати, работавший и над санскритом вместе с только что упоминавшимся Ренаном. Материалистическая трактовка учения о веществе, данная Вертелло, многим обязана изучению работ арабских ученых в оригинале. А это было непросто, при том что выдающийся химик синтезировал ряд сложных углеводородов и органических соединений, а всего выпустил 1800 научных трудов...

Вот видите, какие непростые вещи связаны с древними языками, казалось бы давно утратившими свое значение. А что тогда говорить о новых? Еще полвека назад даже многие их носители серьезно сомневались, смогут ли они понести на себе бремя современной науки и техники, политической жизни, средств массовой информации. А теперь они энергично перенимают эти функции, вторгаются в учебники и патенты, спецификации и телевидение. Так что с каждым днем увеличивается вероятность, что очень нужная любому читателю информация под руками, но только записана она на таком языке, о котором раньше и речи не было.

К примеру, в Восточной Африке стремительно набрал силу язык суахили – сейчас им пользуются, по самым скромным подсчетам, 40 миллионов человек. Точнее, пользовались как разговорным давно, но вот недавно на суахили была защищена первая диссертация по физике! Если все пойдет так и дальше, то скоро может образоваться отрасль точных наук,

для знания которых необходимо будет уметь просмотреть справочник на суахили. И это очень хорошо – растет влияние целой группы развивающихся стран. Точно так же в свое время немецкий и английский робко отбивали свои права у латыни. Всего 400 лет назад, в 1582 году, мыслитель Р. Малкастер с горечью писал о родном языке: «Английский малозначителен. Его знают только на нашем острове, да и то не везде». А в Германии XVII века Ф. фон Логау сочинял в том же настроении:

В беде Германия, а с ней – ее язык.
Со всех сторон он помощь брать привык.
Вот речь французская, вот итальянский склад.
Мы отовсюду тащим наугад.

В аналогичном положении находился и русский язык. Потребовалась самоотверженная работа многих светлых умов, чтобы вывести его за достаточно короткий срок в число мировых. В самом деле, через какие-то 100 лет после появления грамматики Ломоносова великий немецкий математик К. Гаусс, достигнув почтенного 63-летнего возраста, будучи не только занятым, но и больным человеком, откладывает все и считает нужным усесться за русский. И это не причуда, ведь ему нужно вникнуть в труды Лобачевского, открывшего в далекой Казани, вне всякого сомнения, удивительные вещи. Правда, потом Гаусс проштудирует восьмитомник Пушкина, но поначалу речь шла все-таки о специальности.

Так вот, можно ли гарантировать, что открытия масштаба неевклидовой геометрии не появятся на суахили? Почему бы и нет. Скажем, для составления карты климатов Африки, прямо связанных с долгосрочными прогнозами погоды и для нашей страны, сотрудникам Института географии Академии наук СССР пришлось обработать записи на 25 языках, в том числе и совсем редких.

Сообщений такого рода в последнее время появляется все больше. Так, в 1985 году группа боливийских электронщиков-программистов под руководством А. Гусман де Рохаса объявила о создании высокоэффективной системы перевода с одного из 5 мировых языков на другой. Ее окрестили ЭВМ-аймара – по названию одного из языков индейцев Боливии и Перу. В прошлом он считался неперспективным, однако внутренняя четкость и простота построения подали ученым идею использовать его в качестве посредника. Скажем, английский текст переводится на язык аймара, чтобы уже с него быть переведенным на французский. Выяснилось, что индейский язык в данном случае не только превосходит общепринятый в этих странах испанский, но и может сравниться со специально созданными для перевода искусственными языками программирования.

Уже потом, заинтересовавшись языком аймара, специалисты докопались не только до того, что он обеспечивает общение 2,5 миллиона местных жителей, но и до того, что его исключительные гибкость и выразительность не случайны.

Еще до прихода европейцев индейцы Южной Америки серьезно задумывались над тем, как облегчить взаимопонимание людей, говорящих на разных языках. Вот что писал об этом несколько столетий назад Гарсиласо де ла Вега – сын испанского конкистадора и инкской принцессы, стоявший еще очень близко к вымирающей индейской культуре: «Главная причина заключалась в том, что чужеродные народы... беседуя друг с другом и проникая в глубины своих сердец, полюбили бы одни других, словно они являлись единой семьей и родными». Для этого из всего разнообразия языков были отобраны и искусно обработаны два языка – кечуа, а также уже знакомый нам аймара, – для того чтобы и через много столетий поражать языковедов своим богатством...

Мы нарочно остановились на малоизвестных, так сказать, экзотичных для нашего читателя языках, поскольку массу более известных и близких примеров он может привести сам. Ну в самом деле, где еще возможен такой взлет языков, чтобы можно было подписаться на научно-популярный журнал на осетинском или пособие для автолюбителей на каракалпакском, послушать радио на коми или посмотреть телепередачу на якутском? Во

многих промышленно развитых странах все это производит несколько фантастичное впечатление.

К примеру, во Франции есть несколько языков национальных меньшинств. К ним относится и бретонский – в прошлом язык богатой культуры, широко распространенный по всей Европе, а сейчас угасающий на крайнем западе страны, в Бретани. Еще лет 30 назад конверт с письмом, адрес на котором был написан по-бретонски, без разговоров возвращался отправителю. Честно говоря, автору не попадались более поздние сведения по работе французской почты. Будем надеяться, что положение исправилось, тем более что в 1982 году по требованию местной общественности в школах параллельно с уроками французского были разрешены и уроки бретонского. Правда, все еще «в порядке эксперимента», как сухо сообщали телеграфные агентства. А ведь это культурная страна, где уважают и знают языки. Здесь, например, даже учрежден специальный приз для писателя, написавшего лучшее произведение года по-французски (только чтобы это не был его родной язык).

Не менее сложна языковая ситуация и в соседней Бельгии. Население этой страны состоит из бельгийцев, предпочитающих французский язык (валлонов), и из их соотечественников, говорящих на языке, близком к голландскому (фламандцев). Ж. Аппара, бургомистр одного из городов, где представителей обеих групп живет примерно поровну, не только плохо знал фламандский, но и категорически отказывался его употреблять. Казалось бы, много ли нужно было знать? Сотню-другую слов, тем более что язык фламандцев – практически диалект голландского, да и с немцами на нем довольно просто объясниться. Так что жест доброй воли вполне был бы полезен и в жизни. Но доблестный мэ́р уперся намертво, а когда Государственный совет решил сместить его, засел в здании муниципального Управления... Кончилась история ни много ни мало правительственным кризисом. По сообщению информационных агентств, премьер-министр Бельгии В. Мартенс подал королю... прошение об отставке.

Конечно, и в этом случае речь идет не о врожденной неспособности к языкам, а о совершенно определенной жизненной позиции. Бельгийскому мэру стоило бы задуматься над примером своего коллеги по политической деятельности из Швейцарии Ж.-А. Шевалла. Уроженец города Лозанны, он удовлетворительно владеет французским и немецким. В общем, это минимум для швейцарца, а по исторически сложившимся особенностям страны многие знают и итальянский, и другие языки. Но вот, заняв высокий пост военного министра, Жорж-Андре обнаружил... что не понимает своих коллег по кабинету министров. Это неудивительно, поскольку они объяснялись на местном диалекте немецкого языка – так называемом швюцер-тютш, который сейчас претендует на роль государственного языка швейцарцев немецкого происхождения и почти непонятен для немцев из других стран. Как говорил по этому поводу авторитетный местный языковед, «у нас уже есть немало людей, которые не в состоянии понять несложные тексты, записанные на нормальном немецком». Ну что же, всякое бывает. И министр, недолго думая, уселся за парту и в ударном порядке освоил этот самый швюцер-тютш. В данном случае обошлось без правительственного кризиса...

А вот крайний пример языковых конфликтов – обстановка, сложившаяся в Южно-Африканской Республике. Помимо английского здесь разрешен второй государственный язык – африкаанс. Собственно, это говор голландского, занесенный сюда белыми колонистами и сейчас выросший в особый язык. В самой его структуре ничего уродливого, конечно, нет: язык как язык, грамматика его вышла недавно и у нас. Но черное население воспринимает африкаанс как символ апартеида. И вот когда в 1976 году его попытались навязать местным школьникам силой, Соуэто забурлил. Около 50 подростков было убито и в 5 раз больше ранено. С тех пор это название не сходит со страниц газет.

Пути решения подобных конфликтов – в общественных преобразованиях. А что касается самих языков, то нет такого, который не был бы способен обеспечить общение в любых областях жизни. Вернемся к списку важнейших языков, данному в начале этого раздела. Разумеется, он не предусматривает всех возможных запросов, но в общем довольно

обоснован.

Возьмем хотя бы потребность читателя с техническим складом ума. По данным ЮНЕСКО, в наши дни на английском издается 50 процентов всех книг по науке и технике, на русском – 10, на немецком и французском – тоже примерно по 10 процентов. Как видите, все эти языки входят в наш список. Хотелось бы только предостеречь вас от той распространенной ошибки, когда на основании цифр такого рода делают далеко идущие выводы о роли какого-нибудь народа в научно-техническом прогрессе.

Вот совершенно объективный показатель – число патентов, зарегистрированных страной за год по всем международным правилам. Так сказать, чистое количество изобретений и открытий. Последние цифры свидетельствуют: в год СССР дает 80 тысяч патентов, столько же – США, а Япония при всем своем весе – только 50 тысяч. То есть по уму советские инженеры, техники и рабочие никому не уступают. Другое дело – как поставлена служба переводов и информации. Эта отрасль у нас действительно отстаёт, поэтому и литературы по специальности на русском выпускается меньше, чем следовало бы. Правда, нужно учесть, что, когда вдумчивый профессионал перевел патент или статью, машинистка его отпечатала, редактор выправил, текст ещё не выполнил свою задачу. Специалист ещё должен прочесть его и как-то внедрить в практику. А в этом отношении даже у английского все совсем не гладко. Когда переводчики научно-технической литературы из ФРГ стали проверять, как читаются переводы, то выяснилось, что 80 процентов из них в лучшем случае кем-то однажды пролистаны и оставлены пылиться на полке!

Отсюда следуют важные выводы, прямо касающиеся начинающих полиглотов. Во-первых, желательно, чтобы специалист сначала бегло просматривал новые поступления и сам определял, что нужно переводить, а не шел бы на поводу у переводчика. Во-вторых, если каждый сможет быстро разобраться в тексте или схеме на другом языке и понять пусть только 1/4, но сразу внедрить в дело, будут сэкономлены не одни деньги и время, будет значительно повышен темп перестройки. И в-третьих, почти у каждого языка из нашего списка есть несколько близких родственников. Это значит, что если познакомиться с несколькими «основными» языками, то можно без каких-либо дополнительных усилий в 2–3 раза расширить круг языков, на которых вам доступна информация по специальности. А у этого, расширенного, списка есть интересная особенность – он практически совпадает с перечнем языков, на которых вообще появляется мало-мальски полезная научно-техническая информация. Мы его давать не будем, так как при желании читатель легко может с ним ознакомиться по вполне доступным изданиям (к примеру, по журналу «Химия и жизнь», № 3 за 1980 год). Входящие в этот перечень языки особого удивления не вызовут, за исключением, возможно, эсперанто и интерлингвы. О них стоит поговорить особо.

Международный язык – мечты и реальность

Даже овладев 2–3 языками, мы все равно не осваиваем и половины списка мировых языков. Более того, людей, достигших хотя бы этого, в сущности не так много. Отсюда возникает естественный вопрос: нельзя ли сократить список до одного языка – так, чтобы, основательно изучив его, применять во всех случаях, как таблицу умножения? Эта проблема назрела давно. Возьмем тот же письменный перевод. Интересная деталь – до 39 процентов всех книг в странах – членах ЮНЕСКО переводные! Это же сколько бумаги уходит, не говоря о силах!

Более того, общее число переводов на земном шаре каждый год увеличивается на 15–20 процентов. Во главе этого процесса идет Советский Союз, далее страны немецкого языка – ГДР и ФРГ, не отстают США, Испания, Япония, Франция.

Спору нет, рост информационных потоков – примета культуры развитых государств. Но ведь эти потоки уже не текут и даже не несутся, они просто обрушиваются на головы людей. Подсчитано, что химик, который знал бы весь «большой» набор из 3–4 десятков

языков и читал без перерыва 24 часа в сутки, за год прочел бы едва 1/20 опубликованной по его специальности литературы. Это характерно для любой развитой отрасли.

В устном переводе – та же перегрузка. Возьмем для примера недавно учрежденный консультативный орган, так называемый «европейский парламент». Пока в нем было 6 членов-учредителей, говорящих на 4 языках, можно было обойтись 4 переводчиками – французским, немецким, итальянским и голландским. С принятием в его состав Великобритании, Дании и Греции сразу потребовалось еще 14 переводчиков, в силу того что число возможных сочетаний двух языков выросло с 12 до 42. Вступление же стран, говорящих по-испански и португальски, повысило количество таких комбинаций на несколько десятков – приглашать стали не меньше 30 переводчиков. Да, по-видимому, уже на этом этапе без какого-то международного средства общения не обойтись.

Проблему эту человечество осознало давно – можно считать, что вопрос был поставлен добрых 2 тысячи лет назад. После приложения изрядных усилий здесь наметилось два возможных пути. Первый из них проникнут верой в силу человеческого разума, в способность всех людей договориться об общем искусственном языке. В самом деле, почему бы тем же полиглотам не сесть за стол и не придумать такой язык? Ведь были же разработаны единые системы знаков дорожного движения, математических формул...

Рассуждая в таком духе, за решение проблемы брались многие. Первой серьезной попыткой можно считать проект древнеримского врача II века н.э. Клавдия Галена, который, кстати, заложил и основы фармакологии. С течением времени эта благородная мечта не угасла, напротив – чем более разобщенными казались люди, тем больше трудились над своими вариантами общего языка И. Ньютон и Р. Декарт, Т. Кампанелла и Ф. Бэкон. А в резолюции одного из конгрессов I Интернационала прямо записано: «Всеобщий язык... был бы всеобщим благом и весьма содействовал бы единению народов». Всего только за последние двести лет было выдвинуто около 600 искусственных языков!

Многим различаются эти проекты. Есть среди них чисто письменные – таков, к примеру, язык «абасама», обнародованный после 25-летних трудов индийцем Гопалакришной. Он сплошь цифровой, весь состоит из кодов. А есть и чисто устные языки – один из них придуман для Театрального центра при ЮНЕСКО режиссером П. Бруком. На него часто переходят актеры по ходу представления. Есть языки маленькие, например омо, созданный в начале века уральским художником В. Венгеровым. «Чарма эс люво Днепр» – так звучат на нем знаменитые гоголевские слова: «Чуден Днепр при тихой погоде...» (Это звучание очаровало земляков изобретателя, и вот уже в одном из свердловских клубов образовался кружок по изучению омо.) А есть и гиганты, сплотившие многие тысячи энтузиастов. Таков эсперанто – не зря он занял место в весьма престижном списке больших языков. С ним стоит познакомиться поближе.

Эсперанто – в переводе «надеющийся» – был придуман польским врачом-окулистом Л. Заменгофом в 1887 году. Этот безусловно талантливый человек отобрал из всех, особенно крупных европейских, языков наиболее распространенные корни, придал им музыкальное звучание и связал простейшей грамматикой, не знающей исключений, да еще и правописание приравнял к произношению. Получился кристально чистый язык, который осваивается за неделю и который готов решить любые проблемы перевода. Все это привлекло к нему массу энтузиастов, и одним из первых был, кстати, Л. Толстой. На язык были оперативно переведены сотни книг, некоторые страны ведут на нем и радиовещание. Сейчас ряды эсперантистов объединяют более 2 миллионов человек. Они отметили столетие своей речи на 72-м Международном конгрессе эсперанто, который приняла, конечно, Варшава. Заслуги этого языка в деле укрепления дружественных связей так существенны, что была даже подана заявка на награждение движения эсперантистов Нобелевской премией мира 1987 года.

И все же, несмотря на очевидные успехи языка, большинство международных организаций и информационных серийных изданий вовсе не торопятся на него переходить. Причины этого самые разные. Так, по подсчетам французского специалиста Ж. Ландэ, 83

процента слов эсперанто построены на корнях, близких к французским, 14 процентов – к немецким. По его мнению, славянские языки могут чувствовать себя недооцененными.

В какой мере это справедливо, автор не решается говорить, поскольку не является эсперантистом. Но есть же совершенно объективные факты. С 1979 года работает Советская ассоциация эсперанто, в отечественных издательствах выходят соответствующие книги и словари, живо проходят учебные встречи – к примеру, 22-й слет наших эсперантистов в Иванове. Они вовсе не чувствуют себя ущемленными. В самом деле, если даже подсчеты француза точны, язык вовсе не ограничивается словарем. Есть и грамматика – скажем, синтаксис, и здесь эсперанто очень обязан славянским языкам. А этого так просто, как слова, не подсчитаешь. И потом, если уж очень понадобилось бы, можно было бы разработать свой вариант эсперанто как сделал это венгерский энтузиаст З. Мадьяр, опубликовавший недавно результаты работы по упрощению эсперанто и очищению его от немецких корней, – язык назван им «романид».

И потом, всех запросов все равно не удовлетворить. Скажем, для вьетнамца эсперанто будет ничуть не легче какого-то европейского языка. Дело в другом: во-первых, для любого из его собеседников эсперанто – не родной язык, он тоже на него потратил силы; во-вторых, его надо выучить один раз и затем можно говорить с эсперантистом какой бы то ни было страны. А это – довольно весомые преимущества. Кроме того, на уровне современных научных представлений пока нельзя придумать язык, который был бы равно близок к любому наречию на земле. Но будь даже хотя бы 3–4 больших искусственных языка, приближенных каждый к одной из крупнейших языковых семей, это бы уже сильно упростило дело.

И в данном случае хорошая идея пришла в голову Ж. Ландэ. Он взял словарь восстановленного лингвистами языка, на котором говорили предки всех народов, принадлежавших к индоевропейской семье в III тысячелетии до н.э.: русских и индусов, англичан и испанцев и многих других. На этих-то самых древних и общих корнях и построен искусственный язык «уропи» (то есть «европейский»). Его главное преимущество, несомненно, в том, что в отборе слов исключен произвол – все они равно родные для говорящих на современных индоевропейских языках. И потом, изучая их, мы попутно продвигаемся к истокам, к речи предков...

Эта наивная, но в чем-то беспримысленная идея, конечно, приходила людям в голову и раньше. Фантазер и, как мы помним, любитель полабского языка А. Шлейхер еще в прошлом веке написал басню на этом восстановленном им праязыке. Правильность и сама возможность такой реконструкции подвергнуты справедливой критике лингвистов. Но сколько полиглотов нараспев повторяли полные смутного очарования строки на том, что Шлейхер считал языком, на котором говорили 4 тысячи лет назад: «Аквасас аа вавакант: крудхи аваи, кара агхнутаи видидвантсвас...» Только не предъявляйте особых требований ни к точности русской транскрипции, ни к переводу: «Кони сказали: послушай, овца, наше сердце печалится...»

Но, предположим, найдутся ученики, которые выучат новый искусственный язык, издатели, которые издадут на нем книги и журналы. Дело может пойти. И тогда новое наречие встретится с одной преградой, о которой вам наверняка не доводилось читать раньше.

По каким-то еще, скажем прямо, неясным, но могущественным законам язык не может существовать без сложностей и исключений, устаревших конструкций и пока полупереваренных нововведений. Видимо, это некие присущие всему живому принципы. Противодействовать им – все равно что пытаться проложить все сосуды в теле человека по линейке или заставлять кошку ходить на задних лапах. Все, что нам кажется трудным, все, чему нужно долго учиться и чему так тяжело учить, все эти неудобные изгибы, непоследовательности, бесконечное разнообразие вариантов – все это и есть жизнь. И она выносит свой приговор любому придуманному языку. Пока он искусственный, то есть легкий, простой, разбирающийся, как игрушка из детского конструктора, – это не

инструмент для выражения тонкой души человека. Когда же он становится теплым и родным, из всех углов вылезают самые диковинные штуки, и простоты как не бывало.

Что-то подобное происходит и с эсперанто. Как только его отпускают со вторых ролей и начинают писать на нем стихи или объясняться с девушками, возникают тысячи недомолвок и устойчивых выражений, вырастающих из родного языка того, кто говорит: русского, испанского, любого другого, – изменяется выговор – и преимущества искусственного языка тают на глазах.

Если заглянуть в историю, такое происходило не раз. Вот, скажем, латынь в средние века уж на что была международным языком, многие на ней говорили в быту. Французский язык – вообще ее прямой потомок, а в английском до сих пор 1/6 нормального текста составляют латинские слова. И тем не менее уже в XVI веке англичане и французы, говоря по-латыни, совершенно не понимали друг друга. Мешало все – от выговора до непривычного построения фраз. Тот же порочный круг характерен и для интерлингвы, на которой мы не будем специально останавливаться, и для любого другого международного, а тем более искусственного языка.

Сразу оговоримся: «порочный» совсем не значит «непреодолимый». Возьмем, например, проблему космического языка, приспособленного для общения между космонавтами, а если нужно – и для переговоров с жителями других планет. Проектов здесь сколько угодно. Кстати, было бы ошибкой думать, что все они современные. Еще Вольтер мечтал о межпланетном языке. В его сочинении «Микромегас» земляне уверенно объясняются с жителями Сатурна, хотя у первых 5 чувств, а у вторых 72. А К.Э. Циолковский предсказывал, что в будущем обитатели Солнечной системы разовьют вот такой способ общения: «На одной из видных частей тела, сквозь его прозрачную покрывку... играет ряд живых картин, следуя течению мыслей существа и точно их выражая; зависит это от прилива подкожных жидкостей разных цветов в чрезвычайно тонкие сосуды, которые и вырисовывают ряд быстро меняющихся и легко понятных картин». Как верно замечают современные исследователи, эта мечта об общении, минующем звуки, особенно трогательна для довольно одинокого и практически глухого человека.

А в наши дни мощные радиотелескопы направляют к скоплениям звезд, отстоящих от нас на тысячи световых лет, послания, написанные на вполне реальных космических языках. Как правило, они состоят из «слов», выражающих натуральный ряд чисел, атомные номера важнейших элементов таблицы Менделеева, структуру ДНК – носителя наследственности человека – и другие понятия, определяющие жизнь человеческого рода. Вот строчка одного из таких посланий:

Оно было отправлено в 1974 году со станции Аресибо, адресовано скоплению из 300 тысяч звезд созвездия Геркулеса и дойдет до получателя через... 23 985 лет! Нет никакого сомнения, что такое «письмо» – триумф идеи искусственных языков. Но все же стоит отметить, что, когда участникам полета «Союз – Аполлон» нужно было обеспечить общение, снизив возможность сбоя до минимума, космонавты обратились к родным языкам – русскому и английскому...

Вот и мы вслед за ними обратимся ко второму пути построения международного языка. Это не искусственный, а естественный язык, только готовый к такой роли в силу своего авторитета. Попытки подобного решения предпринимались уже более 3 тысяч лет назад. Тогда роль посредника в отношениях между многими ближневосточными народами принял на себя аккадский язык – дальний предок арабского. Но, как и следовало ожидать, мысль о том, что мировое сообщество нуждается в мировом языке, до конца была продумана примерно на тысячу лет позже древними греками. В самом деле, кому, как не им, выпало решать эту задачу. Ведь на греческом языке объяснялись купцы в финикийских портах и легионеры на улицах гордого Рима, египетские ремесленники на знойном Ниле и предки

славян у стен Ольвии... И сразу же возникли вопросы, на которые до сих пор не получено удовлетворительного ответа. Прежде всего, чтобы язык был хорошим посредником, кто-то должен сохранять его стройным и общепонятным, то есть нормировать. А кто будет этим заниматься?

Естественный ответ: тот, для кого этот язык родной. Но такое решение дает очевидные преимущества одному народу, предоставляет ему право проводить через язык – хотя бы через те новые слова, которые в него допускаются, – свое мировоззрение и образ жизни. Однако отнюдь не все хотят получать с языком-посредником такое дополнение. А если язык начнут нормировать и перекраивать в каждом крупном центре, то очень скоро у него появятся диалекты или, того и гляди, они превратятся в особые языки – и тогда прощай, единство. Подобные процессы наметились уже в греческом, однако, поскольку проблемы финикийских портов и египетских оазисов далеки от нас, обратимся к современной Европе. В последние века языки-посредники набирались отсюда – еще недавно это были французский с немецким, а сегодня на первый план выдвинулся английский, которым мы и займемся.

По целому ряду причин для многих стран этот язык оказался в настоящее время одним из наиболее приемлемых вариантов. На его поддержку не жалели сил и средств. Результаты не замедлили сказаться. Сейчас английский – первый язык для 345 миллионов человек и второй еще для 400 миллионов. Обучение английскому и в нашей стране поставлено на широкую ногу. Достаточно сказать, что не менее половины средних школ дают знания в этой области. А всего английский язык сейчас изучают в мире 120 миллионов человек, плюс 80 процентов всех компьютеров общаются с операторами по-английски.

Спору нет, цифры высокие, однако они не могут вывести английский за пределы порочного круга, объективно присущего любому международному языку. Возьмем для примера такую нацию, как французы. Хотя у них есть собственный высокоразвитый язык, 3/4 всех докладов на научно-технические конференции они представляют по-английски. В то же время подсчитано, что только 30 процентов ученых в мире понимают без труда даже письменный английский. А это значит, что добрая половина людей, которые и так дополнительно потрудились, чтобы перевести свой доклад на английский, все равно не смогут грамотно ответить на вопрос или принять живое участие в дискуссии. Это, конечно, непорядок, особенно если учесть, что речь идет о самой образованной части населения. Но в конце концов непонимание здесь не приносит больших осложнений: можно попросить товарищей перевести или разобраться потом по стенограмме. А в ответственных ситуациях?

Вот, скажем, морские перевозки. Объем их все время растет, а безопасность плавания пока оставляет желать лучшего. Когда Международная морская организация, работающая под эгидой ООН, стала интересоваться причинами кораблекрушений, выяснилось, что в большом количестве случаев происходили крушения судов, для экипажей которых родным языком был... английский. Дело в том, что на море этот язык традиционно используется для переговоров между судами либо с портовыми службами. Так вот, скажем, малаец, выучивший нужные здесь две сотни фраз, всегда поймет, к примеру, португальца. Ведь стандартных ситуаций, могущих привести к аварии в открытом море или при маневрах в порту, всего 36 – соответственно и слов нужно немного. А какой-нибудь английский боцман из Йоркшира, во-первых, говорит богатым языком, насыщенным жаргоном, словечками-паразитами, да еще с трудным для иностранца выговором. А во-вторых, он плохо себе представляет, что с другой стороны на переговорах по радио сидит человек, знающий всего 400 слов. Отсюда частое непонимание. Так функционирование языка как родного мешает его использованию в качестве международного.

Но предположим даже, что обучение языку-посреднику поставлено очень широко. Всегда ли это приносит желаемый результат? К сожалению, нет. В нем быстро появляются местные нововведения, превращающие его в особый язык. Классическим примером тому может служить язык пиджин-инглиш. Он возник из беспорядочной смеси английских корней с туземными наречиями Новой Гвинеи. После достижения ею независимости быстро пошел

в гору, стал государственным языком, на котором ведется радиовещание и книгопечатание.

Похожий процесс идет на Филиппинах. Здесь периодика до такой степени наводнена английскими выражениями, что для ее понимания недостаточно ни местного тагальского, ни литературного английского. Филиппинские журналисты прозвали новое наречие «баклиш», от тагальского слова «бакла» – двуполый.

Такое явление беспокоит местную общественность, и в основном не потому, что некоторые функции национального языка перенимаются международным. Это – процесс объективный. Важнее другое: то, что смешанная двуязычная культура от народного мироощущения ушла, но к высокой культуре хотя бы на английском не пришла, а остановилась на полдороге, питаясь убогими видеофильмами, жаргоном диск-жокеев и книжками «про шпионов». Не случайно, когда общественность европейских стран заинтересовалась смешанными языками, растущими как грибы, выяснилось, что они характерны в основном для молодежи, не признающей ничего, кроме поп-культуры. Во Франции такой язык прозвали франглийским, в Дании – америдатским...

Эта медаль имеет и обратную сторону. Молодежь, росшая в англоязычных странах в послевоенное время, когда популярность их языка в мире росла, привыкла, что родная речь придет на помощь в любом случае, и потеряла интерес к языкам вообще. Скажем, если в США традиционно языками владел каждый четвертый, то первая же серьезная проверка в конце 70-х годов установила, что едва 7 процентов выпускников вузов могут с грехом пополам даже со словарем разобраться в простенькой заметке на иностранном языке. Иными словами, ориентация на один-единственный язык повлекла к заметному падению уровня культуры не только за границей, но и у него дома. Когда же этот процесс стал прямо понижать прибыли американских предпринимателей, они его заметили и начали быстро поправлять положение. В общем, за первую половину 80-х годов удалось поднять число изучающих японский язык на 40 процентов, русский – на 27, китайский – на 16 процентов и так далее, но сам этот процесс означает, что идея одного международного языка переживает кризис.

Впрочем, читателю не следует думать, что здесь сплошные недостатки. Были найдены и перспективные решения, и что интересно: они оказались схожими. Помните наш пример с моряками? Выделив 36 типичных аварийных ситуаций, специалисты отобрали только те слова и выражения, которых тут совершенно достаточно, чтобы справиться с ними. В морской словарь вошли и английские, и всем известные слова из других языков. Этот язык – естественный в том смысле, что он не придуман, но он же – искусственный в том смысле, что англичанину его нужно вы зубрить так же, как бразильцу. По схожему пути пошли и космонавты, участники советско-американского полета. Американцы изучили русский, особое внимание уделив профессиональному языку авиации и космонавтики, а наши пилоты сделали то же по-английски. Но для вящей надежности каждый говорил на чужом языке – ведь как бы ни коверкал иностранец наш язык, мы всегда поймем главное, что он хочет сказать.

Не будем умножать число подобных примеров – их много. Лучше остановимся и подумаем. Сначала мы обсуждали, чем хорош искусственный международный язык, и пришли к выводу, что лучше все-таки естественный, то есть описали своего рода порочный круг. Теперь же, когда мы взялись за естественные языки, выясняется, что они могут нести международные функции, только если их нормализовать, ограничить, – другими словами, сделать их наполовину искусственными. Опять какой-то заколдованный круг! И если вы, уважаемый читатель, думаете, что это хитрый прием, который автор применил для захватывающего изложения, и что сейчас все разъяснится и будет найден правильный ответ, то это не так. По-видимому, живое человеческое общение поминутно создает бесконечное множество ситуаций, которые буквально разорвут тесно сшитую одежду одного-единственного, пусть самого хитро придуманного, языка. Наиболее правильный выход из положения – использовать целую палитру языков, промежуточных между искусственным и естественным в соответствии с запросами живой практики.

К примеру, так: на крайнем фланге будет стоять язык дорожных знаков. Он не нуждается ни в каких элементах естественного языка, придуман от начала до конца и поэтому всем понятен. Где-то рядом пойдет язык математических формул – искусственный текст, состоящий из знаков, создает строгость изложения, ну а постановку задачи и пояснения можно написать на любом естественном языке: финском ли, таджикском ли. Примерно в центре расположится морской язык, наполовину придуманный, наполовину естественный. И наконец, ближе к естественным стоят профессиональные языки, скажем, шоферов, официантов. Ведь у них искусственно придуманы и жестко закреплены только важнейшие термины, все остальное – как в разговорном языке.

Мы начали с того, как бы свести 6 тысяч языков к одному, и убедились, что это не получается. А коли так, раз невозможен международный язык, значит, каждому народу нужны полиглоты!

Глава вторая КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛИГЛОТОВ

Языки змия, тещ и офеней, или Откуда все началось

Вавилонизм – вот слово, не сходящее со страниц прессы, пишущей о научно-техническом прогрессе. Оно означает мешанину языков, тормозящую развитие социально-экономических и культурных связей между народами.

Вавилонский приз – так называется награда, присуждаемая международной общественностью лучшему полиглоту года.

Это новые слова, но начало они берут в легендах седой древности. По библейским представлениям, языки людей были смешаны богом Яхве, чтобы не позволить им возвести вавилонскую башню и подняться в небо. В других мифологиях не встречается таких запоминающихся образов. Скажем, согласно индейскому эпосу «Пополь-вух», первым людям достаточно было попасть в зачарованный город Тулан, чтобы получить тот же

плачевный результат.

В том, что первоначально язык всех людей был единым, не сомневались многие народы. Обычно исследование этой проблемы считалось прерогативой жрецов и ревниво охранялось ими. Когда римский император Юлиан попытался высказать свое мнение, в частности на тот счет, какой язык был родным для людей, задумавших возвести вавилонскую башню, он заслужил прозвище Отступник и ненависть христиан. Но и сами они долго не продержались: уж очень заманчивой была загадка многоязычия. И вот к XVI веку совершенно точно было установлено, что змий обольщал Еву на галантном французском языке (в худшем случае – на сладкозвучном персидском). Адаму, как мужчине, отводились жестко звучащие северные языки – шведский или датский. Впрочем, в 1580 году некий Горопиус начал мутить воду и доказывать, что прародители беседовали... по-голландски (вероятно, читатель уже догадался, что его сочинение вышло в Голландии).

На штудии такого рода уходило бы изрядно сил и в наши дни, если бы не знаменитый парижский запрет. Он был наложен французскими учеными в 1866 году на исследования того, каким был первый язык. И все же, когда погружаешься в старинные предания и легенды, поражает наивная, но несокрушимая вера людей в то, что давным-давно все они были объединены между собой и с животными одним языком. Так, древние греки передавали сказание о мудреце Тиресии, который получил дар понимать язык птиц, но только в обмен на зрение. А на берегах холодных фиордов суровой Скандинавии рассказывали, что мудрец Мимир владел источником, воды которого делали полиглотом. За право напиться из него бог Один также пожертвовал глазом. (Кстати, популярные в Рейкьявике курсы ускоренного обучения языкам носят название «Мимир».) Другой герой северного эпоса, Зигфрид, напившись крови убитого им страшного дракона, сразу же стал полиглотом.

Эти легенды хорошо передают то суеверное уважение, которым в старину окружались люди, умевшие объясниться не только на родном языке. Так, уже вполне исторический Митридат VI Евпатор, царь понтийский, прославился в I веке до н.э. тем, что свободно беседовал на любом из распространенных в его державе 22 языков (кстати, и тем, что удивительно разбирался в змеиных ядах). К счастью, с течением времени суеверность пошла на убыль, и ученые самым внимательным образом взялись за вопрос зарождения языка. Проблема вавилонской башни была оставлена историкам и поэтам, зато закипело исследование «языков» животных. Мы взяли это слово в кавычки, поскольку настоящий язык, конечно, может быть только в человеческом обществе. Вместе с тем некоторые очень глубокие корни, из которых развился наш язык, можно и нужно различать у животных.

Для глаза непосвященного эти исследования представляют иной раз довольно забавную картину. Вообразим себе цепочку гусей, мирно переходящих сельскую дорогу где-то в Швейцарии. Нождаанно из придорожных кустов раздается гоготание, советующее им на «гусином наречии» ускорить шаг и подойти. Они так и делают, но находят там не гуся, а лауреата Нобелевской премии К. Лоренца, который с блеском освоил их «язык». Другие ученые направились в африканские заповедники к обезьянам и обнаружили у них более развитые способы общения, чем думали прежде. Так, одна обезьяна умудрялась сообщить подружившемуся с ней биологу не только то, что к ним идет его товарищ, но и то, идет ли он с биноклем или ружьем!

Однако самые интересные вещи касаются животных, широко расселившихся по земному шару. Вот тому пример. Как-то один зоолог, обучившись крикам французских ворон, решил «побеседовать» с английскими. Не тут-то было: английские вороны с удивлением осмотрели каркающего что-то непонятное ученого и с достоинством улетели. После проверок выяснилось, что вороны на каждой территории «говорят» на своем «диалекте». То же касается многих других животных. Но и это еще не всё. Если с оседлыми воронами все ясно, то вороны перелетные должны испытывать серьезные трудности при путешествиях. В том-то и дело, что нет! Учеными было установлено не только то, что бывалые вороны владеют несколькими нужными им при перелетах «диалектами», но и то,

что они передают свои навыки молодым особям. Так что посмотрите за окно – может быть, на дереве сидит и чистит перышки тоже своего рода полиглот в облике вороны или голубя?

Весьма интересные наблюдения сделаны над племенами, сохраняющими черты очень древнего, архаичного образа жизни. Уж, казалось бы, в их небольших и замкнутых селениях есть один общепонятный язык. Но дело не так просто. Вот, скажем, племя таджу, населяющее одно из ущелий в Индии. Здесь в домах царит поразительная тишина. Дело в том, что женщины по древней традиции говорят на одном языке, а мужчины – на другом. Семейный скандал просто невозможен, поскольку обе высокие стороны либо едва знают язык супруга, либо привыкли изъясняться жестами.

Традиция женского языка – широко распространенное и очень устойчивое явление. Когда этнографы заинтересовались знаками, которыми китаянки одного из медвежьих углов провинции Хунань помечали личные вещи – скажем, полотенца или баночки с едой, – они оказались подозрительно похожи на иероглифы очень древней системы письма, отмененной в этих местах... в 221 году до н.э.! Ну и не могу удержаться, чтобы не сообщить вам о забавном обычае, свято хранимом австралийским племенем диери. Мужчины этого племени уже нашли общий язык с женщинами, но вот зять с тещей обязаны говорить на совершенно особом, непонятном для других языке.

Получается так, что, когда многоязычие не создает неудобств, мужчины с женщинами сами себе их устраивают. Но это, конечно, отнюдь не для развлечения. Речь идет о таком универсальном явлении древних культур, как табу. Общий смысл этого слова вам, безусловно, известен. А применительно к языку оно означает замысловатые запреты на его употребление. Помимо запретов на собеседников наиболее распространен запрет на слова. Скажем, умирает какой-нибудь вождь, имя которого совпадало с обычным словом, – и по решению старейшин племени оно должно навсегда покинуть память людей. У парагвайских индейцев, например, на протяжении 7 лет (все это время с ними жил один этнограф) слово «ягуар» изменялось трижды. То же касалось и таких простых слов и выражений, как «колючка», «убой скота». Ученый буквально пришел в отчаяние – ведь составляемый им словарь приходилось переписывать чуть ли не каждую неделю!

Обратите внимание: сами туземцы вовсе не воспринимают свое бытовое многоязычие как какое-то бремя. Напротив, для того чтобы увидеть своеобразие положения, нужен человек со стороны, пришелец. Зато он, в свою очередь, часто не замечает по сути дела родственных явлений, существующих у него дома. Возьмем хотя бы российскую жизнь прошлого века. Казалось бы, все как на ладони, какие там неожиданности?.. Но, взявшись за свой знаменитый словарь, В.И. Даль был поражен пестротой и богатством говоров и наречий. Гордостью Владимира Ивановича стало уверенное владение профессиональными языками русских, совершенно непонятными для непосвященного. Ведь до этого ученый освоил полтора десятка языков, но кого можно было особенно удивить знанием французского, болгарского или даже башкирского? Таких полиглотов было много. А вот язык костромских шерстобитов, который не следует путать с языком московских шерстобитов! Или, скажем, язык калужских прасолов, язык рязанских нищих! Таких ни у кого в коллекции нет! А язык офеней (были до революции такие мелкие торговцы), он же галивонский, матройский, ламанский, афтюринский? Чтобы дать представление о его трудности, приведу только счет от 1 до 10 по-офенски: екой, кокур, кумар, дщера, пенда, шонда, сезюм, вондара, девера, декан.

А вот подобное сообщение из Италии. На судебном процессе в Палермо срочно понадобился переводчик, потому что ни один из 450 мафиози ни на каком языке, кроме наречия сицилийской мафии, изъясняться не мог и не желал. Труд переводчика взял на себя местный преподаватель С. Корренти. Заодно он составил и разговорник этой, так сказать, «блатной музыки». Впрочем, у языка мафии какого-то особого названия нет – мы здесь воспользовались дореволюционным отечественным выражением, которое обозначало достаточно распространенный жаргон уголовников (кстати, блестяще описанный в пособии для самостоятельного изучения, выпущенном в Петербурге в 1908 году с предисловием...

академика И.А. Бодуэна де Куртенэ).

Перелистывая страницы этого издания, мы можем лишь порадоваться тому, что с ликвидацией общественных условий, его породивших, язык этот практически ушел в небытие и интересуется теперь только особо дотошных полиглотов. Пожелаем того же и итальянцам. А вот другие языки, пожалуй, жаль. И если вы, дорогой читатель, случайно услышите от деда или еще от кого-нибудь, как говорили в старину валдайские ямщики либо псковские плотники, записывайте все! Ваши заметки могут оказаться бесценными для потомков.

Что же касается основной темы нашего разговора, то выводы как будто ясны. Все говорит за то, что многоязычие – врожденный для всего живого дар, что оно необходимо людям. Жаль только, что история его преодоления, история полиглотов, никем не записана. Так давайте пойдем вместе по векам и странам, обращая внимание лишь на самое главное, самое полезное для нас, продолжающих эту историю.

В зарубежной Европе и в Америке

«Твоей матери я написал письмо по-гречески, такова моя самонадеянность... Ты прочти его первый, а если там есть варваризмы, поправь их – ведь твой греческий гораздо свежее, чем мой; и уж потом отдай матери. Я же не хочу, чтобы твоя мать презирала меня как невежду». Так писал примерно 1800 лет назад изящнейший ритор Марк Корнелий Фронтон своему ученику, римскому императору Марку Аврелию. Не будем принимать его слова за чистую монету: опытный царедворец льстит повелителю, впрочем действительно уверенно владеющему языком. Но это письмо открывает нам нечто более важное – мир античных полиглотов.

В основе его, как вы поняли, лежит знание греческого, а вслед за возвышением Рима – и латинского языков как единственно достойных культурного человека. Эти островки цивилизации окружало безбрежное море варварских языков. Само их название было эквивалентно нашему «бормотать» и прямо указывало на то, что они не заслуживают внимания. Такую позицию не следует воспринимать как человеконенавистническую. Скажем, греки уважали египтян и учились у них, римляне многое взяли от соседних этрусков. Этруском был такой уважаемый человек, как Меценат, но ему и в голову не приходило содействовать просвещению на родном языке, теперь ушедшем безвозвратно, так же как греки не создали ни одного учебника египетского языка.

Серьезный человек ограничивался двумя языками. В этом смысле всяческого уважения достоин великий римлянин Гай Юлий Цезарь, который даже свои последние слова: «И ты, Брут!» – произнес по-гречески. Большие познания – явная потеря времени, и их было принято специально обосновывать. Скажем, сочинитель Энний кроме положенных 2 языков знал еще оскский – его, однако, оправдывало то, что он в тех местах родился. Ганнибал владел 4 языками – здесь тоже все понятно: полководец, военная необходимость. Клеопатра знала очень много языков, но ведь она была восточной красавицей, полуволшебницей, и это входило в арсенал ее женских чар.

Не следует думать, что древние народы были неспособны к языкам. Напротив, когда того требовала военная необходимость, а тем более торговая прибыль, они осваивали любые языки, и отнюдь не медленнее нас. Так, в богатом городе Диоскурии, расположенном неподалеку от нынешнего Сухуми, римляне вели дела при помощи 130 переводчиков. Однако на общую культуру эти контакты не оказывали ни малейшего влияния. И когда великий римский поэт Овидий был сослан на противоположный берег Черного моря, он быстро изучил местные наречия и даже сочинял на них стихи («Я и по-гетски могу и по-сарматски болтать», – пишет он домой). Но этот факт не вызывал у него ничего, кроме стыда за такое унижение.

Проще всего, конечно, порицать древних, но не надо забывать, что из-за предельной сосредоточенности на двух языках они добились на них высоких достижений мысли и духа,

во многом сохранивших свое значение и по сию пору. И все же нам не хотелось бы расставаться с античностью на ноте разделения. Для нее были свойственны и призывы к братству, пронизывающие эпитафию Мелеагра. Сириец родом, он овладел греческим настолько, чтобы начертать на собственном могильном камне:

Если сириец ты, молви «салам»; коль рожден финикийцем,
Произнеси «аудонис»; «хайре» скажи, если грек.

Как вы уже догадались, все три слова на соответствующих языках значат «здравствуй».

Перед нашими глазами проходит время 12 цезарей и разрушения Рима вандалами. Как путешественники во времени, мы посещаем те же места, но не узнаем их. Изменился образ жизни, изменилось и отношение к языкам. Мы уже в мире **средневековых** полиглотов, где основательно переосмыслены знакомые нам формы. Теперь мы в мире «треязычников»: поскольку Ветхий завет написан по-древнееврейски, Новый – по-гречески и оба переведены «бого вдохновенным» Иеронимом на латынь, то, согласно учению церкви, единственно допустимо знание лишь этих языков. Для вящей неотразимости данный аргумент дополнялся тем, что табличка, прибитая к кресту на Голгофе, также была написана на перечисленных языках. На практике дело сводилось к одной латыни. Цитаты на других языках в старых книгах писцы обыкновенно заменяли позорной формулой: они не по-латыни, «а посему недоступны пониманию». Таким образом, человек, овладевший этой скромной языковой программой, становился весьма известен. Так, еще в XVII веке один мошенник, приговоренный к смертной казни, получил помилование, когда написал Иакову I просьбу по-гречески. Удивленным церковникам король сухо ответил, что, мол, да, вину его он ясно видит, но еще яснее видит, что при своем дворе равного ему полиглота днем с огнем не сыщешь.

А вот выход знаний за пределы этих языков мог привести на костер. В том же XVII веке в Финляндии один студент попал на него за... Впрочем, отрывок из приговора, разысканный В.Г. Костомаровым, стоит процитировать. Оказывается, несчастный «с быстротой неимоверной изучал иностранные языки, что немыслимо без содействия нечистой силы». Думать, что это произвол или просто какие-то ошибки в записях, было бы наивностью: судьи действовали в полном соответствии с духом времени. Достаточно заглянуть в знаменитый Римский ритуал. В разделе «Об изгнании бесов из одержимых» прямо указывается, что надежнейший признак таковых – умение «пользоваться многими словами иностранного языка или понимать говорящего на нем, указывать далекие или скрытые вещи, выказывать непомерную силу» и прочее, прочее.

Вообще учение о полиглотах было разработано исключительно подробно, но – как бы мягче сказать? – все на один лад. Вот, скажем, кто покровительствует полиглотам? В те времена ответ был простым: великий герцог восточной части ада Агарес. Он разъезжает на крокодиле с соколом на руке и командует 31 легионом демонов. А помогает ему адский маркиз Ронв. Маркиз, правда, командует только 19 когортами свирепых духов, но в придачу к языковому дару учит приобретать всеобщее расположение. Это, конечно, не так мало. Надо думать, что такие владетельные персоны установили и какие-то знаки различия для своих полиглотов?

Вопрос правильный, а главное, ответить на него несложно. Достаточно обратиться к такому авторитетному изданию, как «Путеводитель по аду». Вчитаемся в подзаголовок: «Книга злых духов, волшебства, ворожбы, гадания, заклинаний и пророчеств. Репертуар демонов, ведьм, колдунов, привидений». Сразу видно, что книга толковая, обстоятельная. Кстати, для наглядности прилагаются картинки с портретами этих персонажей, тут же словарь. В общем, автор сего опуса поработал на славу. И действительно, на странице 59 издания 1877 года мы находим приметы полиглота. Узнай, о читатель, что способности к языкам распознаются по «солнечному бугорку», то есть – поясным для непосвященных – по основанию безымянного пальца на левой руке. Если оно покрыто неглубокими линиями –

дар полиглота налицо...

Забавно, конечно, но все это тоже история. Не следует забывать, что общим местом в рассказах магов того времени были десятки ведомых им языков. А это поддерживало подозрения церкви относительно полиглотов. Скажем, чародей XV века И. Тритгейм писал, что собирается подарить человечеству книжицу, позволяющую «с необразованным человеком, знающим только свой родной язык, сделать так, чтобы он через два часа понимал латынь и мог бы читать и писать на ней так, что никто не усомнился бы...». Жаль, жаль, что он не изыскал времени для издания такого серьезного опуса. Впрочем, когда народ стал менее легковерным, и взялся за проверку знаний чародеев, то у них обнаружили хотя и хорошие, но отнюдь не сверхъестественные способности. Так, вопреки громкой похвальбе, в присутствии полиглота знаменитый Ласкарис смог объясниться лишь на 5 языках.

А вот еще одна цитата: «Забывая о нашем языке ради других и уподобляясь тратящим на постороннюю женщину содержание собственной матери, мы не только безжалостны и жестоки, но и неразумны». Позвольте, родной язык – это, конечно, простительно, но так относиться к латыни... Кто на это осмелился? П. Бембо, виднейший итальянский автор. Нет-нет, постойте, наши представления просто переворачиваются. И не случайно: ведь пока мы разбирались с колдунами и инквизиторами, наступили совсем другие времена – полиглотов **эпохи Возрождения**.

Кажется, что прорвало плотину, и, как говорили в старину, перед потрясенным взором читателя предстают просто какие-то гиганты многоязычия. Пико делла Мирандола за отпущенный ему 31 год жизни овладел 20 языками – так, по ходу дела, ибо истинным его делом было возрождение просвещенности. «Я ознакомился со всеми учителями философии, исследовал все книги и изучил все школы», – писал он. Ну, с Мирандолой средневековые как-то примирилось бы – все-таки граф, человек благородный. Но вот выходец из славной семьи печатников Этьенов, члены которой носили номера, как короли, – Анри II. Он тоже знал добрых полтора десятка языков. Да что ремесленник! Его современник Г. Постель был слугой одного профессора и, не отрываясь от прямых обязанностей, с лету изучил все языки, которыми чванился хозяин. А потом добрался до Стамбула, чтобы пополнить свой багаж восточными языками и к 27 годам издать грамматику 22 языков. В жизни он вполне мог встретиться с Турнейссером, издавшим свое сочинение на 100 языках. Какие люди и какое время!

Впрочем, следуя за учеными, здесь можно выделить три взаимосвязанных, но на самом деле разных направления. Прежде всего – *Ренессанс* со свойственным ему взрывом светского свободного интереса к новым и восточным языкам, со свежим подходом и к античным штудиям. Далее – *Реформация*. Ее героем был М. Лютер, потрясший в XVI веке основы папства переводом на немецкий язык Священного писания. Собственно, он и создал современный литературный немецкий. И наконец, эта эстафета была подхвачена полиглотами *Просвещения*. Росшие как грибы, академии родного языка, начиная с блистательной итальянской Академии делла Круска XVI века, отшлифовали новые языки, сделав их носителями высокой культуры. В частности, мы обязаны им значительными усовершенствованиями в построении словарей и грамматик. Сейчас нам кажется, что они всегда были такими – подробными, обстоятельными, удобными для пользования. Но всего несколько столетий назад Лютер, корпя над переводом древнего текста на немецкий, совершенно отчаялся – словари абсолютно не помогали. Пришлось взять за руку знатока еврейской библии, привести его к мяснику-немцу и попросить обоих назвать все части туш животных на своих языках. То, что мы, изучая языки, не должны прибегать к подобным экспериментам, – заслуга эпохи Просвещения.

Впрочем, не будем несправедливы к средним векам. Вспомним великого Данте. В далеком XIV веке он понял значение родного языка и укрепил его, написав по-итальянски «Божественную комедию». Но и за ним просматриваются фигуры трубадуров, еще в XII–XIII столетиях создавших по-провансальски удивительно живые стихи. И наконец, «в дыму веков» мы различаем участников Турского собора IX века, принявших решение обращаться к

народу на его языке. А как обстояли дела с восточными языками? В XIII веке итальянец Дж. Карпини добрался до ставки Батыя в Каракоруме с охранной грамотой, составленной на латинском, славянском, арабском и татарском языках. Собственно говоря, важные античные знания, которые арабы сохранили на своем языке, смогли попасть обратно в Европу благодаря многим полиглотам, освоившим его. Это о них писал в IX столетии епископ испанского города Кордовы Альваро: «Едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятно сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски... с большей красотой и искусством, чем сами арабы».

С другой стороны, чуть ли не до наших дней сохранялось замшелое представление о том, что говорить на языке какого-то народа – значит принимать его образ жизни. Именно это выражают шуточные высказывания типа: с лошадьё следует изъясняться по-немецки, с дамой – по-итальянски и далее в том же духе. По-видимому, эта шутка восходит к императору Карлу V. По этому же поводу можно упомянуть и держащееся во многих странах по сию пору разделение классического (гимназии, лицеи) и реального, практического образования. Вот как разрабатывал эту тему замечательный чешский педагог XVII века Я. Коменский: «Все языки изучать невозможно. Изучать многие языки бесполезно, так как это отнимает время, нужное для изучения вещей. А потому нужно изучать только необходимые языки. Необходимыми языками являются: для частной жизни – язык родной; для сношения с соседними народами – языки последних; для поляков в одних местах необходимым является язык немецкий, в других – венгерский, румынский, турецкий. А для чтения книг научного содержания, как это имеет место у ученых людей вообще, необходимым языком является латинский для философов и врачей, сверх того – греческий и арабский языки... Что касается полиглотии, или знания различных языков, то она может быть быстро и легко достигнута благодаря...»

На этом месте мы пока остановимся, благо разговор о методах изучения языков впереди. Но здесь просматривается не бросающаяся в глаза, однако весьма важная вещь.

Прочтите цитату еще раз, и вы непременно заметите, что принцип отбора языков по их функциям у Коменского очень близок к тому, с чего мы начинали наш разговор. И если бы мы попытались изобразить это в виде круга, то он ничем существенным не отличался бы от нашей диаграммы из первой главы, что не случайно – ведь мы приблизились к эпохе полиглотов современности. Сущность ее в том, что при разной работе, которую проделывают люди (в зависимости от цели изучения языков и их построения), в принципе, в самом общем плане все эти языки сопоставимы и равноправны. Как обычно в истории, и этот подход неспешно вызрел в недрах предыдущего этапа.

Приятно отметить, что и российская наука не отставала в этом развитии. Еще в XVIII веке во все уголки нашей страны и всего мира были разсланы анкеты, на основании которых под руководством петербургского академика П. Далласа и появилась на свет знаменитая книга «Сравнительные словари всех языков и наречий». Ока содержала сведения о 272 языках, в том числе 30 языках Африки, 23 – Америки и даже 50 языках народов Севера. Не так мало и для нашего времени, а для 1791 года?

Только через 25 лет, учитывая опыт этого издания, И. Аделунг с И. Фатером смогли завершить свой гигантский «Митридат», на страницах которого сошлись уже 500 языков! Результаты труда ученых были полезны, но возможным его сделало такое неоднозначное явление, как колониальная политика. Действительно, вовлекая в оживленное общение сотни народов, она в то же время вела к вытеснению десятков языков и культур. Сформированная на этой основе структура многоязычия требует особого рассмотрения – и мы переходим к американским полиглотам.

Изрядную сложность многоязычия в Америке предвещала беспрецедентная ситуация, сложившаяся уже к моменту ее открытия. Прежде всего сам Колумб, генуэзец по происхождению. Однако все его письма не только к генуэзским властям, но и к родным братьям написаны... по-испански (а ведь даже чисто теоретически можно было бы хоть иногда ожидать итальянского). Но этого мало. Поскольку плыли-то они открывать западный

путь в Индию, то сразу после высадки на обнаруженной земле мореплаватели послали к предполагаемому «китайскому хану» двух полиглотов. Один из них, Л. Торрес, уверенно обратился к индейцам... по-арабски и по-халдейски. Последовавшее изумление, вероятно, было достойно немой сцены из «Ревизора».

Вслед за этим на материк хлынули волны переселенцев из *Старого Света*. Первой взявшаяся за их перевозку Голландская Ост-Индская компания, пытаясь ограничить их многоязычие, обязательным условием перевозки ставила безукоризненное владение голландским. Но очень скоро эта плотина была прорвана. Уже в 1643 году на месте нынешнего Нью-Йорка говорили на 18 языках. Давший такую цифру в своем дневнике некий патер Йогес, несомненно, недоучитывал роль индейских языков. А ведь их было много – достаточно сказать, что уже в наши дни в Оклахома-Сити на 100 тысяч населения приходится <...>¹ туземных наречий!

Вообще языковая культура американских индейцев была исключительно высокой. Нужды межплеменного общения обслуживала целая палитра любовно обработанных естественных языков и даже дальновидно задуманных полуискусственных наречий. Вся эта своеобразная культура могла бы дать колоссальные импульсы мировому многоязычию, но, к сожалению, ее оценили лишь в самое последнее время. А ведь сегодня если сами племена аборигенов и не вымерли, то многие их ценности ушли из народной памяти. В общем, индейские языки заняли место внизу пирамиды языков, определяющей последние два-три века структуру американского многоязычия.

На самом вершине пирамиды располагаются языки европейских держав, победивших в колониальном соперничестве. Это английский и французский в Северной Америке, испанский и португальский – в Южной. Середину пирамиды занимают менее престижные европейские языки – итальянский, голландский, уступающие дорогу своим более удачливым родственникам. Ну а внизу – языки переселенцев из Азии и, как мы уже отмечали, индейцев. Структура этой пирамиды, получившей даже особое название – мелтинг-пот (плавильный котел), – в прошлом не раз перемешивалась и до сих пор не устоялась. Начнем снизу: с ростом национального самосознания туземные языки неуклонно развиваются и кое-где делают крупные части территории двуязычными. Примером тому Парагвай, Боливия, Перу, а на севере Аляска. Поднявшись выше, мы обнаруживаем, что очень многие семьи переселенцев пока «не переплавились в котле». Так, если взять всех жителей США, знающих иностранный язык, то не менее 1/4 из них усвоили его в быту от родителей-иммигрантов. Кстати, если родители часто тяготеют таким положением, оно мешает им в поисках работы или жилья, то их дети уже выросли на месте, подобных проблем у них нет, и они, наоборот, остро ощущают тягу к языку предков. Это явление тоже получило свое название – проблема третьего поколения.

Свои проблемы и на самом вершине пирамиды. С течением времени американский вариант английского, испанского и других крупнейших языков стал все сильнее отходить от европейского. И если раньше было престижно употреблять традиционные формы, то теперь старушка Европа кажется все старомоднее, ограниченнее. Ведущий английский университет, слывший в старину цитаделью консерватизма, признал дуэль проигранной и выпустил «Оксфордский словарь американо-английского языка». В нем 70 тысяч (!) слов. Нечто похожее происходит и с португальским языком. Чтобы сдержать расхождение между европейским и бразильским его вариантами, с 1931 года проведено уже две реформы правописания, и на подходе третья.

В черной Африке и в арабском мире

¹ В DjVu-исходнике текста в данном месте стоит какое-то двузначное число, но вторая цифра видна неразборчиво, вот так:

Удивительно разнообразен мир языков черной Африки, и, разумеется, местные культуры с древности находили общий язык без помощи колонизаторов. Когда в 525 году до н.э. мореплаватель Ганнон отправился из Карфагена вокруг Африки, то сначала он шел в зоне влияния родного языка, на котором мог объясниться любой встречный. Но где-то на уровне юга Марокко он перешел в зону влияния негритянских цивилизаций, и здесь уже понадобилась помощь полиглотов из племени ликситов, живших на границе обеих зон и привыкших выполнять функции посредника. Так и плыл Ганнон до широты современной Гвинеи.

Преодолевая трудности многоязычия, африканцы и в дальнейшем находили удачные решения проблемы. Хорошим примером может служить суахили. Этот язык образовался не позднее IX века, когда изыскавшие по-арабски купцы стали просачиваться на восточное побережье Африки, заселенное племенами, говорящими на наречиях ведущей в этом районе языковой семьи банту. В результате взаимовыгодных контактов и выработался суахили. По грамматике это типичный представитель банту, зато по словарю на добрую треть составлен арабскими и персидскими словами. По культуре же, созданной на нем, суахили равно принадлежит и чернокожим туземцам, и приезжим. В итоге появился приемлемый для всех – от великих африканских озер до аравийского побережья – язык-посредник.

А затем пришли непрощенные гости из Европы и стали наводить свои «цивилизаторские» порядки. На многие столетия в черной Африке установился колониальный тип многоязычия, доживший до наших дней в его грубом, первоначальном варианте в Южной Африке. Собственно, мы и выбрали только что из 2 тысяч туземных языков с их 20 тысячами диалектов именно язык банту потому, что наречия прежде всего этой семьи находятся на самом дне пирамиды, вершину которой заняли языки угнетателей – английский и африкаанс. А между ними стоит язык фанагало, ярко отразивший положение в стране. Присмотримся к нему повнимательнее. При всем презрении к африканцам, общаться с ними хоть как-то колонизаторам надо. Для этого можно было бы использовать языки банту, и в первую очередь высокоразвитый язык 6-миллионного народа – зулусов. Но, поступив так, белым пришлось бы издать на нем кое-какую литературу, вообще хоть немного поддержать его. А этого они боятся больше всего. Поэтому лингвисты ЮАР получили задание придумать язык-посредник, склеив его из обрывков африкаанса, английского и зулусского.

Так и сложился горняцкий язык фанагало, на котором волей-неволей говорят сейчас около 700 тысяч добытчиков золота, алмазов и угля в шахтах и рудниках Южной Африки. Все в нем строго отмерено – ровно 3 тысячи слов и выражений, простейшая грамматика, осваиваемая за две недели, то есть точно столько, сколько нужно, «чтобы обеспечить производительность труда и технику безопасности», как выразился энтузиаст языка, заодно занимающий пост начальника отдела кадров одного из самых суровых по условиям работы прииска «Ваальрифт-Саут». Но ни в коем случае не больше, чтобы не внести начал организованности и культуры в рабочую массу. Африканцы справедливо относятся к фанагало как к символу апартеида. Нет сомнения, что после освобождения народ успешно решит и языковую проблему.

Так было во многих странах от юга черного континента до Сахары, получивших в наследство от прошлого колониальную пирамиду языков. Десятки местных языков получают письменность, законодательно утвержденные права. Те из них, которые издавна использовались в портах и на базарах для общения людей из разных мест, закрепляют за собой функции языка-посредника, переходят на радио и телевидение.

Кроме суахили следует обратить внимание на быстро набирающий силу в Западной Африке язык хауса. Сейчас им пользуется уже более 25 миллионов человек. Находится место и языкам бывших колонизаторов, например португальскому в Анголе, французскому в Конго, английскому в Нигерии. Собственно, говорят на них всего от 5 до 20 процентов коренного населения, но в целом ряде функций считается возможным использовать их на

правах вспомогательных, пока местные языки не войдут в силу.

Много еще занимательного можно было бы рассказать об этих знойных странах, но до нашего слуха уже доносятся протяжное пение муэдзинов и тяжелая поступь караванов, открываются взору пальмы в оазисах и южные города с минаретами. Мы приближаемся к полиглотам арабского мира, раскинувшегося на огромном расстоянии от Марокко до Пакистана. Как вы понимаете, красочных подробностей и экзотики здесь хватило бы на целую книгу, но нас ведь интересуют более глубокие законы. А если посмотреть в корень, то выяснится, что мусульманская культура возникла как прямое продолжение античной, греко-римской культуры и в этом смысле является не менее законной наследницей ее, чем европейская. Вот почему история решения проблемы многоязычия в Египте и Средней Азии, Сирии и Северной Индии представлена уже знакомым нам по Европе средневековым его типом. Только здесь он был проведен еще жестче, так как Коран категорически запрещалось переводить на любой другой язык. Отсюда колоссальный авторитет арабского: в принципе любой культурный обитатель этого огромного мира был обязан понимать по-арабски. Но и самый необразованный человек, говоря на мало-мальски серьезную тему, вынужден был пользоваться арабскими словами, число которых в таких старейших и самостоятельных языках, как персидский и турецкий, запросто могло доходить до 80 процентов.

Вместе с тем в некоторых ограниченных областях были языки, успешно конкурировавшие с арабским. Так, персидский занял первенствующее положение в поэзии. Сладость его звуков и напевность размеров ценились так высоко, что за изучение персидского усаживались и гордые арабы, и утонченные индийцы. Знакомство с обоими языками считалось настолько естественным, что глубоко почитаемый и в наши дни всеми народами Востока мыслитель XIII века Джалаледдин Руми вызывает восхищение полетом научной мысли и гениальными стихами, но отнюдь не тем, что практически как родной знал арабский, персидский и турецкий. Последний в ту эпоху был некоторым новшеством, поскольку его только что провозгласили языком государственного управления турки, воздвигавшие Османскую империю. Одно время турецкий было весьма принято изучать, чему способствовали и простота строя этого языка, и лингвистические меры деспотов вроде Караман-оглу, печально прославившегося тем, что вырезал всех писцов, не позаботившихся овладеть турецким до 1271 года...

Постепенно в тех странах, где был авторитетный местный язык, арабский был вытеснен им из всех сфер применения, кроме, конечно, религии. Здесь просматривается определенное сходство с европейским многоязычием эпохи Просвещения. А в собственно арабских странах сложилось поистине уникальное для современного мира положение. Оно возникло в силу того, что сформировавшийся более тысячи лет назад классический арабский язык, на котором написан Коран, сильно изменился. «Что же тут удивительного? – спросит читатель. – Законы языкового развития неумолимы, изменяется любой язык». Да, но в разных странах по-разному. Суть ситуации в том, что разговорный язык, который слышится на улицах Алжира, почти непонятен для жителя Багдада, и наоборот! Сформировалась целая гроздь вариантов, способных стать самостоятельными языками, – египетский арабский, сирийский арабский и так далее. И это не преувеличение – автору уже доводилось видеть учебники вот с такими двойными названиями.

Получается, что на месте одного стало много языков. Как с этим справляются местные жители? Ряд решений нам уже знаком. К примеру, наиболее развитый из диалектов объединяет вокруг себя несколько соседних. Скажем, египетский арабский считается общепонятным и на территории южного соседа – Судана. Но главную черту, всю неповторимость ситуации создает то, что широкие массы населения арабского мира не собираются отказываться от классического языка. Допустим, на местном языке можно поговорить с женой или сыном, выступить на собрании либо почитать многотиражку. Но ознакомиться с серьезной книгой, пообщаться с арабом из далекой страны, получить образование по специальности можно только на классическом арабском. По мнению арабов, это препятствует замыканию культуры в рамках одного государства, поддерживает единство

арабской нации в сложных современных условиях. И если в Европе латынь уступила место новым языкам после долгого периода двуязычия, то в арабском мире исход такого соперничества пока остается неясным. Ну что же, значит каждый араб – полиглот!

В Индии и на Дальнем Востоке

Казалось бы, о многих удивительных традициях разных стран мира мы уже узнали, но Индия способна сравниться с любой из них по сказочному богатству своих языков и культур. Важнейшей вехой в ее истории является поселение здесь во II тысячелетии до н.э. кочевых племен индоевропейцев, говоривших на языках, родственных, между прочим, и славянским. До этого в Индии жили народы дравидской языковой семьи, внесшие большой вклад в ее культуру. Они и до сих пор занимают весь юг страны. Священным языком переселенцев стал санскрит. На нем была создана высочайшая культура, до наших дней играющая ведущую роль в жизни индийцев. Этому весьма способствовало то, что уже в IV веке до н.э. индусы выработали исключительно точную грамматику санскрита: достаточно сказать, что она была **полной**, то есть объясняла любое без исключения явление языка. На таком уровне европейские лингвисты стали работать лишь сегодня! Но, конечно, это предъявляло весомые запросы и к учащимся.

Многие ли из вас могут с ходу перечислить все корни родного языка? А для индусов с тех далеких времен эта задача не казалась непосильной. То есть она, конечно, была посильна не для каждого. Но в принципе это могли сделать многие, так же как сейчас химик не затруднит написать по памяти таблицу Менделеева. В общем, вся традиционная индийская культура с тех пор ориентировалась в первую очередь не на запись, а на запоминание. Уже в наши дни уроженец древней страны Рамануджан не только освоил самоучкой европейскую математику и дополнил ее важными теоремами, но и мог перечислить все корни санскрита. А ведь этот язык вовсе не был родным для него...

Санскрит тысячелетиями прочно удерживал свои позиции. Можно сказать, что с ходом времени он только укреплялся. За период его процветания возросла и увяла латынь, а санскрит все оставался подлинным символом единства народов Индии. Уж на что независимым от древних условностей было вероучение буддизма – по преданию сам его основатель предписал: «Учите слова Будды каждый на своем собственном языке». И что же – даже оно в конце концов перешло на санскрит! Должны были произойти глубокие перемены во всем образе жизни, чтобы санскрит сменили новые языки. Им удалось это сделать совсем недавно.

Вот, скажем, урду, несущий сейчас функции государственного языка в Пакистане. Он сложился около XIV века при смешении персидского и арабского с местными наречиями при распространении мусульманства. Не случайно само название языка значит «лагерь»: именно в войске перемешивание было интенсивным, а сдерживающая роль традиций – минимальной. Что касается ведущего языка Индии – хинди, то по грамматике он почти совпадает с урду. Зато словарь его насыщен не арабо-персидскими, а санскритскими словами. Этот язык тоже обязан реформаторскому движению XV века, сдвинувшему с насиженных мест массы народа. Кстати, вождь движения – знаменитый Кабир – и написал строки, ставшие первым классическим образцом литературы хинди.

И наконец, в последние столетия на территории Индии появились европейские языки. Их принесли с собой колонизаторы. Как метко писал один из них, для большинства туземцев овладение языком «цивилизаторов» начиналось с виртуозного овладения всеми временами и наклонениями глагола «грабить», то есть: «не грабьте меня», «меня ограбили», «караул, грабят» и тому подобное. Сложные взаимоотношения европейских и местных языков в конце концов уложились в знакомую нам пирамиду. Нужно сказать, что этот компромисс мало кого устраивал, однако после достижения независимости он оставил на языковой ситуации глубокий отпечаток.

Мы говорим о политике правительства Индии, известной под названием формулы трех

языков. Это значит, что в стране признано необходимым знать два государственных языка – английский и хинди, а также официальный язык того штата, где человек живет. Помимо этого многие изучают санскрит или арабский. Наконец, есть и такие, у кого родным является какой-либо другой язык, кроме названных, и они вовсе не хотят забывать его. Так что практически индийцы владеют 3–5 языками. Да это программа настоящего полиглота! Вероятно, она под силу лишь особо одаренному человеку, подумаете вы – и ошибетесь. За формулу трех языков в Индии борются самые простые люди.

Как пишет выдающийся индийский специалист по многоязычию Д. Паттанаяк, в его стране испокон веков тесно, но мирно уживались сотни народов. В итоге выработались такие черты национального характера, как восприимчивость и уважение к чужим языкам. Для достойного человека естественно поговорить у колодца на одном языке, в магазине – на другом, с соседом – на третьем. Напротив, установка на то, что один язык хороший и его надо знать, а остальные безразличны, воспринимается как не имеющая национальных корней, не делающая человеку чести. Тут есть чему поучиться, и можно быть уверенным, что будущее Индии – с полиглотами!

Да, культура удивительная. Но замечаете – продвигаясь от Кордовы до Дели, мы наблюдали как очень схожие языковые проблемы, так и во многом параллельные пути их решения? Другое дело Дальний Восток. Все здесь не похоже ни на что и поэтому особенно захватывает. Ведущую роль в этом регионе всегда играл Китай, да и в наши дни это нация, по численности перешедшая за миллиард. Многоязычие тут – извечная острая проблема. Кстати, дать однозначный ответ на вопрос: «Говорите ли вы по-китайски?», по сути дела, нельзя. Попросту единого разговорного китайского не существует. Выделяется, самое меньшее, 3 языка – северный, южный и восточный китайский, носители которых **вообще** друг друга не понимают. А внутри области распространения каждого из них есть территории величиной с небольшое европейское государство, жители которых **почти** не понимают соседей. Каковы же пути решения этой проблемы?

Первый – классический. Помните, как Ганнон, плывя вокруг Африки, брал по очереди толмачей? Так и теперь многие китайцы знакомы с диалектом не только своей, но и соседней провинции – так что всегда можно подобрать цепочку переводчиков, достаточно длинную, чтобы объясниться с кем угодно.

Второй путь очень оригинальный. В некоторых подразделениях китайской армии командиры общаются с солдатами при помощи... пластмассового свистка. Достаточно заучить сотню сигналов – и можно в строй. Хотя и этот путь известен у народов мира – в первую очередь у горцев, поскольку свист разносится на добрых три километра. Разумеется, в том только случае, если языком свиста пользуется мастер, а таких мастеров 2 тысячи в турецкой провинции Гиресун и 3 тысячи на Канарских островах. Есть свои «свистуны» в двух племенах мексиканских индейцев. Даже на склонах французских Пиренеев заливисто пересвистываются около 40 крестьян. Однако и это средство лишь вспомогательное, не снимающее проблемы полностью. И видимо, пришлось бы нам говорить не об одном, а о целой группе китайских языков, если бы не гениальное решение, найденное народом тысячи лет назад. Это – иероглифическое письмо.

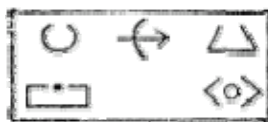
Возьмем для примера иероглиф, совпадающий по начертанию с нашей буквой, «А». Как он читается? Пекинец прочтет его «жэнь», шанхаец – «нин», шань-дунец – «инь», гуандунец – «янь». А русский прочтет его «человек». И кто же будет прав? В том-то и дело, что никто. Иероглиф передает только смысл, а как читать его – по-пекински или по-испански – совершенно безразлично. Отсюда проблема многоязычия устраняется полностью. Выход из положения очень прост – он называется «разговор кистью» и состоит в том, что вы садитесь с собеседником рядышком и пишете по очереди все, что хотите сказать. Пусть устно вы чужие, зато письменно вы говорите на одном языке! В конце концов, именно это и создает единый китайский язык. Основа его целостности не общая речь, а общее письмо.

Итак, на Дальнем Востоке было принято письменное решение проблемы многоязычия. Насколько оно вошло в плоть и кровь жителей этого региона, видно по составленным тут

проектам международных языков. Сначала вспомним: что было характерно для эсперанто и его европейских собратьев? В первую очередь звучание, речь. А теперь возьмем созданный на Дальнем Востоке и весьма заинтриговавший ЮНЕСКО язык «локос». Этот международный язык, по мысли его создателя Ю. Ота, имеет словарь, состоящий из рисунков-символов. Например:

○	— человек
△	— совет
<○>	— хороший
□	— тот
→	— дать

А дальше с учетом тех законов сочетания знаков, которые уже известны европейцам по общепринятым спомогательным языкам (например, химическим формулам), мы можем построить и первую фразу на локосе. Вот она :

А значить это может только: «Тот человек дает хороший совет». Ну что же, может быть, локосу суждено большое будущее, тем более что на его освоение нужен всего час-другой. Желаящим взяться за это рекомендуем пособие, напечатанное в номере 3 за 1976 год журнала «Наука и жизнь», а сами вернемся к предмету нашего обсуждения.

Как вы заметили, и локос, и разговор кистью пронизаны одним общим стержнем — оглядкой на письменность. В разработке ее участвовали и народы Вьетнама, Кореи, Японии, принявшие иероглифику. Скажем, в классическом китайском существительные не склоняются, а в японском они изменяются по падежам, и весьма активно. Японцы стали обозначать окончания особыми значками, добавляемыми к иероглифу. Например, слово «человек» будет произноситься «хито», записываться «人». А в родительном падеже оно читается «хито-но», пишется «人ノ». В жизнеспособности этого решения сомневаться не приходится — ведь если мы видим на шоссе знак Р, а под ним табличку 900—1800, то мы разумеем: «Стоянка разрешена с 9 до 18 часов». В сущности, то же делают и японцы.

Но дорожных знаков от силы полторы сотни, а сколько в языке слов? Предположим, не для каждого слова нужен простой иероглиф — многие обозначены сочетанием из 2—3 знаков, так что заучивать надо поменьше. И все равно усилия требуются огромные (из-за этого число грамотных в Китае никогда не превышало 10 процентов). В Японии образование построено лучше, грамотность не ниже, чем в Европе, и тем не менее на минимум, необходимый для чтения газет, который дает школа — 1850 иероглифов, — уходит 12 лет! Сколько же тогда нужно времени, чтобы освоить все 53 тысячи возможных?!

Преодолевая подобные сложности, одни народы Дальнего Востока перенимают европейские решения и прежде всего переходят на алфавит. Это, к примеру, Вьетнам, символом которого может служить личность Хо Ши Мина, с равной легкостью владевшего русским, английским и китайским. Японцы твердо стоят за традиционные решения: оказывается, у древней иероглифики есть еще скрытые достоинства. А в целом все пути посвоему хороши, обо всех них нужно знать культурному человеку.

История русских полиглотов

Знакомясь с русскими полиглотами, мы погружаемся в изумительно богатую языковую среду. Помимо того очевидного факта, что русский язык — носитель древней и влиятельной

культуры, нас особо заинтересует то, что по мере своего развития он тесно соприкоснулся со всеми способами решения проблемы многоязычия, о которых мы говорили. Отнюдь не исключением было то время, когда на крайнем северо-западе своего распространения русский язык образовывал смешанный русско-норвежский говор, на крайнем юго-востоке – русско-китайское (кяхтинское) наречие, а на крайнем востоке интенсивно взаимодействовал с языками американских индейцев. Выписывая сведения такого рода без разбора, мы могли бы потонуть в фактах и наверняка наделали бы ошибок.

Зададимся простейшим вопросом: куда были обращены интересы древнерусских полиглотов? Казалось бы, ответить на него несложно – в нашей письменности того времени ученых потрясает полная независимость ее от восточных литератур. Более того, если в древнерусскую словесность и попадали какие-то влияния Азии, то обычно... через европейские литературы. «Смею утверждать, – пишет Д.С. Лихачев, – что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком».

Но если мы обратимся к истории лексики, то здесь все будет наоборот. При скромном числе ранних заимствований из западноевропейских языков в русский проникло очень много слов тюркского происхождения – деньги, товар, очаг, утюг, башмак, лапша и так далее и тому подобное. Да для этого нужны были долгие и взаимовыгодные контакты! Значит, хорошо, что мы не сделали поспешных выводов, ведь способы преодоления трудностей многоязычия в ту далекую пору отнюдь не были примитивны. Чтобы не заблудиться в лабиринте веков, мы возьмем как путеводную нить достижения отечественных языковедов.

Времена Киевской Руси – будем считать их примерно до XIII столетия – вот золотой век русских полиглотов. Образу мыслей той эпохи присущ охват всего мира, всей истории. Если пишется летопись, ее нельзя начать иначе, как от начала времен. Если пишется художественное произведение, оно в один миг переносит читателя с берегов Балтики на Черное море, от Волги к Дунаю. Литературная условность, скажет читатель. Ну нет – и свидетелями реальности не только такого мировоззрения, но и образа жизни являются полиглоты.

Начнем с суровой Скандинавии. О прямых языковых контактах с дюжими викингками или купцами, шедшими «из варяг в греки», говорят многие заимствования, ставшие сегодня для нас родными: ларь, крюк, селедка и ябеда. Дело не ограничивалось устными контактами. На Руси принимали на воспитание и службу таких вельмож, как шведский королевич Инге или норвежский ярл Магнус Добрый, а они приезжали явно не в одиночку.

Если опуститься южнее, то мы найдем на побережье Балтики предприимчивых немецких купцов. Быстро сообразив, насколько выгодна торговля с русскими, они стали регулярно посылать детей в семьи новгородцев, чтобы те сызмала овладевали всеми оттенками нашей речи. Немцы высоко ценили эти связи. Когда в Риге появились голландцы – свои же и по языку и по культуре, – им было запрещено учить русский под страхом сурового наказания. Коммерческий интерес! Немецкие купчины вовсе не собирались делиться преимуществами посредников и переводчиков. Но и русские не терялись – уже в договоре 1229 года смоленские купцы оговаривают свое право владеть языком торговых партнеров с «Готского берега».

Если посмотреть еще южнее, то не было, вероятно, ни одной крупной европейской державы, хоть один выдающийся представитель которой не воспитывался бы на Руси. Это не только соседи, такие, как венгерский королевич Андраш, но и сыновья английского короля Эдварда Железнобокого – Эдвард и Эдвин. В свою очередь, славились на всю Европу русские невесты. И первой вспомним дочь Ярослава Мудрого – Анну. Выйдя замуж за французского короля, она приложила руку на одной важной грамоте 1063 года, начертав: «Ана рѣина» (то есть «Анна-королева»), и вообще оставила свой след во французской культуре. Так, по-видимому, она привезла с собой Священное писание по-славянски, на котором присягали при короновании короли Франции, вплоть до Людовика XVI.

А наша соотечественница Конгута Ростиславна, выданная за чешского короля! Она стала первой чешской поэтессой. Мы говорим тут о знатных особах, поскольку простые женщины той эпохи имели, конечно, мало шансов попасть в историю. Но и они были очень любознательны, хорошо знакомы с языками – кстати это вообще довольно надежный показатель уровня культуры всего общества. Как приятно, что, наверное, и приветствовали их почти так же, как сейчас. В сочинении блестящего византийца Иоанна Цеца читаем такое знакомое: «сдрѣ-прѣте, сестрица, дѡвра дѣни». Простим писателю XII века неточно расслышанное «здравствуйте» и лучше оглянемся вокруг – мы прибыли на берега Босфора!

Рассказывать о полиглотах этих краев легко и приятно. В самом деле, кто из читателей не помнит того, как в IX столетии братья Кирилл и Мефодий основательно изучили язык славян, живших вокруг их родных Салоник, создали для них азбуку, которой написаны и эти строки, перевели на славянский первые книги... У них сразу обнаружились принципиальные противники. Прежде всего это немецкое духовенство, стоявшее на позициях знакомых нам «треязычников». Для них славянская письменность была нежелательна, как, впрочем, и своя, немецкая. О том, как горячо боролись за свое дело первоучители, свидетельствуют подлинные слова Кирилла, донесенные до нас одной рукописью XV века: «Отвеща философ к ним: Не идет ли дождь от бога равно на вся, или солнце такожде не сияет ли на вся?.. То како вы ся не стыдите три языки токмо мняще, а прочим всем языком и племеном слепым веляще быти и глухым?»

Я нарочно не перевел этот отрывок. Ведь вы без труда поняли общий смысл речи философа, сказанной на солунском диалекте тысячелетней давности. Это произошло по двум важным причинам. Во-первых, вместе с книгами русские заимствовали и язык, на котором они были написаны, что очень обогатило нашу речь и слышится в ней по сию пору. Во-вторых, все славянские языки близки друг к другу, а в древности были и того ближе. Умело составив азбуку, приемлемую для любого славянского наречия, первоучители одновременно и использовали это родство, и укрепили его. Что же касается «треязычников», то они не смогли помешать росткам просвещения, – и очень скоро славяне стали знакомиться с сокровищами мировой культуры через посредство византийской.

Народ не зря прозвал Ярослава Мудрым – уже в XI веке он собирает местных полиглотов в особую переводческую школу. «И к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык», – с одобрением помечает летописец. Видимо, уважение к книжной премудрости было повсеместным, а переводы делались доброкачественные, если уже сын Ярослава, Всеволод, как писали тогда, «дома сядя», изучил 5 языков! А в пользу того, что

образованность была присуща не только знати, говорят берестяные грамоты, сохранившиеся в земле Новгорода: с того же XI века там были с азбукой на «ты» самые простые люди. Наверное, поэтому так скоро стали русские и отдавать долг. В течение одного поколения они достигли таких познаний, что сербский книжник Прокопий в XII столетии направился прямо на Русь, чтобы завершить здесь образование, а вслед за этим перестроить родную орфографию на русский манер.

Ради этого рассказа стоило отвлечься от нашего путешествия по кругу земель, соседствующих с Русью. Но нам уже пора отправляться из Византии – нас ждет Кавказ. Из глубин XII века доносится пленительный голос азербайджанского поэта Низами. Когда в поэме «Семь красавиц» ему понадобилось описать русскую красавицу, то характерная черта ее облика сомнений не вызвала:

Она в любой науке столь была сильна,
Столь искушена, что в мире книги ни одной
Не осталось не прочтенной девой молодой.

С ним согласились бы армяне: лучшие их врачи и строители находят доброжелательный прием в Киеве, а детей учат, как можно предположить, в двуязычных школах. Впрочем, не только кавказцы, но и арабский мир стремится в Киев – там уже в XII веке была школа, где обучение велось по-арабски.

Поднимаясь выше по карте, мы приближаемся к протяженной восточной границе Руси с азиатскими народами. «Дикое поле, страна незнаема», «рать без перерыва», как говаривали в ту далекую эпоху. Да, непростыми были наши отношения, и все же в старинных летописях, откуда мы взяли эти выражения, упоминаются и «ковуи» – племена половцев, ставшие верным и надежным союзником русских. А ученые вскрыли в тексте «Слова о полку Игореве» целый пласт тюркских слов и оборотов, так же как и в киевских летописях – отчетливые следы половецкого эпоса. Во всяком случае, тюркские языки на Руси знали, и очень хорошо.

И наконец, мы подошли к северу. Этот разговор действительно стоило оставить «на сладкое», поскольку начиная с X века Господин Великий Новгород был организующим началом на огромном пространстве севера от Урала до Балтики. Здесь в общении с финно-угорскими народами особенно ярко проявилась такая черта русского многоязычия, как терпимость. После вхождения «под руку» Новгорода языки более слабых соседей не вытеснялись, а пользовались полным уважением. Благодаря этому недавно обнаруженный на берестяной грамоте в Новгороде карельский текст примерно на 600 лет старше, чем известные до сих пор памятники данного языка. А написан он был русскими буквами. Представитель пока не замиренного племени емь, Семен Емин, стал в Новгороде тысяцким. Так же спокойно чувствовали себя эсты и меря, ижора и весь. А родственные им по языку коми-пермяки немного позже получили из рук русских собственную письменность. Этот труд, предпринятый Стефаном Пермским, принес ему величайшее уважение соотечественников. Вот как писал о нем Епифаний Премудрый: «И изучися сам языку пермскому, и грамоту новую пермскую сложи, и азбуку не знаемы счини по предложению пермского языка, якоже есть тебе, и книги русския на пермский язык преведе...»

Да, мало что может сравниться с этим удивительным временем. Но завершение многих его начинаний приходится на долю уже следующих четырех веков – «серебряного века» русских полиглотов – **времен Московской Руси**. В начале этой эпохи по русской земле проходит вал восточных народов – это татаро-монгольское нашествие XIII века, а в конце – вал западных народов, польско-литовское и шведское нашествия Смутного времени XVII столетия. Казалось бы, что стоило многоязычным ордам, не оставившим нетронутым почти ни одного уголка страны, стереть русский язык с лица земли? Но народ не просто сохранил его. Именно тогда и сложилась та речь, которая с XVII века несет гордое имя национального русского языка.

Приятно сообщить читателю, что массовое многоязычие приняло в этом самое прямое участие. А как иначе могло быть, если в единый язык сплавлялось на относительно небольшой территории вокруг Москвы целое множество северных и южных диалектов? Там, в глубине, под волнами нашествий и перемещений народов, шла неспешная, но титаническая стихийная работа по взаимному притиранию диалектов, по отбору из их богатств всего самого ценного, выразительных звуков, окончаний, способов связи слов – работа, которую вел не кто-то один, но весь народ. И затем почти сразу эта речь, как тугая пружина, распрямляется и сквозь XVI–XVII века летит как на крыльях до Тихого океана, осваивая необозримые пространства Сибири с ее удивительными наречиями. Но, осваивая внешние просторы, русский язык не упускал из виду и внутренние. Прежде всего он упорно, одну за другой, перенимал от утратившего свою просветительскую роль церковнославянского языка все функции его применения.

Позвольте, заметит внимательный читатель, но такое соперничество нового языка с архаичным – примета уже возрожденческого многоязычия. Пожалуй, да, и противостояние их представляет собой сердцевину языковой жизни той эпохи. Чтобы уловить ее живой пульс, взглянем на тогдашнее общество, так сказать, по сословиям. Вот, например, торговые люди – свободные, но особенно не ученые. Они были чутки и к родному, и к чужим языкам. Хорошим примером может служить сочинение Афанасия Никитина, фрагменты которого написаны по-персидски или по-татарски. Об остром интересе к языкам говорят и самодельные словарики, на скорую руку составленные для нужд живого общения. Здесь и счет по-английски (он, ту, фри, фор, фев, шиксь – похоже? А ведь три века назад), и арабские, и испанские, и финские слова, и приметы кипрского говора. Без самостоятельных усилий тут было не обойтись хотя бы потому, что те, у кого имелись средства и досуг на книги, были ограничены числом переводов: они делались с латинского и польского, реже – с немецкого, белорусского, голландского. Но даже о таких распространенных языках, как английский и французский, речи пока нет.

Впрочем, предположим, что молодой человек, начитавшись книг, хочет получить образование из первых рук. В XVI веке языки изучали всего несколько богатых недорослей, посланных в Лондон, Париж, Любек и Константинополь. Менее состоятельный человек имел надежду скорее найти в соседнем монастыре знатока языков и попроситься в число его двух-трех учеников. Положение стало быстро меняться в XVII столетии – одна за другой появляются пока незамысловатые школы языков. Не успеют москвичи свыкнуться со школой учителя Иосифа, как она уже закрывается, прожив всего пару лет. Зато на смену ей приходят школа Ф.М. Ртищева на Воробьевых горах, продержавшаяся четверть века, а также Спасская школа и Типографское училище. При всей важности их вклада в отечественное просвещение набор языков в них сводился к греческому с церковнославянским. В условиях того времени эти красивые языки служили скорее уздой, сдерживавшей горячие головы.

Постоянно нарастающий языковой конфликт отчетливо видели приезжие из других стран, выросшие в иной языковой обстановке. В один голос они свидетельствуют, что разговорный русский язык – общепринятый и самостоятельный. Между прочим, в оставленных ими заметках, сделанных без оглядки на славянские образцы, до нас дошли как будто магнитофонные записи из тех далеких времен. Подслушаем один забавный разговор: «Завтракал ли ты? – Я поздно ужинал вчерась, сверх того я редко ем прежде обеда. – Изволиш с нами хлеба кушит? – Челом бью, дело мне. – Тотчас обед готов будет, девка, стели скатерт... Пожалуй куши, не побрезгуй нашим кушением. – Я дождаюсь твою семью, жену. – Она еще в поварне. – Право, я не стану есть, покамест она не пришла. – Парень, малец, поди в поварню и позови Ивановну».

Впрочем, мы отвлеклись. Куда же можно было пойти после начальной школы? Самые опытные знатоки иностранных языков сидели в Посольском приказе. У них была своя улица (вспомните Толмачевский переулок в Москве) и даже нечто вроде тарифной сетки. Уже в XVI веке неразбериха, обозначавшаяся словами «толмач», «писец», «прелагъчий», «тълкаръ», сменилась четким противопоставлением: устный переводчик (толмач) и

письменный переводчик (так и назывался – переводчик). Различие весьма существенно. Толмач получал жалованье вдвое меньшее, чем переводчик, но и это было по тем временам очень неплохо. По разысканиям современного языковеда В.К. Журавлева, годовой оклад обычного толмача составлял 5–8 рублей деньгами, 5–8 четвертей ржи, 4 четверти овса да 1+3/4 пуда соли, в то время как «дети боярские», представители высшего дворянства, получали 5–13 рублей, 5–12 четвертей ржи, 5–6 четвертей овса и 3+1/2 пуда соли. Цифры говорят сами за себя!

Не случайно сюда стремились иностранные полиглоты. Один из них, представившийся как Ивашка Адамов, сын Фандензен (очевидно, швед), с гордостью писал в «анкете» приказа: «А я, иноземец, умею латинскому, итальянскому, французскому, цесарскому, таланскому, дацкому и свейскому языкам, и грамотам достаточно умею». Слетались, как мухи на мед, и всякие авантюристы. Для того чтобы быстро разоблачать самозваных «полиглов», был даже создан своеобразный тест. В книге «О пришельцах-философах» содержался иноязычный текст, который и предлагалось перевести на русский очередному претенденту. Проверяющий же сверял итог его работы с приложенным к книге образцовым переводом.

Таким образом, в Посольский приказ отбирались знатоки своего дела. Однако их было слишком мало – едва набиралось два десятка, владеющих и европейскими, и восточными языками. Кроме того, их деятельность ограничивалась очень узкими рамками: устно – обеспечивать переговоры всякого рода, письменно – «строить книги и вносить их в Верх», то есть для чтения царю и боярам. А отношение этого «Верха» к языкам было совершенно однозначным.

Хорошую иллюстрацию тому дает прием у Алексея Михайловича одного из видных православных деятелей Ближнего Востока – патриарха Макария. Когда тот попытался щегольнуть знанием турецкого, «тишайший царь» даже испугался, всплеснул руками и вскричал: «Боже сохрани, чтобы такой святой муж осквернил свои уста и язык этой нечистой речью».

Подобное неприятие чужих языков, присущее средневековью, когда казалось, что смена языка автоматически меняет и веру, было на Руси делом принципа для монарха. Так, Иван Грозный в аналогичной ситуации предпочел сорвать переговоры со шведами, чем перейти на немецкий (заморские гости почему-то отказались говорить на латыни, на что наши были готовы). Впрочем, и этот компромиссный в сношениях с Западной Европой латинский вариант был для москвичей весьма неприятным. И дело отнюдь не в трудности языка – знали у нас латынь, и еще как знали. Дело было в том, что славянский язык «диаволу не ндравится», а вот латынь, по словам видного идеолога XVI века И. Вишенского, «диавол» любит «всей душой». Очень ярко отразилась эта позиция в «Привилегии», уставе первого на Руси высшего учебного заведения – Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1687 году в Москве.

Появление такого документа, с одной стороны, свидетельствует о действительно назревших для того времени переменах. Объявлен набор учащихся всех сословий и возрастов, для них предусмотрен широкий учебный план по языкам, обещано приложение полученных знаний на государственной службе. С другой стороны, внимательно вчитываясь в строки этого устава, чувствуешь, как приверженцы старины пытались сдерживать новое дело. Судите сами: «В своих домах греческому, польскому и латинскому и прочим странным языкам без ведомости и позволения училищ блюстителя и учителей домовых учителей не держати и детей своих не учить, точию в сем едином общем училище да учатся... Аще же кто... имать польские, и латинские, и немецкие, и лютерские, и калвинские, и иные еретические книги в доме своем имети, и их читати, и из книг состязание имети... таковых предаяти казни, смотря по их вине, нещадно». Как говорится, начали за здравие, а кончили за упокой...

Да, чтобы стать в тех условиях полиглотом, нужно было иметь большое мужество. А мужественных людей на Руси всегда было достаточно. Они не только учились сами, но и

составляли словари с грамматиками, стремились сделать языки общедоступными. Они, воспитанные на идеях Симеона Полоцкого, собственно и добились открытия Славяно-греко-латинской академии. Но наш особый интерес привлечет один любознательный отрок, к воспитанию которого приложил руку в конце 70-х годов XVII века Симеон Полоцкий. Их отношения начались в самой патриархальной обстановке, и поистине все должно было встать вверх дном, чтобы всего через 30 лет этот воспитанник написал сыну: «Зоон, объявляем вам, что по прибытии к вам господина Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит. Между тем приказываем вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше к учению, а именно языкам, которые уже учишь, немецкий и французский, геометрии и фортификации, также отчасти и политических дел». И, как жалоба старой России, звучит запоздалый ответ в предсмертном письме Алексея Петровича: «Я обучался тем делам, которые пристойны к царскому сыну, также велел мне учиться немецкому языку и другим наукам, что было мне зело противно, и чинил то с великою ленью, только чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имел».

Да, хорошо усвоил свои уроки Петр Великий. Под гром пушек страна вступила в новую эпоху, а с ней – много способствовавшие этому **российские** полиглоты. Вчитываясь в документы той поры, почти физически чувствуешь раскачивание колеса, набирающего ход. Вот одна из книг, печатавшихся по заказу Петра I в Голландии: левая страница каждого разворота – по-голландски, правая – по-русски. И дело тут не только в наглядном обучении иностранному языку. Здесь утверждение того, что русский язык способен точно передать любой смысл.

А в те годы это приходилось доказывать очень многим. Истории известен даже случай, когда переводчик Волков, не сумев подыскать по-русски точных соответствий терминам французского пособия по садоводству, покончил с собой. Ведь в петровские времена садово-парковое искусство было практически отраслью идеологии, и, скажем, Летний сад «читался» посетителями так же, как мы сегодня воспринимаем красочные плакаты, вывешиваемые на фасадах домов в праздничные дни. Поэтому не найти подходящего перевода – значило не попасть в ногу с веком. Именно в этом плане должен расцениваться знаменитый указ Петра I от 1724 года о том, чтобы люди, освоившие какую-либо науку или ремесло, в обязательном порядке учились языкам. Но и чтобы не было переводчика, знающего только язык! Такая позиция не устарела и до нашего времени, особенно во второй ее части...

А колесо раскачивается дальше. Тем же пафосом помолодевшей культуры, сознающей свое достоинство, пронизаны важнейшие руководства по воспитанию той эпохи: для молодежи – знаменитое «Юности честное зерцало», для взрослых – прославленный «Письмовник» Н. Курганова. Оба пособия написаны на живом русском языке. Охват вопросов самый широкий: от правил поведения и написания любовных писем вплоть до основ науки о государстве, – или, как выражались тогда, «учебное и полезно-забавное вещесловие». Обе книги уделяют внимание и языкам: для юношества указываются основы того, как не забыть выученный язык («а именно: чтением полезных книг и через обхождение с другими, а иногда что-либо в них писать и компоновать, дабы не позабыть языков»). Ну а представителям старшего поколения уже подробно рассказывается о том, какие языки самые полезные, а какие самые трудные. Дается совсем неплохая по тому времени сводка истории полиглотов – от знакомого нам Митридата до «английской королевы Елисаветы» говорившей «на 7 знатных диалектах».

Могучий импульс, данный Петровскими реформами русскому языку, реализуется силами последующих поколений. Собственно, время Петра – это, по выражению Д.С. Лихачева, «самая „нелитературная“ эпоха за все время существования русской литературы», но это не остановка, а пауза, для того чтобы набрать силы перед быстрым движением. И первый шаг, конечно, теория трех стилей М.В. Ломоносова. Мы привыкли понимать ее упрощенно: ода или праздничная речь писалась высоким стилем, насыщенным старославянскими формами, для журнала и технического учебника пригоден общепринятый русский язык, и, наконец, комедию или письмо другу можно написать просторечным

языком, даже на диалекте.

В последующие два века русская культура последовательно провела в жизнь лишь часть замысла М.В. Ломоносова. Второй шаг был сделан Г.Р. Державиным, уверенно расширившим «средний стиль» за счет двух других, а третий шаг – А.С. Пушкиным, сплавившим воедино все три стиля в прекрасный литературный язык. И все же сегодня мы, пожалуй, слишком мало читаем древнерусскую литературу, и это обедняет наш язык. Да и неповторимые диалекты уходят из речи очень быстро. Поэтому все больше читателей отдают симпатии поэту В. Хлебникову, всколыхнувшему в своих стихах древнейшие пласты языка, и писателям-«деревенщикам», целые страницы пишущим на местных говорах. Та грамматика, которую мы учили в школе, здесь осекается, зато подход Ломоносова легко объясняет хлебниковский стиль как высокий, а стиль сельских писателей – как более низкий. Насколько это было бы плодотворно, покажет время, но хорошо, что в русской культуре есть и такая точка зрения...

Впрочем, вернемся к истории. А время было как раз очень интересное. Где же тогда бился пульс многоязычной России? Народ был талантлив, но в культуре играл пока пассивную роль. Аристократия получала блестящее образование, но ни его широту, ни его приложение нельзя считать удовлетворительными, если учесть ее неограниченные возможности. Для краткости скажем только о царях, к примеру обоих Николаях.

Конечно, и тот и другой бегло говорили на 2–3 языках. Но, надо отметить, ими было трудно не овладеть – высший свет их только и употреблял. Так, помимо французского первый уверенно владел немецким, второй – английским, а также и датским. Что же касается хотя бы классических языков, бывших в почете в то время, царское отношение к ним было уже весьма прохладным («...его учили древним языкам, но Николай Павлович получил навсегда предубеждение против греческого языка», – деликатно пишет биограф).

Русский язык оба знали, хотя зачастую его употребление оставляло желать лучшего. Так, у Николая II чувствовался акцент («...его русские речи, если не были приготовлены, были подстрочными переводами английских фраз», – помечает современник), орфография также была небезупречна (написания вроде «диакон поменул нас в церкви», к сожалению, не были случайными описками).

Что же касается других языков управляемой ими державы, то их как будто бы и не существовало. Впрочем, оговоримся: Николай I выписал для старшего сына дядьку-поляка. Но неизвестно, надежда на что сыграла здесь решающую роль – то ли на то, что наследник переймет польскую речь, то ли просто щегольскую выправку, которой так славилось польское офицерство.

Все это было весьма типично для их круга.

Справедливости ради отметим, что Екатерина II перед поездкой на восток и юг России заучила десяток татарских фраз. Но здесь скорее отразились осторожность, гибкость, вообще характерные для ее отношений с языками. К примеру, царица демонстративно писала и личные письма, и пьесы, и законы на русском языке, хотя, с точки зрения любого европейского монарха, это было совершенно не нужно, а ей, как немке, просто трудно. Или она сделала первого поэта своего времени – Державина – личным кабинет-секретарем. Такого предложения не получали ни Пушкин от Николая I, ни Блок от Николая II.

Кстати, заговорив о Екатерине II, грех не вспомнить и о своего рода «полиглоте» поневоле – ее супруге Петре III. Неудача постигла его в отношениях не только с молодой женой, но и с языками. Родным для него был немецкий. Но кроме наследственных прав на Голштинское герцогство, он также имел право претендовать на российский либо шведский престол. Соответственно поначалу Петра Федоровича обучали русскому языку и православному катехизису. Когда же политическая ситуация неожиданно изменилась, его стали переучивать на шведский язык и протестантский катехизис. «В результате, – гласит не склонное к юмору юбилейное издание к 300-летию дома Романовых, – он не знал ни по-шведски, ни по-русски и ко всякой религии, выросши, был совершенно равнодушен».

А в общем, не здесь бьется пульс многоязычной державы! Зато стоит нам взять любого

интеллекта, горячо и самоотверженно работающего на благо Отечества, – и все преобразается. Мы уже много говорили о деятелях естественных и точных наук, обратимся теперь к гордости русского XIX века – литературе. Убежденными и активными полиглотами были многие ее столпы. В 25 шкафах и большом ларе библиотеки Л.Н. Толстого в Ясной Поляне хранится около 22 тысяч книг и журналов на 35 языках мира, как минимум 10 из них он знал свободно. И.С. Тургенев продиктовал последний рассказ своему близкому другу П. Виардо на французском, немецком и итальянском – слабеющим голосом, но без единой ошибки. А «дедушка Крылов» – это вообще чудо! В 68 лет он почувствовал, что для творческой работы ему необходим греческий, и втайне от всех, чтобы не посмеивались над стариком, стал сличать одну и ту же книгу на русском и греческом языках, затем освоил и грамматику. В общем, язык он выучил, чем поразил своих друзей, видевших в нем уставшего от жизни, одинокого человека, и в последующие 7 лет пополнил сокровищницу русской литературы прекрасными переводами с языка эллинов.

Любили и знали языки и наши композиторы прошлого века. П.И. Чайковский уверенно владел английским и французским, немецким и итальянским. С последним связано любопытное письмо от 1861 года: «Все-таки дома не сидится. Сейчас отправляюсь к Пиччиоли, у которых хочу поговорить по-итальянски и послушать пения». Как видите, великий композитор поставил здесь музыку на второе место... Не уступил бы Чайковскому ни в одном из названных языков М.И. Глинка, но он, говорят, владел еще и персидским. Да, вот чьими трудами усовершенствовался русский язык, обогатилась отечественная культура!

И в самом деле, каких-то два столетия назад заезжий иностранец потихоньку записывал слова и обороты – и это уже было хорошо. А теперь лучшие умы Европы берутся за переводы с русского. В науке, скажем, Гаусс, в литературе – блистательный Мериме, открывший французам «Пиковую даму», «Ревизора», «Мцыри». Как уважительно он писал: «Русский язык, насколько могу судить, самый богатый из всех европейских языков; он как будто создан для выражения тончайших оттенков».

Высокие достоинства русского языка вместе с обширным миром, который он открывает, привлекли к нему внимание лучших полиглотов. Это прежде всего титан прошлого века, «гигант частей речи» как о нем сказал Байрон, Дж. Меццофанти. В списке более чем из 100 языков, известных ему, почетное место занимал русский. За правильность его устной речи могли поручиться друзья полиглота Н.В. Гоголь и А.В. Суворов, а за письменную – его изящные стихи, помещенные на страницах «Московского наблюдателя» в 1835 году:

Любя Российских Муз, я голос их внимаю
И некие слова их часто повторяю.
Как дальний отзыв, я не ясно говорю:
Кто ж может мне сказать, что я стихи творю?

Через 4 года Российская Академия избрала Дж. Меццофанти своим почетным членом за «редкую способность изучать все языки, как древние, так и новейшие, и в особенности известного основательным знанием языка Русского» (цитируем по В.Г. Костомарову).

С развитием общественных отношений в стране возникло рабочее движение. У его истоков стояли люди, для которых владение языками было делом принципа. В.И. Ленин знал 9 языков. «Когда очень волновался – брал словарь (например, Макарова) и мог часами его читать», – вспоминала Надежда Константиновна Крупская. (Речь идет о подробном русско-французском словаре.) А.В. Луначарский начал речь на праздновании 200-летия отечественной Академии наук по-русски, продолжил по-немецки, затем по-французски, английски, итальянски, а закончил под единодушные аплодисменты по-латыни.

Словом, у полиглотов наших дней есть хорошие традиции, которые грех было бы забывать. Впрочем, до сих пор мы говорили только о прошлом. А можно ли хоть мельком заглянуть в будущее? По-видимому, да. И все, что мы узнали, подводит нас к тому, что это

будет мир многоязычный. Наверное, должное место в нем займет каждый из ныне здравствующих языков, существенно расширится роль различных языков-посредников, в том числе и специально придуманных, к новой жизни возродятся и временно утраченные языки. А раз так, то непременно встанет вопрос о том, как упорядочивать их взаимоотношения. И тут, без сомнения, большую роль сыграет опыт, накопленный русским языком по мере обеспечения межнационального общения. Ведь если русский язык знают свободно примерно 4/5 населения Советского Союза, то практически каждый четвертый из них владеет им как вторым родным.

Среди читателей этой книги наверняка будут люди, читающие ее с певучим узбекским акцентом и протяжным литовским, чеканным грузинским выговором и плавным якутским. Автор хочет выразить им искреннее уважение за ту работу, которую они проделали, чтобы овладеть русским, и не сомневается, что важнейшим условием здесь является то, что это изучение не было обязательным и тем более принудительным.

Обеспечивает русский язык и международное общение. Сегодня более 1/2 миллиарда людей на Земле в той или иной мере владеет им, и это число постоянно растет. Впрочем, тут есть еще большие резервы.

Поговорим, например, об улучшении взаимопонимания между народами СССР и США. Сравним только две цифры: по данным Колумбийского университета, в США русский язык изучают несколько десятков тысяч человек, а в СССР английский учат 4 миллиона! Такое соотношение, конечно же, не соответствует потребностям современной эпохи. В самом деле, сейчас гораздо больше американцев, знающих латынь (около 4 процентов), чем американцев, владеющих русским. При всем почтении к классическим языкам, это все-таки перекосяк. И лучшим доказательством того, что при надлежащей постановке дела положение можно будет исправить, служат новые формы международного сотрудничества.

Так, например, в 1987 году был организован прямой показ ежедневных программ советского телевидения в США. Новинка вызвала живой интерес телекомпаний Соединенных Штатов – ведь всего за 66 часов пробного показа она привлекла внимание не менее 35 миллионов зрителей. Так что есть основание полагать, что на этом поиск новых путей сотрудничества не окончится.

Примеров того, что русский язык широко используется в интересах дела мира, накопилось уже на объемистую книгу. Так, совсем недавно пресса сообщила о новом русско-финском языке-посреднике. Его изобрели финские и советские специалисты, обслуживающие 330-киловольтную трассу, по которой электроток Единой энергосистемы СССР перекачивается в энергетическое кольцо Финляндии. Типичных ситуаций, возникающих на этой трассе, не так много – скажем, оледенение проводов или перегрузка сети. На их передачу достаточно 200 фраз. Они-то и составили разговорник полумискусственного, но очень полезного языка.

Подобные формы сотрудничества всегда ведут к лучшему пониманию друг друга, а очень часто – и к углубленному изучению русского языка. В этом отношении для нас ценен опыт венгерского полиглота, знатока 20 языков К. Ломб. В годы войны она тайно, с риском для жизни выучила русский и потом много способствовала его распространению. По общему мнению полиглотов, высказанному в ее переведенной у нас книге «Как я изучаю языки», у русского языка есть преимущества, сразу располагающие к себе новичка. Это достаточно медленный, разборчивый темп речи; отсутствие резких диалектных различий, которые так осложняют изучение итальянского или немецкого; четкая система склонений и спряжений, легко ложащаяся на память. Впрочем, и без трудностей дело не обходится. Их можно проиллюстрировать таким примером: отчего олень – мужского рода, а зелень – женского? Или почему в словах «золото», «болото», «долото» ударение стоит соответственно на первом, втором и третьем слогах? Для того чтобы помочь каждому из 23 миллионов человек на земном шаре, кто изучает русский язык, справиться с этими и другими задачами, и была основана Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы – МАПРЯЛ. В 1987 году она отметила свое 20-летие.

По мнению авторитетных русистов из 69 стран, приехавших на юбилейный конгресс, главная задача сейчас состоит в том, чтобы сделать русский языком дружбы и мира между народами. Именно так был сформулирован и девиз конгресса. И может быть, особенно важно то, что в современном русской языке слово «мир» означает и согласие, и всю землю. Традиции такого рода существуют в каждой культуре и будущее полиглотов связано с собиранием их воедино. Многоязычие будущего – это многоязычие мира в обоих значениях последнего слова.

Глава третья

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ ПОЛИГЛОТУ

Что рекомендуют ученые?

В 1697 году была сделана одна из самых нелепых и самых прекрасных ошибок перевода. Шарль Перро, познакомивший человечество с Котом в сапогах и Мальчиком с Пальчик, записывал ставшую впоследствии такой же популярной сказку о Золушке. Когда речь дошла до башмачка, потерянного на балу, а точнее, до материала, из которого он был сделан, перо великого сказочника вывело не старинное, правильное и единственно уместное в этой ситуации слово «вэр» (мех), а случайно совпавшее с ним в разговорной речи французов новое и абсурдное в данном случае «вэр» (стекло). Хрустальный башмачок так вошел сегодня в сознание маленьких читателей, что об исправлении этой неточности и думать нечего.

Однако не все ошибки несут на себе груз таланта и имеют такой успех. Обычно изучающие язык спешат отделаться от них – и чем скорее, тем лучше. Ну а специалисты по языкам придумали для этого массу полезных приемов и методов, самое общее представление о которых нужно иметь каждому начинающему полиглоту. Итак, что же советует нам наука?

Первым мы назовем *традиционный* метод. Следуя ему, выучивается список слов, зазубриваются правила грамматики и переводится текст «от сих до сих». Сатире на этот метод посвящены блестящие страницы Чехова и Марка Твена, что, впрочем, нисколько не умаляет его преимуществ: вероятно, многие помнят бабушку или дедушку, с гимназических времен заучившего навечно вбитые в него языки. Но от тех же времен идут и такие колоссально сократившие расходы сил полиглотов изобретения, как... обычный словарь! Для того чтобы оценить всю мощь этого привычного сегодня помощника, достаточно

перечесать записки Н.Н. Миклухо-Маклая. Прибыв к туземцам Новой Гвинеи, он, естественно, не имел никаких словарей их языка и поэтому так и не смог угадать перевод таких простых слов, как «слышать» или «сниться», хотя разговаривал с ними вполне свободно.

Страдания многих поколений учащихся, демонстрирующих искривленные спины и испорченные глаза, были в конце концов замечены наукой, дополнившей их и более весомыми аргументами. Не будем на них останавливаться – все равно самое успешное обучение языку происходит при живом и непринужденном общении с его носителями, а наш динамичный век все реже дает возможность спокойного перевода за столом, в компании толстенного словаря. И вот к 50-м годам XX века произошел решительный переворот – непосильные домашние задания и зубрежка правил вышли из моды, классы заполнила живая речь учеников с терпеливым и прощающим ошибки учителем. Новый подход получил название *непосредственного* (прямого) или *аудиовербального*.

То-то удивились бы такому мудреному названию сыновья Тараса Бульбы Остап и Андрий, которые по доброму обычаю тогдашних учебных заведений наверняка осваивали языки методом школьных разговоров. Суть его состояла в том, что не только в бурсе, но и дома запрещалось употреблять другой язык, кроме изучаемого. Не правда ли, это звучит довольно современно? Однако если в старину оптимизация обучения достигалась в основном с помощью неудобного футляра с учебными текстами, который должен был днем и ночью носить на себе нерадивый школяр, то в наши дни этой цели служат все силы языкознания. К примеру, создано даже такое мощное средство, как частотный словарь, указывающий на частоту употребления каждого слова в газете, бытовой речи, докладе на производственную тему и во многих других областях. На основе этих словарей для всех важнейших языков уже составлены списки из 1500 слов (быт), 2500 слов (газета), 4000 слов (работа). Преподавателю остается лишь умело направлять ученика в их русло. А уж зная эти слова, точно нигде не потеряешься.

К 60-м годам языковедам стало ясно, что помимо очевидных преимуществ такой подход несет и трудности примерно того же порядка, что и у Миклухо-Маклая с папуасами. Для того чтобы чему-то научиться в совершенно расслабленной, неформальной атмосфере, нужно было или учиться очень долго, или же ограничить общение каким-то жестким набором ситуаций. Скажем, вот вам конкретная тема – «В магазине» или «В Эрмитаже», минимальный набор слов по ней, грамматика, без знания которой их не расставить в должном порядке. Этот метод получил название *аудиовизуального*. Он творчески соединяет элементы свободы и необходимости.

Усадим ученика перед экраном телевизора и покажем ему картинку магазина, на которой изображены только те предметы, которые нужно знать. А именно: зал, прилавок, продавец, хлеб и тому подобное. Рядом с ними можно надписать и их названия на изучаемом языке. Или предложим учащемуся текст, где новые и самые важные слова заменены пробелами. Эти слова надо предварительно выучить, а потом проверить себя, вписав их в текст.

Как вы понимаете, судьба данного метода прямо зависит от того, сколько вспомогательных средств кроме собственного энтузиазма может привлечь учитель. Однако следует отметить, что аудиовизуальному методу все-таки крупно повезло: по времени его появление совпало с лавинообразным внедрением в быт проигрывателей, магнитофонов, телевизоров – и он быстро пошел в гору. А когда возможности перечисленной выше техники, казалось бы, были исчерпаны, метод связал свою будущность с персональными мини-компьютерами.

Этот скромный брак был отпразднован в одной из лабораторий ЭВМ в 1979 году и довольно скоро принес потомство. Уже через год на французских прилавках появился карманный электронный словарик. Достаточно было вложить в него кассету объемом 7 тысяч слов на нужном вам языке – и по нажатию клавиши любое из них с переводом подмигивало вам с экранчика! К 1985 году американцы освоили выпуск уже разговорников

объемом 1500 обиходных выражений. Короткий контакт с клавиатурой – и машина выдаст вам нужную фразу по-русски, затем по-английски, по-немецки... Первая кассета обслуживает 6 языков, а скоро последуют и другие.

На уровне, как говорится, мировых стандартов держатся и советские ученые. Так, в Латвийском университете создан портативный персональный компьютер, который делает то же, что и его зарубежные собратья, плюс еще и по-латышски, по-армянски, по-азербайджански... А чтобы превратить его в терпеливого репетитора, достаточно соединить его дома с телевизором и магнитофоном, а потом только успевай поворачиваться – компьютер выдаст информацию, проверит, даже стихи прочтет... Правда, у нас пока такой приборчик не дошел до прилавков магазинов, но здесь уже дело за массовым производством и торговой сетью, а ученые все разработали на совесть.

Двоюродные сестры этих толковых помощников полиглота – пишущие машинки с приставками, преобразующими услышанную речь в письменную. Если японские образцы конца 70-х годов уверенно чувствовали себя лишь в языках с особо четким произношением и простой орфографией – итальянском, финском, – то через несколько лет болгарская машинка «Стенски» освоила русский, чешский, польский и другие славянские языки. А при помощи дополнительной кассеты она с удовольствием научит желающих разбирать и переводить устную речь.

Встрече разросшейся семьи была посвящена международная выставка видеоэлектронных средств изучения языков ЭКСПОЛИНГВА-86. Любой ее посетитель за час-другой с гарантией овладевал основами интересующего его языка, вплоть до арабского или китайского. Сомнений в перспективности этого направления, конечно, ни у кого не возникало. Однако в усиленной работе с электронным полиглотом обнаружилась и своя слабость. Ну, скажем, привыкший к спокойному диалогу с машиной в полумраке аудитории человек от неожиданности терял все знания на какой-нибудь суматошной площади или в сутолоке автобуса, где нужно было не блистать выговором, а просто с грехом пополам объясниться. Трудности такого рода учащиеся обсуждали в курилках и на лестничных площадках, торопливо делились опытом, рассказывали смешные случаи... Прислушавшись к этому, ученые поняли, что чуть было не упустили из виду такой мощный фактор, как сила коллектива. А ее всего-навсего следовало лишь направить по руслу общей, раскованной работы-игры. Только, естественно, не детской, а деловой игры. Так появились игровые методы.

И вот каждый вечер после напряженного трудового дня далекие до этого от языков люди начали собираться в уютной аудитории. Забыв о снеге за окном, они превращались на несколько часов в... Химену, Пабло, Родриго. На столиках – кубинские газеты и журналы, на стенах – плакаты и виды Кубы. Трудностей вообще нет – нужно как угодно войти в общий разговор на испанском языке. Беседы перемежаются слушанием кубинской музыки, песнями и танцами далекого острова. Так или примерно так были организованы занятия по методу «погружения» в Армянском педагогическом институте с группой молодежи, ехавшей на фестиваль в Гавану. Через четыре недели ребята объяснялись по-испански не хуже, чем через годы обучения по другим методам. Тогда педагоги сами освоили еще 10 языков, привлекли к этому людей разных профессий и возрастов – вплоть до пенсионеров. Занятия проходили весело, не было боязни ошибиться, учились в полном смысле слова играючи, и результат получился, может быть, даже лучше, чем при истовой и мрачной зубрежке. И сейчас институт готовит таким вот образом армянских учителей русского языка для системы профтехобразования.

Мы привели только один пример, а вообще курсов ускоренного обучения иностранным языкам создается все больше и больше. Результативность их во многом зависит от того, как оснащены классы. И игровые методы заключили союз со своими собратьями – аудиовизуальными методами: сегодня телевизоры и магнитофоны прочно обосновались в аудиториях группового обучения.

И вот однажды, когда казалось, что все здесь уже известно, произошло неожиданное.

Преподаватель на одном из уроков поставил запись спокойной музыки и одновременно запись тихого голоса, читающего слова, которые следовало запомнить, а сам куда-то отлучился. За время его отсутствия было зачитано около 2 тысяч слов. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что ничего не подозревавшие ученики запомнили почти все слова! Такие требования раньше даже к сверхполиглотам не предъявлялись. И дело здесь, очевидно, не только в коллективе и магнитофоне, тут явно был замешан еще некий «мистер Икс».

За загадочного незнакомца взялись по-настоящему. В Московском институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии стали усаживать человека в наушниках перед экраном и одновременно показывать и зачитывать ему список иностранных слов с переводом – так, что на каждую пару приходилось по 1/10 секунды. За это время не то что прочесть, но даже узнать полужнакомое слово невозможно. И так по многу часов. А результаты получились отличные. За час подобной работы или, вернее, гонки вне зависимости от изучаемого языка усваивалось не менее 6 из каждого десятка данных слов и оборотов. Всего же за 10 дней обычный человек запоминал до 6 тысяч слов! Может быть, полученные таким необычным способом знания и быстро выветривались из головы? И да, и нет. Когда эти же самые группы проверяли через полтора года, оказалось, что не менее половины слов оставались в памяти. А это около 3 тысяч слов – более чем достаточно для любых целей.

Таким образом, компьютеризация, коллективно-игровые методы и «мистер Икс» заключили союз, с тем чтобы сделать обучение быстрым, легким, общедоступным. Добрую славу заслужил всячески поощрявший этот союз Институт суггестологии Болгарской академии наук. По словам директора института Г. Лозанова, суггестология – это «наука, которая различными способами, чаще всего с помощью искусства, высвобождает и стимулирует скрытые возможности мозговой деятельности человека».

Скоро и здесь стало казаться, что все проблемы уже решены. Более того, появились такие подходы в обучении (вроде разработанной группой московских ученых суггестокибернетики), когда за 20 дней люди осваивают... 3 иностранных языка, машинопись и приемы скорочтения. Подобные сообщения часто мелькают в печати, а между тем это далеко не бесспорный путь. Сразу оговоримся, что до сих пор такие курсы никому вреда не принесли. И все же методу пока всего 20 лет, досконально он не проверен, поэтому не стоит особенно нажимать на нервную систему человека. Не случайно в стандартном варианте одного из самых солидных учреждений такого рода – болгарского института, о котором мы говорили, – длительность курса не менее 24 дней, а список слов и выражений не длиннее 2 тысяч. Кроме того, и занятия ведутся не сутки напролет, а только после работы и, между прочим, под чутким врачебным контролем. Неудивительно, что после окончания учебы 90 процентов выпускников не чувствуют особой усталости, напротив – они только входят во вкус. Вот такой подход, распространившийся в Советском Союзе благодаря трудам П.Я. Гальперина и многих других, можно только приветствовать. Заметим, однако, что полного объяснения того, как же это «мистер Икс» щелкает орешки, которые пытались расколоть поколения педагогов, пока еще нет.

Многие пытались сорвать маску с загадочного незнакомца. Сначала думали: коли подсознание перерабатывает информации в 10 миллионов раз больше, чем сознание, то вот эти-то миллионы на незнакомца и работают. Но ведь они работают всегда – скажем, каждый из нас бессознательно запоминает лица всех людей, встретившихся ему в течение дня, однако вызвать эти лица из памяти вряд ли возможно. А слова, которые даются в Институте суггестологии, не только входят в память – 2/3 из них можно извлечь оттуда и употребить когда угодно. Почему в данном случае мозг делает такое исключение?

Довольно скоро и на этот вопрос был найден ответ. Сравнивая самые разные методы ускоренного обучения, ученые обнаружили, что за яркими внешними различиями, за всеми этими видео и стерео у них есть один незаметный общий знаменатель. Все задания особенно хорошо выполнялись, если у учащегося вызывалось настроение, которое лучше всего описывает замечательное, хотя и устаревшее, русское слово «грезы». Под ним понимается и

естественное отключение от житейских неудобств, и приподнятое, немного мечтательное, даже сонливое сосредоточение на одном предмете, и умение слиться с ним воедино в какой-то скорее игре, чем работе... Да, положительно дело в особом настроении.

Пытаясь воссоздать его, исследователи разработали целую ветвь обучения языкам в состоянии сна разного рода. Это и легкий сон, вызванный ритмичными и монотонными звуками, – вспомните тот же шум дождя или стук колес поезда (ритмопедия), – и гипноз, и обычный ночной сон (гипнопедия) – здесь на память приходит знакомый по кинокомедиям образ Шурика, заводящего на ночь магнитофон... Так эффективны ли они? И да, и нет. Нет – потому, что, развалясь на перине и похрапывая, при всем прогрессе техники выучить ничего нельзя. Да – потому, что между бодрствованием и сном есть состояние легкой сонливости, в котором действительно снимаются какие-то внутренние барьеры и доступ к скрытым ресурсам человеческого организма несказанно облегчается.

Выходит, школяры прошлого, доводившие себя до похожего состояния монотонной зубрежкой, кое-что нащупали. Впрочем, разве не случалось и вам, дорогой читатель, за вечер и ночь перед экзаменом, несмотря на сильное утомление и сонливость, выучить больше, чем за предыдущие дни? Наверное, случалось, только теперь, «по науке», не нужно тереть покрасневшие глаза, беспрерывно варить крепкий кофе, а к концу доходить до полного отвращения к предмету. И если еще кто-то по старинке этим увлекается, советуем не портить здоровье, а лучше освоить метод релаксопедии, что в переводе значит «обучение с расслаблением». Все виды нагрузок в нем строго дозированы – ведь не так просто у нас внутри поставлены шлюзы, оберегающие сознание от излишней информации. Кстати, именно поэтому мы и не спешили с рекомендациями читателю – сначала нужно постичь суть дела. Так вот, в данной области уже есть выверенные, достаточно умеренные методики, следуя которым в день запоминается не более 50 слов, а обучение с расслаблением чередуется с обычной учебой в пропорции 1 к 5. Это значит, что если урок длится 3 часа, то оптимально будет 50 минут поработать со словарем над книгой, затем под тихую музыку расслабиться на 10 минут и ускоренно повторить список усвоенных слов – и так трижды.

Кстати, вы заметили, как часто при упоминании метода релаксопедии повторяется сочетание «список слов»? Это не случайно – тут кроется новая загадка. Дело вот в чем: у большинства групп данный метод никогда не вызывал прилива творческих способностей, он только улучшал механическое запоминание. Ну что же, и это совсем неплохо. Однако в некоторых группах он способствовал именно росту творческого воображения! Вот вам и еще одна проблема. Но то, что она возникла, не так уж удивительно. Ведь все люди разные. А кроме того, почему бы за внешней простотой того, что называется рабочим настроением, вторым дыханием, не крыться сложным вещам? В свое время физики тоже думали, что атом – наименьшая частица элемента и атомное ядро уже неделимо, но именно на этом пути и ожидали их новые открытия. Так и с языками.

Пути к разгадке были найдены. Выяснилось, что легкое расслабление – целая группа состояний, в одних из которых лучше работает память, а в других – воображение. И в некоторых из них человек действительно на удивление восприимчив к языку. Важно только научить его тому, как нащупать в себе эти струны и научиться на них играть.

Большую помощь здесь могут оказать и музыка в определенном ритме и тональности, и какие-то сочетания цветов, и умело построенная речь преподавателя. Кстати, с речью связаны, пожалуй, самые интересные наблюдения. Когда ученые рассчитали наиболее благоприятные темпы, в которых нужно проговаривать учебные тексты, определили их внутреннее построение, ключевые слова и тому подобное, то выяснилось, что все это близко к... детским стишкам, считалочкам, песенкам – особенно колыбельным. А почему бы и нет? Ведь каждый из нас именно с этого начинал осваивать родной язык. Правда, тогда нужно признать, что простенькая колыбельная, которую напевает подслеповатая бабушка, – это очень сложная вещь, где интуитивно были нащупаны поколениями весьма эффективные приемы. И следует согласиться с учеными, утверждающими, что алгебра – это детская игра по сравнению с детской игрой! Так ли это – покажет будущее. А пока что данный подход

успешно используется в ускоренном обучении иностранным языкам.

Сформировалась заслужившая добрую славу отрасль науки – лингвистика измененных состояний сознания. Так называется и пособие по ней, написанное автором и опубликованное в 1986 году Ленинградским отделением издательства «Наука». С ним могут ознакомиться читатели, которых заинтересовал этот разговор. Мы же на этом пока остановимся, иначе нам пришлось бы рассказывать не об освоенных областях, а об отдельных вылазках в бескрайнее поле незнаемого.

Впрочем, иногда эти вылазки обнаруживают старые добрые методы, за ветхостью давно, казалось бы, сданные в архив. К примеру, поколение 60–70-х годов воспринимает красочные учебники, карманные словари, продуманные телеуроки иностранных языков как нечто само собой разумеющееся. Все разжевывается и подается прямо в рот, но из-за этого слабеют воля, умение самостоятельно преодолевать трудности. И в итоге знание языков... ухудшается. Для того чтобы противодействовать этому, разработан новейший метод. Вот он: поставьте на стол стаканчик чаю, положите томик хорошего старого писателя – непременно с картинками, отключите телефон. Ну, можно еще взять словарь – и читайте как бог на душу положит. Догадывайтесь, потейте, ошибайтесь... В начале 80-х годов Оксфордский университет выпустил в свет целую книгу видного лингвиста М. Келлермана под заглавием «Забытый третий навык: чтение на иностранном языке». Это, конечно, дань моде, а мода, как известно, проходит. Но вот почтение к старым, испытанным методам остается. По-видимому, всегда будут находиться люди, которые вечером будут выкраивать полчаса перед сном, чтобы спокойно сесть в кухне и попытаться самим разобраться в оригинале Диккенса, Гюго или Пушкина...

Главное в том, чтобы каждый нашел метод, полностью соответствующий его наклонностям. И тогда любой язык станет податливым и захватывающим, а все ошибки сведутся к той старой прекрасной ошибке, которая обула Золушку в стеклянные башмачки, – ведь исправлять ее решатся только педанты и сухари.

Секреты бывалых энтузиастов

Вот мы и развернули весь веер методов изучения иностранных языков, которые советует наука. Каждый из них – это путь, разведанный лингвистами, путь, по которому потом успешно прошли тысячи людей. Какие же выводы можно сделать из их опыта?

Первый вывод – оптимистический. Ни одному педагогу пока не встречался человек, от природы полностью не способный к языкам. Второй – пессимистический. В разных учебниках, телепередачах, учебных заведениях эти методы применяются несогласованно. Поэтому, переходя из школы в училище, техникум, институт, от одного пособия к другому, мы как бы сбиваемся с шага. Попасть в ногу с новым строем очень непросто, потому мы так подробно и говорили о различных методах изучения языков.

А третий вывод – неожиданный. У вас, конечно, возник вопрос: какой же метод самый эффективный? Хотите – верьте, хотите – нет, но каждый из них приводил и к выдающимся достижениям, и к полным провалам. Потому что все методы ведут к одной цели, однако разными путями. И будете вы быстро карабкаться по отвесной горе или медленно идти с другой, пологой стороны или же спрыгнете сразу на вершину с парашютом – зависит только от ваших наклонностей.

Единственный вывод, которого делать не нужно, будто многое зависит от каких-то особых учебников или недоступных курсов. Немного, конечно, зависит. Однако главное – самостоятельный труд. Как это часто бывает в жизни, побеждает отнюдь не самый способный от рождения и тем более не самый везучий, но самый упорный. Главное всегда происходит тогда, когда после безуспешных попыток мы делаем отчаянное усилие – и вдруг находим к себе ключик. В нашем почтении к науке или за благодарностью к любимому учителю мы часто забываем об этом. Но то, что у нас попадает в тень, ярко высвечивается на примере полиглотов, собственно и посвятивших жизнь поиску такого ключика. Итак,

главное: все знаменитые полиглоты были самоучками. Оговоримся сразу, что, подчеркивая это, мы вовсе не хотим попасть в оппозицию к науке или труду учителя. Все, что они делают, заслуживает подлинного уважения. И тем не менее главная драма всегда разыгрывается во время самостоятельной работы. Ну вот, дверь в лабораторию полиглотов приоткрылась. Войдем в нее и узнаем их секреты.

Не будем искусственно нагнетать напряжение и первый секрет полиглотов откроем тут же, на пороге. Он состоит в том, что полиглотов... нет! Ну вот, скажете вы, приехали. А как же быть с тем, о чем мы читали с самого начала книги? 200 языков там, с полной свободой и блеском... Неужели это неправда? И да, и нет. Дело в том, что, по-видимому, ни один человек не может *свободно* знать больше чем 7 языков (точнее, от 5 до 9, но в среднем 7). Этот «закон семерки», как окрестили его специалисты, действует во многих областях человеческой деятельности.

Скажем, если нескольким людям показать ряд предметов и спросить, сколько они запомнили, то кто-то назовет 5, кто-то, видимо с цепкой памятью, – 9, однако в среднем все равно будет 7. Примеры легко умножить, но достаточно сослаться на народную мудрость: «Семь раз отмерь – один раз отрежь», «Семь бед – один ответ», даже «У семи нянек дитя без глазу» и так далее. В чем тут дело – до конца неясно, хотя объяснений предложено более чем достаточно. Не будем вдаваться в подробности, скажем только, что речь идет о глубинном, очень сложном механизме человеческого мышления, общем для разных языков и культур.

Итак, свободно можно знать около 7 языков. Другое дело, что еще на десяти можно говорить с акцентом, еще на пятнадцати – читать газету, на двадцати – объясняться и далее в том же духе. Вот почему каждый раз, когда вы слышите о полиглоте, освоившем более 10 языков, знайте: до 7 можно смело верить, но сверх того – с большой поправкой. И самые крупные полиглоты ничуть не стыдятся это признавать. Так, сам Н.Я. Марр говаривал, что владеет всего 3 языками, а остальными пользуется по работе. Кстати, вам знакомо это имя? Советую его запомнить. Даже у бывалых полиглотов загораются глаза, когда речь заходит о нем.

Родившись в прошлом веке на Кавказе, Николай Яковлевич стал замечательным краеведом, подлинным знатоком жизни грузинского народа. По крупицам восстановил он древнейшую историю большинства горных народов, населяющих этот край, а уже в советское время, академиком, раскопал сказочно богатую древнеармянскую столицу Ани. Но всю жизнь ученого озаряла ровная, не знающая передыха страсть к языкам. О языках кавказских гор речь просто не идет, о русском и многих европейских языках – тоже. Древние языки Запада и исполины Востока вроде китайского или санскрита также подразумеваются. Но добавьте к этому исключительно сложные языки басков и американских индейцев, чувашей Поволжья и тамил юга Индии. А теперь скажите положа руку на сердце, – чувствуете цену этого взвешенного «владею тремя языками»?

Вы возразите: мол, завышенные требования к себе заведомого гения? Ну, если гения, то только самостоятельного труда. Проследим довольно спокойный период его жизни. Николаю Яковлевичу исполнилось 62 года, силы уже не те. В освоении баскского языка ему помогает настоящий баск. Вот письмо Марра того времени: «С 6 до 7 занятия, в 7 час. ужин и затем с 8 час. занятия до 11 час., иногда до 12, но тут... невыносимое состояние уклона ко сну, иногда беру я верх, но иногда сдаюсь – свергаюсь в 12 час. в кресло, а затем беспомощно в постель». «А во сколько подъем?» – интересуется корреспондент Марра и получает ответ: «Вы спрашиваете про восстановление вставания по утрам в 5 час. Это да, но от этого настроение лишь лучше, и я ввиду неспешности за делом стал бы с 4 час. вставать, если бы и при вставании в 5 час. вечером не приходилось адски бороться со сном и часто быть сраженным им». Так стоит ли после этого говорить о баловнях природы? А вообще у Николая Яковлевича был принцип: если есть возможность хоть изредка поработать с учителем, готовиться нужно из расчета по 6 часов самостоятельного труда на полчаса занятий с ним.

Да, с удивительными людьми можно было повстречаться на набережных нашего города лет 70 назад. Употребив здесь множественное число, мы не ошиблись: ведь Марр отнюдь не

был одиночкой. Напротив, многие легко могли бы потягаться с ним по части языков. И на всех динамичная эпоха наложила, по-видимому, свой отпечаток, так что мы вполне можем говорить о первом поколении ленинградских полиглотов. Пожалуй, самой общей их чертой было то, что ни один из них не думал замыкаться в тиши кабинета, отгораживаться от жизни. Нет, они всегда в гуще событий, с народом. И здесь, конечно, нельзя не упомянуть о Е.Д. Поливанове. По количеству изученных языков он, наверное, не уступил бы самому Марру, а по сложности их, несомненно, в чем-то превзошел бы его. Потому что не было тогда у нас лучшего специалиста по токийскому говору японского языка, по тайному языку кокандского базара или узбекским говорам далеких кишлаков. Поскольку, для того чтобы описать жизнь Евгения Дмитриевича, потребуется толстая книга, дадим лишь несколько штрихов к его портрету и остановимся только на 1917 годе. Он устраивает баррикады на Невском (а позже идет по льду на Кронштадт). Расшифровывает тайные договоры царского правительства, некоторое время председательствует на мирных переговорах с Германией. Сотрудничает с М. Горьким в «Новой жизни»...

Перейдя по мосту от Университетской набережной к Эрмитажу, можно было зайти туда и встретиться с В.В. Струве. По новым языкам Струве уступил бы пальму первенства коллегам по увлечению. Но вот древние языки были его царством. Кто лучше его мог перевести для нас речь древнего египтянина, перса, вавилонянина, хетта или шумера? Но и Струве не отгораживался от жизни. Много сил отдал он сохранению сокровищ Эрмитажа для будущих поколений в ту непростую эпоху.

А наискосок от музея через площадь просматривается импозантное здание Капеллы, на фронте которого написаны имена композиторов прошлого. И мы в этой связи не можем не вспомнить И.И. Соллертинского, организатора музыкальной жизни довоенного Ленинграда. За массой дел он не находил времени для систематических занятий языками, так что приходилось писать дневник по-старопортугальски, лекции при согласии слушателей читать по-французски или итальянски, а во время болезни заниматься японским. Что делать, надо же как-то поддерживать свои 32 языка! Коллеги вспоминают, что в ведомости на получение зарплаты Иван Иванович по забывчивости расписывался то греческими, то санскритскими буквами.

Трудно поверить, что за кем-то из этих удивительных людей вполне можно было стоять в очереди в магазине, с кем-то из них разговориться в вестибюле библиотеки или просто поздороваться на набережной Невы промозглой поздней осенью.

Так или примерно так говорил автор этих строк своему собеседнику, крупному седому мужчине, проходя мимо каменных сфинксов таким же холодным и пасмурным ноябрьским вечером 1972 года. С ним время от времени здоровались знакомые и совсем незнакомые люди. Моим собеседником в тот вечер был Л.В. Успенский, замечательный ленинградский писатель и одновременно достойный представитель второго поколения ленинградских полиглотов. Приняв из рук первого поколения эстафету культуры нашего города, они развили ее и защитили в огне войны и блокады. И в жизни Успенского языки не играли какой-то особой роли, а просто вплетались в его повседневные занятия. Интересна переписка Льва Васильевича с Г. Уэллсом. В одном из писем русский писатель под звуки артобстрела напоминал английскому коллеге, как наша страна закрывала собой Европу от монголо-татарского нашествия, и настаивал на необходимости открытия второго фронта. Уэллс соглашался с Успенским и заглядывал в будущие времена дружбы и мира. «Этот важнейший труд по пробуждению Нового Мира, – писал он, – надо вести на всех языках Земли».

Мы обсуждали со Львом Васильевичем главу из его книги «Записки старого петербуржца», где говорилось о своеобразной культуре финского населения Петрограда. В городе было около 5 тысяч извозчиков-финнов – «веек», и на масленицу улицы наполнялись ни на что не похожими лохматыми чухонскими лошадами, расписными повозками и звуками северных песен. Селились они вместе, в основном поближе к родным деревням, севернее Финляндского вокзала, на Выборгской стороне, с седоками объяснялись на причудливой смеси русского и финского языков – «ингерманландско-русском» наречии.

Я как раз писал книгу о полиглотах и говорил, что с «веек» нужно будет начать главу о народном, стихийном многоязычии нашего города. «Ну что же, батенька, это совсем неплохая идея, – воодушевился пожилой краевед, – но почему только русско-финские контакты? Вот посмотрите». Мы остановились и стали вглядываться в огромное синее пространство, где в сумерках Нева сливалась с небом, и можно было лишь угадывать вдали Охтинский район. «Вот, например, Охта. Очень скоро лед Невы окрепнет, так что за какой-то час по нему можно будет добраться оттуда напрямик до центра города. В старину так и делали его своеобразные жители. Помните об их культуре?»

Пришлось признаться, что не помню. А зря – это очень интересная страничка истории. По городским преданиям, находящим, впрочем, подтверждение в краеведческой литературе, на Охте с петровских времен поселялись корабельные мастера – голландцы с семьями. Вот и сложилась там культура, обогатившаяся кое в чем и от гостей. Так, считалось, что молоко и масло надо покупать у охтинок. Они привозили товар по льду Невы и в момент распродавали его. На них всегда были синие чулки, красные башмаки, и говорили они очень своеобразно. Старожилы Ленинграда, может быть, еще помнят слышанный в детстве охтинский выговор.

«Впрочем, почему только голландцы? – Мой собеседник повел рукой направо. – Вот набережная Красного Флота, раньше называвшаяся Английской. И это не случайно. В Петербург в иные дни приходило до полудюжины английских кораблей. Многие пассажиры просто доставляли товар и отправлялись домой. Но многие и оставались, оставались навсегда. Среди приезжих были квалифицированные ремесленники, аптекари, хлебопеки. Шло взаимное обогащение культур. В заселяющихся кварталах появлялся и своего рода смешанный говор.

Наибольшей была немецкая община. Немцы имели собственные газеты и театры, кофейни и мастерские. Селились они и через реку напротив Обуховского завода, и у Казанского собора, и в районе Лесного. Были кварталы и поменьше – французский или шведский». – «Не отсюда ли Шведский переулок в центре Ленинграда?» – заинтересовался я. «Вполне возможно. Впрочем, не буду лишать вас удовольствия самому докопаться до этого. Важно то, что такие кварталы никогда не были изолированы от внешнего мира. В них кипела многоязыкая речь, и следы их контактов в чем-то определили облик нашего города – можно сказать, огромного полиглота». – «Красиво звучит – „огромного полиглота“. Но действительно ли так много жителей нашего города владело языками? – спросил я. – Попробуем прикинуть. В отдельные периоды истории его население, говорившее на иностранных языках, могло достигать пяти-десяти процентов. Возьмем последнюю, заведомо завышенную цифру. Прибавим к ней приезжих с востока, говоривших, допустим, по-татарски. Учтем и образованных русских, знавших иностранные языки. Все вместе составят не более двадцати процентов. Остается добрых четыре пятых». – «Да, и прекрасные четыре пятых – те, что своими руками построили город на Неве. А рабочих на строительство сошлось видимо-невидимо, со всех концов России. Кстати, какой говор вы замечаете у меня в речи?» Я помедлил: «Может быть, что-то новгородское?» – «Почти угадали – псковской диалект. А диалектов этих в городе звучало несметное множество».

Лев Васильевич был прав. Дело в том, что уроженцы разных губерний разграничивали между собой, так сказать, сферы влияния, и поэтому люди одной профессии обычно говорили на одном диалекте. Представьте себе такую вот красочную картину.

Предположим, нужно было прокладывать улицу – может быть, ту, на которой вы сейчас живете. Первыми приходят, конечно, мостовщики и каменщики – слышен отчетливый ярославский или олонекский выговор. Почти одновременно с ними появляются плотники – звучит владимирская речь. Затем черед доходит до маляров – и за версту слышится костромской говорок. Все кучера и дворники – туляки. Ну а увидел сапожника – жди тверского выговора. И все они находили общий язык, перенимали друг у друга сочные присловья, замысловатые обороты речи, интонации. Так кто осмелился бы сказать, что эти самые 4/5 населения не знали языков? И мы с полным правом можем заявить, что ленинградцы – наследники славных языковых традиций, которые стыдно было бы забывать!

Простившись со своим собеседником, я еще долго гулял по городу, думал о его истории, любовался знакомыми площадями, которые преобразил пошедший густой и мягкий снег. А лучше бы поспешил домой и записал беседу подробнее. Но нет, по молодости и легкомыслию сделал это лишь по прошествии изрядного времени. Вот почему так мало замечаний Льва Васильевича я смог запомнить дословно и соответственно передать в кавычках. Однако общий тон и предмет разговора выражены мной точно, не считая отдельных фактов, которые пришлось восстанавливать как по «Запискам старого петербуржца», так и по прекрасной книге А. и М. Гординых «Путешествие в пушкинский Петербург» (эти издания я всячески рекомендую читателю). Да, надо записывать такие встречи...

Эта мысль снова пришла мне в голову, когда я начал собирать воспоминания о полиглоте довоенного времени Василии Ерошенко. Чем же он так интересен? Ерошенко объездил весь мир, изучил десяток языков, получил первый приз на конкурсе эсперантистов за свои стихи на этом языке. Личность, конечно колоритная, скажете вы, но после тех полиглотов, о которых мы уже читали... Все так, если бы не одно маленькое *но*: Ерошенко был... слепым. Не правда ли, трудности языков и далеких путешествий приобретают совсем иной смысл? Так вот, повстречавшись как-то на Невском со знакомым полиглотом, я посетовал на недостаток живых записей, сохранивших впечатление от личности этого человека. «Дело поправимое, – ответил мой знакомый, – с людьми, помнящими Ерошенко, вполне можно встретиться. Тебе что-нибудь говорит имя Пауля Аристэ?» Ну, кое-что я, конечно, слышал. Это известный эстонский ученый, занимающий в духовной жизни народа Эстонии примерно такое же место, какое занимает Д.С. Лихачев в жизни русского народа.

Поработав полдня в библиотеке, я составил об Аристэ довольно полное представление. Перед глазами мелькали титулы отечественных и иностранных академий и обществ, заглавия выпущенных им книг и имена его маститых учеников. Аристэ изучил более 40 языков. Родился он в совсем старом мире (как явствует из метрики, отец его – «кузнец и плотник, происходил из семьи крестьянина Лулликатку, из вытиквереских винокуров»), пережил все войны и испытания, выпавшие на долю народа, и стал его гордостью к 80 годам – юбилею, широко отмечавшемуся эстонцами. Да, конечно, он виделся с Ерошенко еще в 1923 году на XV конгрессе эсперантистов. Впрочем, книгу о слепом полиглоте ко времени нашего разговора уже написал другой автор, а я всерьез увлекся личностью Аристэ.

Была не была; шесть часов на автобусе – и вот я уже на улице Юликооли, под сводами старого университета. Спрашиваю у проходящих мимо студентов, где можно найти Аристэ. Еще несколько минут – и я пожимаю руку худощавому седому человеку среднего роста с живым взглядом веселых глаз. С трудом выговариваю несколько заученных эстонских фраз. Собеседник оживает, но, почувствовав мое затруднение, переходит на русский язык. И какой – богатый и выразительный!

Мы не теряем времени зря. Книга о полиглотах? Прекрасно. Для молодежи? Еще лучше! «Только почему вас интересуют мои секреты? Ведь я не полиглот», – серьезно говорит Аристэ. Мне стало грустно, ведь я так надеялся узнать что-нибудь новенькое о тонкостях и тайнах полиглотов. «Видите ли, коллега, много языков нельзя знать. Ведь каждый из них нужно не только вызубрить, но и „прожить“. В этом смысле я владею очень немногими языками – эстонским и русским, конечно... Ну, еще как родные знаю финский и шведский и чуть-чуть хуже – еще четыре-пять языков. Нет-нет, никак не больше!» В общем получается 8 языков. Тут я оживляюсь и рассказываю пожилому собеседнику о «законе семерки» и о своих выводах, что увлечение языками – это творчество, свойство личности. Аристэ оживает тоже: «Вот это верно. Об этом непременно нужно рассказать молодежи. Потому что я сносно говорю и читаю еще на двадцати-тридцати языках, но ведь это – совсем другое знание. И что интересно – очень часто новый мир открывался для меня через маленький, выходящий из употребления язык, на который некоторые смотрели пренебрежительно...»

Да, об этом я уже много читал и знал, что удивительные открытия сделаны академиком

на материале малых прибалтийско-финских языков, которые помнят в основном старики. Скажем, язык води, на нем сегодня говорят от силы десятка два бабушек в Ленинградской области, или язык их соседей ижорцев – совершенно самостоятельный язык, как доказал Аристэ (до него считали, что это малозначительный финский диалект). Ученый поклялся в юности сохранить их язык и культуру для потомства и посвятил этому всю жизнь.

Одного водского фольклора, донесшего до нас бесценный мир древности Ленинградской области, он собрал около 5 тысяч страниц, записал словарь на 50 тысяч слов. «А как же иначе, – шутит он, – существует ли на земле другой народ, с которым я – со всеми без исключения – перешел бы на „ты“?»

Есть и другие предметы страсти Аристэ – это такие маленькие миры, как язык ливов в Латвии, вепсов в Карелии, карелов на Валдае. Изучая древнейшие контакты данных языков, на которых некогда говорили многочисленные народы, с русским, ученый сделал два важных вывода. Во-первых, оживленные взаимоотношения их начались еще в V веке. Это весьма ранняя дата, важная для установления точек отсчета в русской истории. Во-вторых, контакты были сугубо мирными. В пользу этого говорят древнейшие заимствования, которыми обменялись древнерусский и древнеэстонский языки, – в основном названия одежды, утвари, животных. Живая нить таких контактов тянется до наших дней – в этом отношении особенно интересен изученный Аристэ смешанный язык, на котором прекрасно общаются жители поселка Лутси в Латвии, где сошлись эстонцы, белорусы, латыши и русские...

Разговор течет легко и свободно. Мы не спеша выходим из университета, идем по булыжнику старой мостовой и заглядываем в переполненное кафе. Для Аристэ с его младшим коллегой место всегда найдется – и мы продолжаем беседу за кофе. Я в шутку рассказываю, как один полиглот прошлого века советовал поддерживать себя во время занятий языком какого-либо народа его любимым напитком. И рекомендовал: к французскому – легкое бордо, к английскому – темный портер... Академик улыбается и серьезно говорит: «А вот горячительные напитки и такое прекрасное дело, как занятия языками, – вещи несовместимые. Все, что я позволяю себе, – это бокал шампанского, но только по одному случаю – на... девятидесятилетие доброго друга. До сих пор это имело место дважды. А кстати, хотите получить совет, как улучшить свои способности к языкам?»

Ну вот, не зря же я приехал в Тарту. Достāju блокнот. «Скажу по своему опыту. Самое лучшее – это пробежка каждое утро плюс занятия штангой раза два в неделю. И поменьше лежать на диване да смотреть телевизор!» Ну что ж, и это стоит записать. А по пути домой, на тихую улочку Якобссони на склоне горы, знаменитый полиглот делится и остальными секретами. «Первое – каждодневный труд. По какому методу? Вы знаете, учебник всегда оставался для меня на втором плане. В сущности, все современные методы достаточно эффективны: я бы не стал уделять особого внимания частностям. Гораздо важнее то, что сию минуту по любому методу ничего не получится. Поэтому второе – терпение. И наконец, когда достигнут первый, пусть самый маленький успех – не нужно медлить. Читайте, слушайте, говорите, не откладывая до лучших времен».

Покидая наполненный книгами кабинет Аристэ, улыбаясь, я подумал, не сыграла ли страсть к языкам свою роль и в личной жизни хозяина. Дело в том, что жена академика – уроженка Латвии. От нее он научился латышскому и теперь за обеденным столом может отключиться от других языков, перейдя на него...

Завязавшаяся после этого переписка периодически возобновлялась, однако лично побеседовать с Аристэ больше как-то не получалось. И вот однажды жарким летом мне довелось проезжать через Тарту. Сразу вспомнилась встреча с ученым, наши разговоры, и, торопливо остановив шофера, я остался на площади просыпающегося городка. До следующего рейса времени оставалось не так много, надо было спешить, и я набрал старый номер телефона. Мне ответили, что профессор в больнице на обследовании, однако короткая встреча с коллегой ему, наверное, не повредит, и любезно разрешили туда подъехать.

Расстояния в Тарту невелики, и скоро я был уже на краю города. Договорившись с

больничными властями, нашел нужную мне палату, открыл дверь и увидел почти не изменившееся лицо. А Аристэ шел тогда, между прочим, 81-й год. Надо сказать, что за прошедшие годы я овладел шведским языком, все свободное время работал в Комитете молодежных организаций СССР, принимал делегации из Швеции. И поэтому сразу спросил ученого по-шведски, могу ли говорить с ним на этом языке. Надо было видеть, как вспыхнули глаза собеседника. В этот миг мне показалось, что за долю секунды память полиглота перебрала десятки ведомых ему языков. Он мягко улыбнулся и с выговором гораздо лучшим, чем мой, ответил по-шведски: «Да, конечно». И завязалась наша новая беседа...

По дороге на автовокзал я размышлял о том, как целеустремленные занятия, неустанное горение духа способны поддерживать бодрость и жизнерадостность даже в зрелом и пожилом возрасте. Кстати, эту тему не хотелось бы затрагивать мимоходом. Как заметил читатель, наша книга рассчитана в основном на молодежную аудиторию. Но вот же Аристэ, который ни в коем случае не является исключением. Организм человека располагает бесконечными возможностями, и если с годами снижается объем памяти, быстрота перебора вариантов, то при этом повышаются знание своих сильных и слабых сторон, умение разумно распределять силы, накапливается опыт того, как вести общение. В конечном счете пожилой человек нисколько не уступит молодому.

Не будем голословными. Недавно в ленинградской печати сообщалось о 78-летнем полиглоте Б.П. Соколове. У него интерес к языкам возник в том возрасте, когда, по нелепым, но пока довольно распространенным в обществе предрассудкам, учиться вроде бы поздно. Не падая духом, он овладел четырьмя мировыми языками, позже добавил к ним несколько родственных. А дальше – вера в свои силы прошла испытания, – кстати, и времени стало больше. Борис Павлович принялся за совсем непростой азербайджанский, за очень трудный для русского грузинский. 80-летие он, по всей вероятности, встретил с учебником эстонского языка. И дело здесь отнюдь не в феноменальных способностях, просто у человека ясная голова и большая сила воли. Вот что говорит сам полиглот (теперь его можно назвать так без всяких скидок): «Изучение языков в зрелом возрасте, я считаю, эффективнее, чем в детстве, так как взрослый человек способен поставить перед собой цель и осуществить ее». Золотые слова!

Что же касается 50–60-летнего возраста, то представители всех наук о человеке сходятся в том, что эта пора может стать подлинным расцветом жизни. При условии, конечно, разумного подбора и чередования нагрузок, умении вслушаться в себя. Собственно, так оно и было у всех известных полиглотов, ведь, как мы уже знаем, работа над языком подразумевает прежде всего работу над собой. Мне вспоминается случай, происшедший однажды на курорте. Было довольно прохладное утро. Я накинул куртку и вышел на улицу. Каково же было мое удивление, когда в идущем навстречу мне стройном, загорелом спортсмене в одних шортах я узнал ленинградского ученого Р.Г. Пиотровского. Незадолго до этого в нашем городе отмечали 60-летний юбилей профессора, одного из ведущих советских специалистов в области искусственного интеллекта.

Задача научить машину говорить с человеком, безусловно, увлекательна, но и очень сложна. И если сейчас, по мере внедрения в жизнь программы компьютеризации, новичкам есть на что опираться, то это в немалой степени заслуга энтузиастов, уже десятилетия работающих над искусственным интеллектом. К их числу относится и Раймонд Генрихович, а путь его был непростым. Уже сложившимся специалистом по молдавскому языку и будучи знатоком таких его родственников, как французский, и почти соседей, как албанский, он почувствовал, что нужно осваивать ЭВМ. Заметим, что если сегодня подобный вывод для многих неочевиден, то в недалеком будущем за пультом дисплея придется садиться всем, и чуть ли не с детского сада. Не постеснялся усесться за парту, чтобы одолеть математический анализ и языки программирования, и зрелый специалист. Нагрузки его, естественно, возросли, и Р.Г. Пиотровский противопоставил им активный образ жизни, занятия физкультурой, а после шестидесяти принялся еще за такие далекие для славянского строя

мышления языки, как китайский и японский. Да-да, ведь изучение языка не меньшее освежение для души, чем пробежка для тела. И освоил языки вполне сносно, по крайней мере знания их достаточно для чтения газет. Надеюсь, теперь вы согласитесь со мной – у старшего поколения есть чему поучиться! Что касается автора, то у него на японский язык пороха не хватило, зато пробежки стали регулярными...

Вот видите, с какими интересными людьми мы познакомились. А за это время набрало силу и третье поколение ленинградских полиглотов, которые немногим уступят старшим товарищам. Одного из них мне довелось увидеть совсем неожиданно. Помнится, в Ленинград прибыла делегация шведской молодежи и целый день ездила по городу, знакомясь с его памятниками и музеями. Вечером в Доме дружбы была назначена встреча с советской общественностью. Я переводил речи гостей. Вдруг объявили, что следующее приветствие произнесет по-шведски Сергей Григорьевич Халипов, и я воспринял это как возможность немного отдохнуть. На сцену вышел крупный мужчина лет сорока и начал говорить, а я расслабился и засмотрелся в окно. Тут-то и припомнилось: Халипов, известный полиглот, у меня даже есть несколько вырезок из газет о нем. Пишут, что в школе он знал 3 языка, на первых курсах вуза – десяток, а дальше их число стало расти, как скорость на спидометре – 20, 30, 40... Известно, что Сергей Григорьевич занимается и тем, что можно назвать встречным изучением языков. Договорится с другом-мордвином, что научит его английскому, и сделает это, но заодно и сам выучится мордовскому (точнее, одному из мордовских, так как их два: мордовский-эрзя и мордовский-мокша). Или стал обучать шведскому вьетнамцев, а по ходу дела овладел и их языком. Но вернемся в Дом дружбы, Халипов как раз говорит с трибуны. Сейчас мы его проверим.

Наклонившись к сидевшему по соседству шведу, я шепотом спросил его, как говорит оратор. Тот снисходительно улыбнулся и ответил, что, мол, как еще можно говорить на языке, знакомом с детства. Тогда черед снисходительно улыбаться дошел и до меня – после того как я разъяснил собеседнику, что Халипов знает так еще не меньше десятка языков... В тот день я не мог оторваться от делегации, но выступление полиглота запомнилось, и через несколько лет я побывал в холостяцкой квартирке Сергея Григорьевича на Балтийской улице.

Представьте себе стол, заваленный словарями, газетами, книгами на 40 языках, работающий приемник, из которого доносится разноязыкая речь, магнитофон с учебными записями. Плюс к этому я попал на момент увлечения японским языком: на стенах и даже на потолке были приклеены листки с жирно написанными иероглифами и тут же – их переводом. Пока Халипов дописывал очередной листок с новым словом и подыскивал ему место, я подошел к столу и с разрешения хозяина порылся в гряде книг, которыми он был завален. Наверху, естественно, лежал пока еще тонкий слой японских пособий. Под ними – книги на кельтских языках, очень трудных и считающихся уже реликтовыми в Европе, – валлийском, ирландском, бретонском. Дальше – слой венгерских журнальчиков, перемешавшихся с книгами и даже письмами на фарерском языке (довольно редком наречии, употребляемом примерно 40 тысячами населения группы островов в студеной Северной Атлантике). Поскольку ни одним из этих языков я не владел, от легкого комплекса неполноценности меня уберегло, видимо, то, что здесь же попадалась и английская, французская, чешская периодика, где все-таки что-то можно понять. Да, на досуге автор взялся бы устроить тут всамделишные «полиглотские раскопки».

Я в шутку сказал об этом Сергею Григорьевичу. «Да, – ответил он, – можно даже определить, сколько времени у меня уходит на язык: в среднем от месяца до полугода». Секретов от читателей и он не имел. На вопрос о том, в какой мере допустимо говорить о «законе семерки», ответ был, что, пожалуй, да, вполне. При хорошем знакомстве с полусотней языков полиглот считает, что в совершенстве овладел десятью!

«А есть ли какой-то общий подход, ключ к изучению языков?» – «Думаю, что нужно на каждом этапе ставить перед собой небольшую, в принципе выполнимую задачу – скажем, читать по специальности со словариком – и непременно выполнять ее». – «Есть какие-либо

„секреты“ в копилке опыта полиглотов?» – «Не больше, чем у любого другого мастера своего дела. Хотелось бы только посоветовать не давать воли однообразию. Язык следует учить как бы по спирали – произношение, потом грамматика, затем освоить список слов и снова перейти к произношению».

Зато вот чего нельзя предугадать – каким языком человек увлечется. И, покидая этот интересный дом, автору подумалось, не остановится ли в своих занятиях языками полиглот на японском, ведь на него вполне можно потратить полжизни.

За суетой будней наши встречи прервались. Но вот через несколько лет в одном из ленинградских изданий я нашел короткие, но емкие очерки о происхождении названий «Тихвин», «Ладога», подписанные старым знакомым. Халипов утверждал, что на эти и другие названия Ленинградской области оказали влияние языки древнейших обитателей этих мест, в первом случае – вепсский, а во втором – язык, близкий к саамскому (в наши дни на нем говорят на Кольском полуострове). «Значит, увлечение языками не прошло», – подумал я с улыбкой.

Ну что же, в запасе у автора еще немало встреч с интересными людьми. Но, думается, читатель уже заметил: при том что каждый из полиглотов занимался по своей системе, у них все-таки больше общего, чем особенного, – начиная с атмосферы радостной, увлеченной жизни и кончая любимыми приемами занятий. Полагаю, что выражу их общее мнение, сказав: источник их успеха не одаренность, выходящая за пределы нормального, а сочетание в конце концов не таких трудных навыков и спокойной, изобретательной любознательности. И кстати, вот еще на что стоит обратить внимание. Мы только что познакомились с людьми, добившимися многого. Но разве кто-то из них кичится тем, что знает несколько больше других? Напротив, они всегда стремятся занизить число изученных языков – мол, где-то около десятка. И если уж гордятся, то не числом их, а пользой, которую принесли людям. Поэтому, думаю, они одобряют то, что для рассказа о четвертом поколении ленинградских полиглотов мы обратимся к совсем не феноменальной семье Максимовых, вместе знающих едва 5–6 языков.

Мое знакомство с этой фамилией началось с того, что меня попросили перевести один патент со шведского языка. Зайдя в библиотеку, я взял политехнический шведско-русский словарь, составленный неким В.Ф. Максимовым, и нашел там все, что нужно. Почему-то фамилия запомнилась: во всяком случае, работая однажды с политехническим норвежско-русским словарем, на титульном листе его я увидел ту же фамилию. Это становилось уже интересно. Обращаюсь к каталогам, чтобы узнать, кто издал политехнический датско-русский словарь, и выясняю, что такой пока не выходил, но готовился к печати... В.Ф. Максимовым.

Инженер-химик Владимир Максимов в конце 40-х годов занимался серьезной научной темой: если мне не изменяет память, что-то вроде гидролиза целлюлозы. Кроме химиков нашего Северо-Запада, для которого эта тема очень важна, ею занимались и шведские ученые. Максимов принялся за изучение шведского – первые месяцы занимался с преподавателем, а затем потихоньку начал переводить сам. Поскольку тогда у нас не было хорошего политехнического словаря, он стал выписывать незнакомые слова на карточки. Постепенно они составили большую картотеку, которая, несомненно, могла принести пользу уже не одному ее владельцу. Максимов увидел, что намечаются контуры большого словаря для специалистов, и договорился с издательством о его выпуске. «Занимался словарем по вечерам, – вспоминает он, – это на первый взгляд монотонное и скучноватое занятие успокаивает нервы, переключает внимание с основной работы».

А труд ведь на самом деле каторжный. Подумайте только, в среднем на подготовку каждой буквы словаря уходит около 120 часов! И Максимов стал потихоньку привлекать к работе старшего сына – тоже инженера, а отнюдь не профессионального лингвиста. Постепенно и его захватила работа, так что норвежско-русский словарь закончили как соавторы. К третьему словарю подошли уже вдвоем – в авторский коллектив влился и младший сын Георгий. По специальности он физик, так что и ему приходится строго

рассчитывать свое время, быстро переключаться. Мне довелось как-то познакомиться с ним: признаться, я ожидал увидеть переутомленного человека. Но нет, мой собеседник оказался бодрым и собранным. «Вот и еще одно свидетельство в пользу занятий языками», – подумел я. А как же иначе, если досуг расширяет профессиональный кругозор, а работа обогащает отдых. Прибавьте к этому, что нет никаких затруднений в разговорной практике: пришел домой – и говори с кем угодно на любимом языке.

Впрочем, почему мы говорим только о мужчинах? Иная читательница может подумать, что на долю матери семейства остаются только кухня и стирка. Так вот, рад доложить вам, что это не так – Эмилия Максимова на равных с мужчинами участвует в работе над словарями.

А как вообще обстоит дело с шансами женщин стать полиглотами? В жизни часто приходится слышать, что им языки даются легче, чем мужчинам. Но на страницах нашей книги мы говорили все больше о сильном поле... Над этим вопросом языковеды задумались давно, и два главных их вывода можно считать несомненными.

Во-первых, в конечном счете, женщины примерно так же способны к языкам, как и мужчины. А если в истории о них говорится меньше, то только из-за пренебрежительного отношения к прекрасному полу, свойственного, к сожалению, многим обществам прошлого.

Во-вторых, женщины осваивают и используют любой язык принципиально другим способом, чем мужчины. Слова «женская логика» здесь следует ставить без кавычек. Это значит, что если мы запишем достаточно длинный отрезок речи, а затем отдадим его специалисту и попросим определить, кто это говорил – женщина или мужчина, – то он на этот вопрос сможет ответить (естественно, все подсказки из текста заранее убираются).

Дело в том, что уже начиная лет с пяти сама грамматика у женщин иная. Вас интересуют примеры? Ну, некоторые особенности женской речи понятны без пояснений. В ней преобладают существительные с конкретным, эмоциональным значением, тонко различаются обозначения цветов. Богаче спектр обращений, особенно ласковых. Участвуя в диалоге, женщины задают гораздо больше вопросов (в том числе и не требующих ответа), чем мужчины, но в целом лучше реагируют на слова собеседника. Другие особенности пока не вполне объяснимы. Так, женщины питают особое пристрастие к будущему времени, сослагательному наклонению и вообще к сложным формам глаголов. Но особой тайны тут нет: все особенности женского языка связаны с главной миссией женщины – воспитанием детей. К этому ее готовят с малых лет и семья, и общество – в том числе и через язык.

Станут все эти особенности достоинствами или недостатками, зависит от того, как их использовать при изучении языка. Такое умение вообще полезно в жизни, поэтому позвольте дать вам основные рекомендации в духе дневника Робинзона Крузо (помните, как он попал на необитаемый остров и стал записывать на левой странице плохие дела, а на правой – хорошие и затем выводил из этого, что нужно делать?).

Так вот, уважаемый читатель-мужчина, мне надо немного посекретничать с женщинами. Поскольку ничего интересного для вас на ближайшей странице не будет, попрошу вас пропустить ее.

А сам обращусь непосредственно к вам, дорогая читательница! Начнем с того, что мужчина психологически тренирован на освоение нового, всем своим воспитанием нацелен на овладение. Поэтому на начальном этапе изучения языка он скорее всего вас обгонит...

...Зато, если вы не падаете духом и, так сказать, перестрадаете первые встречи с непривычным языком, то очень скоро выйдете вперед и начнете легко преодолевать те барьеры, над которыми ему придется попотеть.

Когда дело дойдет до перевода отдельных предложений, мужчина скорее всего будет быстрее схватывать их общий смысл и увереннее строить сам...

...Зато у вас есть мощные козыри – привычка к терпеливому, однообразному труду и природная склонность к сложным конструкциям. Поэтому советую больше времени уделить механическому заучиванию списков слов и грамматических правил. Поверьте, что очень скоро по запасу слов, точности перевода и умению распутывать сложные формы глаголов с

вами не сможет сравниться ни один мужчина.

Наконец, на основном этапе изучения языка, особенно в живом общении, мужчина более сжато и четко сформулирует самую суть дела. Но хороший контакт в разговоре у него наладится очень не скоро. Скажем, его довольно просто может сбить быстрый темп речи собеседника. А это случается не так редко – быстрая разговорная речь принята на таких языках, как английский (в его британском варианте произносится 3–4 слога в секунду), немецкий (4–5), японский (5). А быстрее всех в мире говорят, наверное, француженки – до 6 слогов в секунду...

...Зато женщину присутствие собеседника со всеми особенностями его манеры говорить, по-видимому, вообще не сбивает. Напротив, контакт устанавливается почти моментально за счет интуитивного понимания языка жестов, мимики, пластики, которые напрочь пропускаются мужчинами. А ведь эти самые жесты в сумме передают до 55 процентов информации в разговоре. Они играют главную роль именно в языках, на которых говорят быстро. Пока финн делает один жест, француз успевает сделать их более ста! В освоении же беглой речи любой женщине помогает врожденное чувство ритма. В общем, по этой статье одни преимущества.

Впрочем, как это случается с каждой бочкой меда, и сюда попытались-таки добавить ложку дегтя. А отважился на столь решительный шаг перуанский косметолог Э. Салинас. Да, женщины быстро овладевают языками, заявляет он. И коварно добавляет, что если изучается язык с более резвым темпом речи, чем родной, то вокруг рта образуются морщинки (за счет непривычно быстрых движений лицевых мускулов). Мы не расположены принимать этого соображения: во-первых, оно не подтверждается другими косметологами и, во-вторых, это явное выражение бессильной зависти к женским способностям (а у кого может возникнуть сомнение, что Салинас – мужчина?!). Но оставим шутки и скажем серьезно: если вы учтете эти пожелания, успех в занятиях языками вам обеспечен.

Ну а теперь мужчины могут снова присоединиться к нам. Надеюсь, они также убедились в том, что к языкам способны все – без различия пола, возраста и образа жизни.

Краткий самоучитель начинающего полиглота

Итак, вы уже знаете все секреты полиглотов, и мы можем говорить на равных, как коллеги. И все-таки в заключение позвольте предложить еще несколько простых и четких инструкций. Впрочем, если какая-то рекомендация покажется вам неочевидной, поверьте автору: все, о чем будет говориться дальше, прочно основывается на науке и многолетнем опыте полиглотов.

Все советы постарайтесь выполнять в том виде и в той последовательности, в которой они стоят. Это существенно, потому что без какой-то части предлагаемый вам механизм может не заработать. Другое дело – в деталях вы совершенно свободны. К примеру, сказано, что нужно выучить список слов, желательно самостоятельно, по тетрадке. Но если вы лучше воспринимаете с голоса, попросите кого-нибудь из домашних прочитать вам, если зрительно – то напишите слова красками на листке и повесьте его над кроватью. Пробуйте, изучайте себя, но *как-то* освоить этот список все равно нужно. Ведь то, что дается, рассчитано на всех, а уж ваше дело – приладить это к собственному характеру и талантам. Они обязательно есть. А пока вы их ищете, самое главное не мучить себя, не работать на износ. Запомните: в языке оправдывается только труд, требующий каждодневных, но небольших усилий. Особенно хорошо, когда от этого труда вы получаете удовольствие. Если в ваших занятиях мелькнет это приятное чувство, «поймайте» его, постарайтесь запомнить и воспроизвести. Это залог успеха, а другие приемы только помощники. И здесь, несмотря на краткий, деловой характер данного раздела, попрошу вас выслушать старинную притчу.

Рассказывают, что некогда один земледелец посадил зерна и начал ждать скорого урожая. Поэтому, как только из земли показались ростки, он стал вытягивать их силой, чтобы они быстрее росли. Корни поцеплялись-поцеплялись за почву и... оторвались. Ростки

засохли, и нетерпеливый земледелец остался голодным. Мораль сей притчи такова: все живое растет постепенно, а ускорять его развитие можно лишь до какого-то предела.

Как вы понимаете, на самом деле речь здесь идет не о растениях. То же можно сказать и о душевном здоровье. Его неотъемлемая часть – любовь к родному слову и уважение к чужому. Вот почему мы уже говорили и повторим еще раз, что склонность к языкам не профессия или хобби, а черта характера. Соответственно в ходе занятий вам не придется тяжело работать, но никогда не придется и отдыхать.

На начальном этапе надо определить, насколько вам необходим избранный язык. Готовы ли вы сделать его своим спутником в жизни. Предположим, что нет. Зачем он тогда нужен?

Во-первых, скорее всего, для того, что вам по работе срочно понадобилось перевести какую-либо книгу или статью. Если вы живете в Ленинграде, разумнее всего было бы зайти в отдел внешнего обслуживания Публичной библиотеки на углу Невского и Садовой. Там есть группа профессиональных переводчиков, которые охотно выполняют перевод с любого из основных европейских языков за 2–3 месяца. Цена здесь по мировым меркам очень умеренная – менее 4 рублей за машинописную страницу (справки по телефону 310-98-46). Если вы живете в сельской местности или маленьком городе, вам, наверное, следует связаться со Всесоюзным центром переводов научно-технической литературы и документации (117218 Москва, ул. Кржижановского, 14). Это мощное предприятие, с которым сотрудничают около 10 тысяч переводчиков, готовых прийти вам на помощь в переводе с 30 языков мира, в том числе восточных, древних или просто редких. Наконец, к вашим услугам и кооперативные объединения. Наиболее солидное впечатление производит «Планета», где можно в сжатые сроки получить добротный письменный или устный перевод с самых разных языков. Отделения работают во многих городах страны. Номер телефона диспетчерского пульта в Ленинграде – 217-32-56.

Во-вторых, может быть, вам по работе просто нужен документ о знании языка в объеме хотя бы среднего образования. Ну что же, не теряйте времени и поступайте на курсы иностранных языков. Если по какой-то причине вы не можете устроиться на такие курсы по месту жительства, поступайте на Центральные государственные курсы заочного обучения иностранным языкам (121861 Москва, Большая Дорогомиловская ул., 7/2). Прием ведется по 9 тысяч человек в год на пять отделений – английское, французское, немецкое, испанское и итальянское. Плата за обучение довольно скромная – 60 рублей в год.

И наконец, в-третьих, вы просто вынуждены учить язык – либо в учебном заведении, чтобы сдать и забыть (и тогда я искренне сочувствую вам), либо это понадобилось в жизни по другой причине. Пока, на время учебы, вам придется изображать склонность к языку, пусть даже прохладную. Без этого он не раскроет своих тайн. Достигнув цели, можете дать волю скептическому настроению. Наша же книга написана для людей, которым язык нравится в принципе, и они не против того, чтобы уделить ему полчаса в день.

Далее вам понадобится учебник избранного языка. В этом отношении вам повезло, поскольку у нас изданы учебники практически любого иностранного языка, который только может прийти в голову. Все они толковые, добротные, так что особенно выбирать нет нужды. Лучше всего достать самоучитель. Если такового не найдется, из всех других учебников вам больше подойдет пособие для самостоятельной работы или для начинающих. В последнем может не быть правил произношения звуков и чтения букв, тогда их нужно где-то переписать и вклеить в книгу.

Где достать учебник? Естественно, в книжном магазине или магазине старой книги. Другое дело, что в данный момент его может не оказаться. Тогда придется поспрашивать у знакомых. В крайнем случае обратитесь в упоминавшийся уже нами отдел Публичной библиотеки. В число его услуг входит и снятие копий с книг, которыми библиотека располагает. Стоимость фотокопии – 11 копеек за страницу, микрофильма – 2 копейки.

А теперь, вооружившись учебником, терпением и интересом, мы можем перейти к главному – к занятию. Установив для себя его порядок, постараемся в основных чертах

следовать ему. В этом отношении умеренность и аккуратность – залог успеха. Порядок занятий состоит прежде всего в их периодичности. Все полиглоты в один голос утверждают, что заниматься следует ежедневно. Обращаю ваше внимание на то, что периодичность удесyatepяет силы: лучше по короткому занятию каждый день недели, чем одно воскресенье с рассвета до заката.

Установите себе длительность занятия. Оптимальный вариант – 45 минут в день, только не отрываясь ни на минуту. Обычно у людей возникает желание продлить занятие за пределы часа, они начинают читать в электричке, более основательно заниматься по праздникам. Когда дел по горло, урок, напротив, сокращают. Хотелось бы сразу предостеречь читателя от таких крайностей. Что касается продления, в лучшем случае оно бесполезно, поскольку у внимания есть свои пределы, в худшем – просто вредно, так как язык вам быстро надоест. Если время и желание все-таки есть, запланируйте через 3–4 часа повторительное занятие минут на 15 и сохраните аппетит к языку до завтра. Укорачивать урок тоже имеет смысл до известного предела – он должен длиться не менее 30 минут, иначе мозг просто не успевает вработаться. А если у вас и полчаса не выкраивается, задумайтесь, правильно ли вы живете...

Итак, 45+15 минут – это на пять с плюсом, 45 – на пятерку, 30 минут – на тройку. В случае если вы выбились из временного графика, постарайтесь в ближайшие 3–4 дня вернуться к привычному распорядку. Такой перерыв в принципе несуществен. Если же вы прервались на неделю и больше, делать нечего – принимайтесь за работу с первого занятия.

Установите твердое время занятий и не меняйте его без необходимости. Я понимаю, что это не так легко сделать, но все же возможно. По мнению ученых, лучшее время для занятий – от 8.30 до 10.30 или от 16.30 до 18.30, причем в первом случае активнее работает краткосрочная память, во втором – долгосрочная. Поэтому было бы неплохо заниматься примерно в это время, и совсем хорошо, если на утро пришлось бы 45 минут усвоения урока, а ближе к вечеру – 15 минут его повторения. Кстати, к такому ритму вас, скорее всего, приучили в школе или на работе. Если нет, то ничего страшного – по суткам разбросаны и другие, правда немного меньшие, пики вашей работоспособности. И если вы твердо установите любое удобное для вас время и будете его придерживаться, один из таких пиков непременно окажется где-то поблизости и сдвинется на время занятия. Это в порядке вещей.

Установим и место занятий. Желательно, чтобы и оно было постоянным. А вот где заниматься – не имеет ни малейшего значения. Если дома или на работе – присмотрите местечко поудобнее, где вы сможете устроиться на полчаса, никого не побеспокоив, если в транспорте по дороге на работу – тем лучше! Поколения полиглотов, включая и автора данной книги, изучали языки в трамваях и автобусах и не могли этому нарадоваться. Преимуществ действительно много – попрошу не улыбаться. Во-первых, обеспечена регулярность; во-вторых, делать в общественном транспорте абсолютно нечего, это самое бросовое, бесцельно пропадающее время; и, в-третьих, уставшие от чтения глаза периодически могут отдыхать на сценках, проносящихся за стеклом, или на лицах сменяющихся пассажиров. Единственно, что здесь важно, – ехать без пересадок в течение полчаса и чтобы не с кем было поговорить... Протискивайтесь под ближайшую лампочку или к окну, открывайте книгу и погружайтесь в чудный мир языка.

Перейдем к содержанию занятия. Что касается произношения, то задерживайтесь на нем возможно меньше. На первых порах освоите самые грубые русские соответствия звукам изучаемого языка и пока не улучшайте выговор. Если по ходу чтения текстов вы где-то запнетесь, вернитесь к фонетике, за минуту-две повторите правила чтения и, не задерживаясь, возвращайтесь обратно. До прононса дело еще дойдет. Грамматику, вводимую на каждом уроке, нужно усваивать в принципе: не обращая внимания на тонкости и исключения, старайтесь понять самое ядро правила так же, как вы схватываете основной смысл кулинарного рецепта или прогноза погоды. На произношение и грамматику отведите первую четверть каждого занятия.

Вторая четверть посвящается чтению текста. Читая его, не нужно пытаться понять

сразу все. Достаточно уловить, *кто* делает и *что* же такое он делает. Ни в коем случае не следует бесцельно листать словарь, выписывая все, чего вы не знаете. Не надо и гадать о смысле, вообще не заглядывая в пособия. Спокойно, помня о том, каков нормальный порядок слов в данном языке и чем различаются в нем части речи, *нужно* постараться *обнаружить* те два-три слова, которые несут основную нагрузку каждой фразы. Скажем, в только что прочитанном вами предложении такие ключевые слова выделены. И не нужно бояться – навык их поиска у вас давно есть. Да-да, и освоили вы его без особых усилий. Достаточно вспомнить, как мы составляем телеграмму. От каждой фразы отсекается все лишнее, и остается лишь то, без чего никак не обойтись. При чтении иностранного текста представьте себе, что из каждого его предложения вам надо сделать телеграмму. Эти-то опорные слова и следует заучить.

Третья четверть занятия уделяется запоминанию. Иностранные слова, выделенные из текста «телеграфным» способом, выписываются столбиком, каждое с переводом. Затем закройте рукой русскую колонку и осваивайте иноязычную. Как вы будете это делать, придумайте сами. В случае необходимости припомните, как заучивали в детстве стишки и песенки. На каждом занятии осваивается 10–15 слов. Если из текста вы выудили меньше десятка ключевых слов, добавьте другие, по своему вкусу. Если их получается больше, читайте на данном уроке только ту порцию текста, где сидят эти 10–15 слов. Всего на начальном этапе вам нужно освоить 800 слов. Их надо поровну разделить между всеми текстами. Скажем, если в учебнике 25 текстов, то на каждый из них должно приходиться $800 : 25 = 32$ слова. Именно столько ключевых слов вы и обязаны выписать. Если же текстов слишком много или они очень большие, смело выпустите часть из них.

Последняя четверть занятия состоит в чтении текста. Вы уже нашли в нем ключевые слова, опознали связывающие их грамматические отношения и все это заучили. Что касается остальных слов, то достаточно, чтобы вы правильно произносили их. Значения можете надписать над каждым словом карандашом. Фразу следует читать не спеша, как единое целое, вслух, но тихо – как говорится, себе под нос. Каждая проходится по два раза: в первый – разбираясь с ключевыми словами, во второй – более бегло. Весь текст прочитывается 2–3 раза. Занятия строятся попарно: на нечетном уроке изучается новый текст, а четный посвящается его повторению в том же порядке. На каждом занятии вас будут поджидать сюрпризы – прежде всего в том плане, что вещи, казалось бы прочно выученные, совершенно беспардонно выпадают из памяти. Это обычное дело. Не думайте, что язык не удерживается в голове. Просто память еще не приучилась выдавать то, что его касается, по заказу. Не нервничайте по этому поводу, а главное – не бросайте тут же нового текста. Запомните свое слабое место и в соответствующей четверти занятия обратите на него особое внимание. Скажем, если забыли, как слово читается, – вернитесь к нему в первой четверти, а если забыли его перевод – то в третьей. Это существенно, чтобы не дробить мысль.

И наконец, подчеркну еще раз – на каждый урок нужно настраиваться, отрешаясь от повседневных забот и приходя в уравновешенное, даже самодовольное состояние. Поэтому советую, приступая к уроку, вспомнить какие-то приятные события и встречи, успокоиться. Естественно, до взрыва хохота дело можно не доводить, особенно в общественном транспорте.

Все оставшееся кроме занятия время суток мы объявляем практикой в изучаемом языке. «Как – все время? И ночь тоже?» – улыбнется читатель. Этого, конечно, я не имел в виду, но в принципе да, и ночь тоже! В свете научных исследований последних лет, у любого человека, успешно изучающего иностранный язык, изменяется структура ночного сна, удлиняется продолжительность сновидений, а может быть, изменяется и их содержание. Честно говоря, по себе автор этого не заметил, но полиглоты едины в том, что проверить, насколько эффективным было занятие, можно только на следующий день. За ночь усвоенный материал как-то укладывается в голове: что-то отбрасывается, что-то остается. Так что ночной отдых важен не только для здоровья, но и для запоминания. И здесь автор полностью на стороне врачей, рекомендующих прогулку перед сном и полноценный 8-

часовой отдых.

Другое дело – днем. Станьте известны окружающим как человек, всерьез и успешно занимающийся языком и культурой собственного или какого-то другого народа. Пусть родные и близкие приносят вам вырезки из газет или зовут к телевизору, когда речь идет о предмете вашего интереса. Пусть друзья подшучивают над вами, а сослуживцы привыкнут к вашим байкам и серьезным рассказам на темы, почерпнутые из области увлечения. Для них вы стали более интересным, со своей изюминкой человеком, да и для вас это весьма полезно, поскольку помогает вам оставаться в поле притяжения избранного языка. Все это поможет вам практиковаться по четырем неперенным направлениям.

Прежде всего – *понимание речи*. Выхватывайте из рассказов знакомых, из радиопередач и телепрограмм на родном языке имена, географические названия, приветствия, отдельные слова увлекшего вас языка. Найдите записи песен – постарайтесь привыкнуть к мелодике пения, заучите припев, даже не понимая слов.

Используйте накопленный багаж в *собственной речи* – сами с собой попытайтесь говорить на родном языке с «их» акцентом. А с другими не стесняйтесь употреблять уже освоенные слова. Вставляйте их в свою речь, вроде как в старину говорили через слово по-французски. Только тогда это служило для демонстрации принадлежности к «благородным» и нередко скрывало глубочайшее невежество. Ваша цель, конечно же, совсем другая – лишний раз повторить изученное, а по возможности и заинтересовать собеседника. Как знать, может быть, с этого начнется и его путь к языкам. Поэтому, чтобы не создать у него ложного впечатления, позаботьтесь перевести каждое непонятное ему слово.

В *чтении* действуйте аналогично – замечайте надписи на языке, который учите, на этикетках и марках, на обуви и летней майке.

Что касается *письменной речи*, то попробуйте на досуге написать свое имя или название города, в котором живете, изучаемым шрифтом. А в общем, все четыре эти направления допускают любую самостоятельность – она способна наполовину облегчить занятия языком.

На прохождение этого этапа у вас уйдет 3–4 месяца. Вы должны познакомиться с основами грамматики, освоить 800 общеупотребительных слов и приобрести самое драгоценное – языковую интуицию, проникнуться духом языка. Затем можно отдохнуть с месяц. Если после этого обнаружите, что многое забыли, не огорчайтесь. Все это не пропало и в будущем составит прочный фундамент занятий. При почти полном забывании рекомендуется повторить курс. Особое внимание обращайтесь на свои... ошибки! Нет более точного показателя ваших языковых способностей и недостатков. В самых общих чертах ошибки бывают двух видов. Одни состоят в перенесении оборотов родного языка на чужой (например, когда по-русски говорят: «Я есть инженер»). Другие ошибки заключаются в использовании оборотов изучаемого языка в несвойственной им функции. Например, я знал иностранца, который ставил русские глаголы в будущее время так: «иду – пойду, пью – попью, кладу – покладу». Мы так не говорим, мы скажем: «положу». Но он не обязан знать подобных тонкостей. Достаточно и того, что овладел самыми общими законами русского языка. А любой из нас его легко поймет. Так вот, чем больше ошибок второго рода вы делаете, тем лучше ваши дела, тем ближе вы подходите к следующему этапу обучения – для продолжающих.

Мы будем рассказывать о нем в той же последовательности, что и о предыдущем. Сначала подготовка. Здесь самое время посоветоваться с собой и решить: не утасло ли в вас стремление изучить избранный язык? Если утасло, то ничего страшного – важно только разобраться, касается ли это данного языка или любого языка в принципе. В первом случае не огорчайтесь. Те внутренние барьеры, которые вы преодолели, будут браться вдвое легче при изучении другого языка – того, который стал вам нужнее. Если же вы разочаровались во всех языках, то это, скорее всего, произошло по вине первого «выхода в свет», о котором и вспомнить неловко. Вероятно, нужно было перевести элементарный текст или, не дай бог, что-нибудь сказать – и вы, к своему глубокому стыду (и далее в том же духе)... Ничего

особенного – это чувство знакомо каждому полиглоту. Все дело в том, что по мере изучения языка не происходит немедленного улучшения: знания как бы накапливаются, чтобы сразу перейти потом на следующий уровень. Поэтому успокойтесь, припомните хотя бы, сколько раз падали с велосипеда, а затем вдруг... поехали. При желании повторите начальный этап и смело переходите к этому.

Из пособий вам понадобятся грамматика (если ее нет, можно удовлетвориться тем, что написано в учебнике, по которому вы начали осваивать язык) и словарь, желательно из двух частей под одной обложкой иностранно-русский и русско-иностранный, примерно по 8–12 тысяч слов каждая. Впрочем, подойдет и иностранно-русский словарь любой толщины, особенно по вашей узкой специальности, если вы занимаетесь языком для работы. Если все-таки не удалось достать какого-то пособия – ничего страшного. На этом этапе вполне допустимо забегать в библиотеку через день. Не улыбайтесь, многие полиглоты не только у нас, но и за границей годами так и живут.

И наконец, вам понадобятся тексты для чтения. Какие? До сих пор вы читали пресные, но очень полезные тексты учебника, специально созданные для начинающего. Теперь это пройденный этап, смело переходите к текстам, которые вам нужны и интересны, ради которых стоило покорпеть над языком. Есть ли у вас такие тексты? Если работа или жизнь сложилась так, что в овладении языком есть прямая необходимость, то говорить, конечно, не о чем – трудностей никаких нет. Ну а если таких текстов не найти? Тут советую вам задуматься. Вот вы провели за малоинтересными текстами уже 3–4 месяца. Стоит ли и дальше терять время и силы на язык, на котором вам ничего не хочется прочесть? Может быть, лучше заняться историей или наречиями родного языка? По крайней мере в практике у вас не будет недостатка. Подумайте, сейчас самое время изменить свой выбор.

Но, может быть, у вас *пока* нет возможностей практиковаться в избранном языке. Вы, собственно, и надеетесь при помощи занятий языком стать более культурным человеком, сделать свою жизнь интереснее и в итоге создать такие возможности? В этом случае поздравляю вас: вы настоящий полиглот. Зачем мне тратить слова, если вы вскоре сами почувствуете романтику языкового поиска, когда начнете рыскать по магазинам старой книги и библиотекам, звонить товарищам и договариваться с кем-то... Наконец, торжествуя, кладете на стол газету на уже полужнакомом языке и видите, что где-то схватываете смысл заголовка, где-то выуживаете знакомое слово... Минута – и тяжелые ворота каких-нибудь полгода назад неприступной крепости языка начинают со скрипом приотворяться!

Впрочем, мы отвлеклись. А переходя к прозе, заметим, что никаких особых трудностей в приобретении интересных текстов для чтения у вас не возникнет. Прежде всего через «Книгу – почтой» и в книжных магазинах можно легко оформить предварительный заказ на нужное издание. Кроме того, в больших городах есть отделы и магазины книги зарубежных стран. К примеру, в «Планете» и «Мире», что на Литейном, представлена литература самое меньшее на 20 языках. Наконец, вы можете подписаться на политический еженедельник «Новое время», печатающийся на 9 европейских языках, и газету «Московские новости», выходящую также каждую неделю на 4 европейских и арабском языках.

Что касается порядка занятий, то ничего нового об их времени и месте мы не скажем. А содержание каждого урока будет составлять работа с тетрадкой, структуры которой советую придерживаться довольно тщательно. Это такой же отполированный руками многих полиглотов инструмент, как рубанок для столяра или скрипка для музыканта. Возьмите обычную тетрадь в 12 или 48 листов. Если вы занимаетесь в транспорте, то ее придется разрезать пополам и пользоваться лишь одной из частей или же приобрести записную книжку карманного размера. Конечно, в этом случае писать придется мельче.

Первое занятие, однако, проведем за столом. Возьмите интересный для вас текст и найдите в нем 3–4 не очень длинных предложения с такой структурой, в которой вы хоть что-то понимаете с первого взгляда. Вырежьте и наклейте этот отрывок на первом же развороте тетрадки, а именно в верхней половине левой страницы. Отныне это будет та часть разворота, которую всегда будет занимать текст. Конечно, если вы в библиотеке или не

хотите портить собственную книгу, просто перепишите от руки предложения в тетрадь. На 3–4 фразы у вас уйдет от силы 5 минут. Бегло разберитесь со словарем в общем содержании текста, подчеркните ключевые слова. Для них предназначена вся правая страничка на каждом развороте. Разделите ее вертикальной линией и выпишите по левую руку от нее столбиком 15 ключевых слов (если нужно – с транскрипцией). Справа пометьте их перевод. Старайтесь всячески облегчить себе запоминание слов. Для этого устойчивые словосочетания и обороты надо не разрывать, а записывать и учить каждый как одно слово. Так, по одной строчке займут такие выражения, как «принимать участие», «иметь большое значение», «меня зовут...». Попробуйте писать фломастерами разных цветов. Очень помогает запоминанию и то, когда перевод конкретных слов, таких, как «человек» или «дом», записывается не буквами, а изображается простейшим рисунком. Также следует порекомендовать, чтобы по крайней мере одно из 15 слов на каждой страничке было присущим только этому языку, если хотите – экзотичным.

Тут я всегда вспоминаю такой случай. Недавно назначенный в лезгинскую школу учитель русского языка читал с учениками текст. В нем было выражение «красить забор», и каждый раз, когда доходили до него, ребята начинали улыбаться. Когда же преподаватель спросил, в чем здесь дело, ему объяснили, что дерево у лезгин – довольно ценный материал и его употребляют на более важные нужды, а заборы делают из колючего кустарника. Как вы понимаете, покрасить такой забор действительно затруднительно... Узнав об этом, учитель нарочно стал вставлять в тексты подобные примеры – для нас такие обычные, а для других, оказывается, совсем неочевидные. Естественно, эти слова и выражения, а заодно и то, что попадалось рядом, прочно западали в память, что называется – намертво, как колючки цепляются за одежду, если попытаться перелезть через лезгинский забор.

И наконец, грамматика – ей мы отводим нижнюю половину левой странички. Сюда вы будете выписывать из текста встретившиеся грамматические сложности, естественно с объяснением, найденным по грамматическому справочнику. Старайтесь сводить объяснение к минимуму, по возможности к схемам. Громоздкие конструкции нужно очищать от всего второстепенного. Обычно после такой операции вы получаете остов из 3–4 слов, которые и надо поместить в тетрадь. Если конструкция все же слишком сложна, не бейтесь над ней. Пометьте сбоку перевод и оставьте ее до лучших времен.

Если в языке слова изменяются, дайте сразу же несколько близких форм слова – так будет легче запомнить. К примеру, предположим, что иностранец при изучении русского языка столкнулся с тем, что во множественном числе у некоторых существительных мужского рода есть два разных типа образования родительного падежа. Не правда ли, даже вам было трудно сразу сообразить, что значит предыдущая фраза? А каких сил будет стоить бедному иностранцу само правило! Но мучиться совсем не нужно. Достаточно выбрать от каждого типа по полномочному представителю и записать их в виде такой вот пропорции: (есть носки: нет носков) = (есть чулки: нет чулок) – а дальше сослаться на страницу учебника, где подробно объясняется, почему же русские могут сказать «нет носков», но никогда не скажут «нет чулков». Если же в избранном языке знаменательные слова не изменяются, особое внимание обратите на служебные. Их было бы хорошо выписывать в каком-то порядке. Скажем, встретив слово «над», не записывайте его в одиночку, лучше найдите по словарю связанные с ним по значению предлоги и расположите их так:

Ручаюсь, что эта крестовина навсегда засядет в памяти.

Вот и заполнен первый разворот тетради. Если вы не успели разобрать весь текст за 40 минут, не торопитесь, у вас хватит на это времени при следующем заходе в библиотеку, через 1–2 дня.

Ход урока в принципе такой же, как раньше. Первую четверть его вы уделяете грамматической части тетради, затем поднимаете глаза вверх и разбираетесь в тексте. Третья четверть посвящается правой страничке – списку слов и выражений, а последняя – свободному чтению текста с попутным повторением произношения. Освоив данную порцию, либо закончите разбор текста, либо переходите к новому. Время от времени полезно возвращаться к пройденным урокам, но повторяйте их, как мы уже уговорились, по четвертям. Скажем, повторение старой грамматики может занять большую часть времени, отведенного для новой, но вот залезть во время, отведенное чтению, не имеет права. Не следует опасаться того, что таким образом целые занятия превратятся в сплошное повторение. Но вот что строго запрещается, так это заготавливать себе впрок тексты с выписанными словами и грамматикой. Польза от этого примерно та же, что от обеда, если сварить его на неделю вперед.

Ваша тетрадь – очень гибкая форма самостоятельного обучения. Постарайтесь использовать ее сильные стороны, прежде всего то, что ее легко подогнать под собственные вкусы. Чередуйте тексты разной тематики, не помещайте в тетрадь ни одной строчки, не вызывающей у вас острого интереса, набрасывайте карты и вырезайте забавные заметки из газет. Поможет тетрадь и в решении обратной задачи – научиться переводить с родного языка на изучаемый. Тогда на место, отведенное для текста, вклеиваем русский текст нужного вам содержания – понятно, что не самый сложный. Находим в нем ключевые слова, выписываем справа. Подбираем под них простейшую грамматику, помещаем ее под текстом – и можно тренироваться в переводе до тех пор, пока не получится! Однако особенно не усердствуйте, достаточно спокойного, любознательного терпения. И разумеется, снова нужна обширная практика в языке по всем четырем направлениям.

Первое – это стараться *говорить*, используя любую возможность. И здесь тоже есть свои приемы. Прежде всего отведите пару страниц тетрадки одному-двум сценариям простейшего разговора: вход в беседу («Здравствуйте!»), основная часть (к примеру, для начала: «Знаете, я учу ваш язык, он красивый») и выход («Я знаю пока мало, поэтому перейдем на русский»). Уверю, любой нормальный собеседник будет в восторге от вас! А почему бы и нет? Ведь вы сказали нечто доброжелательное и вполне понятное на простом, но внятном языке. Впрочем, на восторгах не следует останавливаться. Лучше задать себе вопрос: а где в этом коротеньком разговоре я допустил языковой ляп? Где мне не хватило 2–3 фраз, чтобы общение стало полноценным, и каких именно?

Как вы уже догадались, эти недостающие фразы и нужно выписать в тетрадь как предмет следующего урока. Через некоторое время надо повторить сценарий беседы. Как только почувствуете, что «садитесь в лужу», выскользните из разговора, употребив одну из «домашних заготовок»: «Ваш язык хороший, но трудный. Я устал, теперь давайте по-русски». А затем снова проанализируйте, чего вам не хватило на этот раз. Самое интересное, что для любого разговора надо совсем немного слов – во всяком случае, четырем-пятью сотнями можно обойтись. Конечно, для этого вам придется удерживать разговор точно в границах тех тем, в которых вы сильны, и уводить от тех поворотов, где у вас не хватает слов. Здесь, естественно, понадобится некоторая смекалка, но разве не доводилось читателю и на родном языке направлять беседу в желательное русло?

Впрочем, как бы чисто ни произнесли вы отрепетированное приветствие, ответ собеседника вас огорошит. Скорее всего, вы ничего не поймете – и это нормально. Ведь вы пока не работали над *пониманием устной речи*. И надо сказать, что на данном этапе человек, живущий в самой гуще изучаемого языка, не имеет большого преимущества перед тем, кто никогда и не видел ни одного из тех, кто на нем говорит. Лучшее средство здесь – радио. Кстати, наша страна постоянно ведет передачи на 76 языках мира, и слышно их прекрасно. Так что берите в руки приемник, можете даже прилечь, – это занятие будет похоже на отдых, немаловажно и то, что отдохнут и глаза, – настройтесь на нужную волну... Ничего не понимаете? Не беда! Тут тоже есть свои подходы. Самое простое, что есть в передаче, – новости. Их передают обычно в начале каждого часа (или получаса). Значит, сначала будут

позывные, диктор объявит на изучаемом вами языке: «Говорит Москва», а дальше пойдут новости. Чтобы представить себе их содержание, прослушайте их сначала на русском языке, скажем, по «Маяку». Вслушиваясь в иноязычную речь, вы теперь непременно кое-что поймете – имена, названия стран и городов, международные слова. Послушайте новости до конца и выключите приемник.

Для помощи уделите несколько страниц в тетрадке переводу текущих новостей. Ну и, конечно, ежедневно присаживайтесь к приемнику минут на 10. Поверьте, что через 5–6 дней вы начнете кое-что различать. Советую вам достаточно часто включать радио, продвигаясь от новостей к комментарию и далее – в глубь передачи. Особенно эффективно для этого время перед сном – помните, мы говорили о восприимчивости мозга в состоянии, переходном от бодрствования ко сну? Спустя месяц-другой вас уже вряд ли собьет с толку собеседник с самым невнятным выговором. К чтению и письму подступаем так же: репетируем по тетрадке то, что нам нужно, начиная с азов – марки прибора, заголовка статьи, подписи под фотографией.

Как видите, никаких контрольных работ или экзаменов для вас не запланировано. Но довольно скоро вы начнете мучиться вопросом: а сколько же все-таки я выучил? Пытаясь оценить хотя бы самую простую вещь – число усвоенных слов, – вы обнаружите, что сделать это невозможно. Пролистайте тетрадь – и увидите, что одни слова встречаются в ваших записях по несколько раз, они легко выучивались и так же легко забывались, другие как будто известны, но в тексте вы их не узнаете, третьи в списке не вспоминаются, зато в тексте вполне понятны. Ничего страшного – это хороший признак, свидетельство того, что идет живой, естественный процесс. Так же у растения нельзя определить, сколько у него листьев: одни почки едва раскрылись, другие дали зеленый побег с листком, третьи почти увяли...

В среднем прохождение одной тетрадки в 24 листа полиглоты считают хорошим результатом, а двух – отличным. Их мнение вполне соответствует мнению ученых: если на разворот приходится по 15 слов, то в первой тетради набирается 360 слов, во второй столько же. Если приплюсовать сюда еще те 700–800 слов, которые были освоены на начальном этапе, то получится общепринятая цифра нижнего (1000 слов) или верхнего (1500) лексического минимума. С грамматикой дело обстоит аналогично: если проходить разворот тетрадки за 3–4 дня, то нижней границы вы достигнете через 3 месяца, а верхней – еще через 3. Вместе с первым этапом получится в общей сложности менее года. Этого, по современным понятиям, достаточно любому человеку средних способностей для общего ознакомления с языком.

Но более показательны опять-таки ошибки. При встрече с незнакомым словом или оборотом не бросайтесь к словарю. Вероятность того, что в уже усвоенном материале есть какой-то намек, подсказка, в общем, достаточно велика. При правильном курсе занятий вы должны все чаще что-то такое угадывать. И здесь не требуется каких-либо особых дарований – ведь и в родном языке мы не знаем всех слов, но, встретившись с незнакомым, всегда можем его повторить, с большой долей вероятности определить, к какой части речи оно относится и что в общих чертах может значить. А когда к угадыванию добавляется и удовольствие от встречи с неясным оборотом, вы приближаетесь к своей цели. Тогда начинайте сокращать время работы с тетрадью, обращайтесь к ней только перед экзаменом, трудной беседой и, конечно, после долгой разлуки с языком. Придет время, когда она, забытая, останется лежать где-то в ящике стола, проводив вас к полноценному владению языком.

Если вы наблюдательный человек, то к этому времени вы уже будете знать о творчестве полиглота столько же, сколько автор, а может быть, и больше. И от того, что этой дорогой прошли тысячи людей до вас, плоды учения не станут менее сладкими. Открыть в себе дремлющие силы – что может быть более увлекательным? Давая вам в руки надежный путеводитель, автор не испытывает тревоги. Да, этот путь непрост, но у вас есть все данные для того, чтобы пройти его до конца, принося с первых шагов пользу людям. Читая книгу, вы, конечно, заметили, как много тем мы вынуждены были обсудить сжато, как много тем –

лишь наметить. Как часто мы ставили точку там, откуда можно было только начинать двигаться в самых разных и всегда интересных направлениях. Ну что же, идите по этим дорогам сами. Добро пожаловать в мир полиглотов!